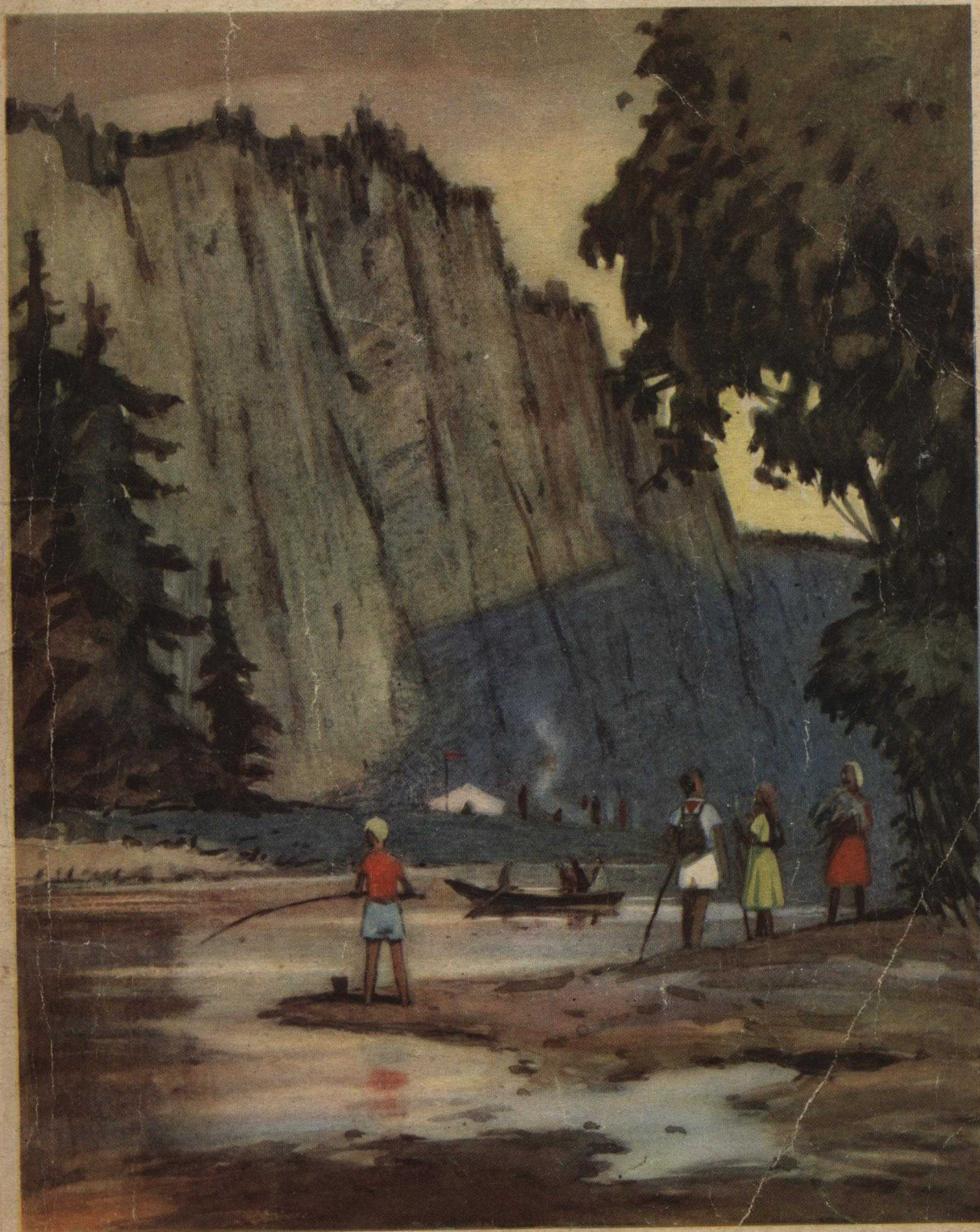

ПИОНЕР

ИЮНЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1953 г.

6

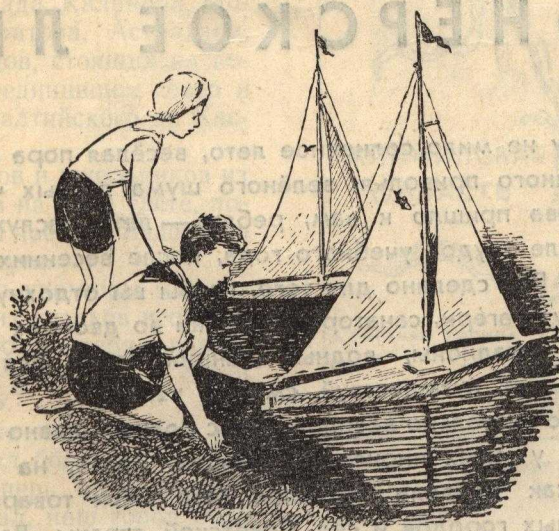
НА ЛЕСНОЙ ОПУШКЕ.

Фото С. Васина.

П И О Н Е Р

Е Ж Е М Е С Я Ч Н Ы Й Д Е Т С К И Й Ж У Р Н А Л
Ц Е Н Т Р А Л Ь Н О Г О К О М И Т Е Т А В Л К С М

№ 6 июнь 1953 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ПИОНЕРСКОЕ ЛЕТО

ому не мило солнечное лето, весёлая пора цветущих лугов, речного приволья, зелёного шума лесных чащ! И вот оно снова пришло к вам, ребята,— лето заслуженного отдыха после трудов учебного года, после весенних экзаменов.

Всё сделано для того, чтобы вы отдохнули хорошо: вас ждут лагеря, санатории, кружки во дворцах пионеров, спортивные площадки, стадионы, водные станции, парки. Вся огромная страна перед вами — ходи, путешествуй, смотри, узнавай!

Проводить лето не только весело, но и с пользой давно вошло в обычай у советских ребят, у юных пионеров-ленинцев. Здесь, на этих страницах, вы прочитаете, как провели прошлое лето ваши товарищи, пионеры и школьники различных городов и сёл Советской страны. Рассказы, письма, дневники этих ребят подскажут много интересного и вам для летних планов. Обдумав прочитанное, посоветовавшись со старшими, вы и сами найдёте немало неизведанных дорог, немало увлекательных целей для ваших путешествий, немало интересных и нужных дел, которые ожидают, чтобы вы за них взялись.

Итак, счастливого и весёлого лета, друзья! Пусть оно у вас будет таким же хорошим, как то, о котором рассказывается на этих страницах.

ПО ВЕЛИКОМУ ВОДНОМУ ПУТИ

прошлом году летом в Москве состоялся слёт юных путешественников. Его организовала Центральная детская экскурсионно - туристическая станция. Приехали ребята из

Архангельска, Ленинграда, Калинин, Московской области, Саратова, Астрахани, Казани и других городов, стоящих на великом водном пути, соединившем север и юг нашей страны от Балтийского до Каспийского моря.

Наша группа пионеров и школьников из Весёгонска тоже была на этом слёте, потому что мы проделали часть путешествия по великому водному пути.

Когда-то Н. В. Гоголь упоминал наш город как один из далёких уголков необъятной России. «...препроводить тебя в какой-нибудь Весёгонск», — писал он в своей поэме «Мёртвые души».

Сейчас Весёгонск не захолустный город. Уже давно он стал большим портом Рыбинского моря. А теперь, когда построен Волго-Донской канал, наш город стал портом пяти морей. В Весёгонск будут приходить пароходы с Белого, Балтийского, Каспийского, Чёрного и Азовского морей.

Мы путешествовали по городам Верхней Волги по маршруту Весёгонск—Щербаков — Углич — Калязин — Кашин — Весёгонск.

В путешествии мы вели походный дневник, а Миша Верхоланцев и Женя Малышев делали зарисовки. Здесь вы прочтёте некоторые из наших записей.

Город - порт

Рано утром 3 июля пароход «Уральск» приближался к Щербакову. Никто из нас уже не спал. Поднявшись на палубу, мы смотрели, как «Уральск», минуя плотину, сдерживающую воды Рыбинского моря,

Маршрут нашего похода.

вошёл в шлюз. С палубы хорошо видны строительство новой ГЭС, судовые верфи и набережная. Щербаковская набережная — самая большая на Рыбинском море: она тянется на двенадцать километров.

Несмотря на ранний час, всюду было оживление: вниз, в сторону Углича, и вверх, к Весёгонску, шли самоходные баржи и пароходы, сновали маленькие юркие катера. Мы почувствовали, что попали в большой портовый город. И это действительно так: в Щербакове скрещиваются водные пути, идущие в Ленинград, Москву, в города на Волге, на Каспийском, Чёрном и Азовском морях.

В Щербакове мы пробыли два дня и многое успели посмотреть. Много интересного мы узнали на заводе полиграфических машин. Никто из нас никогда ещё не видел машин, на которых печатаются

книги, газеты и журналы.

Сначала мы попали в литейный цех. Здесь из расплавленного металла отливаются части машин. Для того, чтобы отлить какую-нибудь деталь, нужно приготовить опоки. В специальный ящик укладывается модель детали, которую нужно отлить, засыпается землёй и плотно утрамбовывается пневматическим молотом. Затем модель детали вынимают и в форму, которая образовалась в земле, льют расплавленный металл.

В этом цехе мы наблюдали, как из печи выпускают чугун. Расплавленный металл огненной струйкой бежит по желобку в подставленный чан. Потом подъёмный кран забирает чан и переносит его на место разливки в опоки.

Из литейного цеха мы прошли в станочный цех. Здесь мы видели, как делают огромную, двенадцатирольную газетную машину-агрегат — ротацию. Нам объясни-

В литейном цехе завода полиграфических машин.

Дворец культуры в городе Щербакове.

ли, что она за один час будет печатать миллион двести тысяч газет.

На заводе всё механизировано, поэтому во всех цехах мало людей.

Этот замечательный завод построен при советской власти. Он первый в нашей стране начал выпускать полиграфические машины. До этого их приходилось привозить из-за границы.

Потом мы побывали на спичечной фабрике «Маяк», и это было тоже очень интересно.

В первом цехе мы видели станки, около которых лежали кучи деревянных чурбаков определённого размера. Это лушильные станки, которые срезают с чурбачков длинные ленты — стружки. Из стружки изготавливаются крышки спичечных коробок. На другом станке лента режется на дольки — донышки для коробок.

Мы долго смотрели, как в станки-автоматы подаются на конвейере стружки, донышки и синяя бумага, промазанная клеем, а оттуда выходят готовые коробки. Потом коробки поступают в цех, где на них наклеиваются этикетки. Набивочная машина автоматически раскрывает коробки и набивает их спичками. Закрытые коробки поступают в особую машину, где специальные щётки намазывают бока коробок составом для зажигания спичек. После просушки коробки конвейером подаются в упаковочный цех.

Дольше всего мы стояли у лушильных станков, режущих «шпоны» для спичек. Это более толстая стружка, чем та, из

которой делаются коробки. Рубильный станок превращает «шпоны» в «соломку». Соломка пропитывается диаммонием, чтобы спички не тлели, и на ленте транспортера соломка отправляется в сушилку. Наконец, специальной машиной спички укладываются в кассеты, намазываются с одного конца горючим составом и просушиваются тёплым воздухом. После всех этих операций спички укладываются в коробки набивочной машиной-автоматом.

Так мы узнали, какая сложная техника применяется на наших заводах и фабриках, какие мелкие и точные работы выполняют машины. И главное, мы узнали, как много должен знать и уметь человек, управляющий этой техникой.

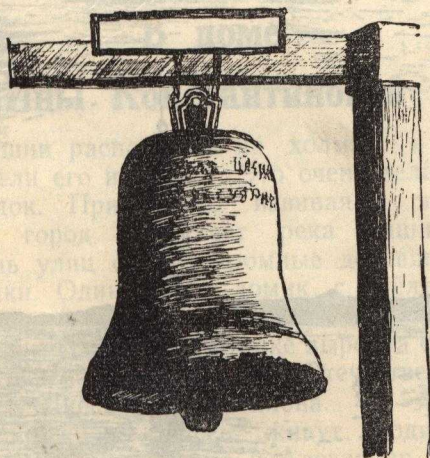
Нина Шаронова,
Гая Котина

В обновлённом Угличе

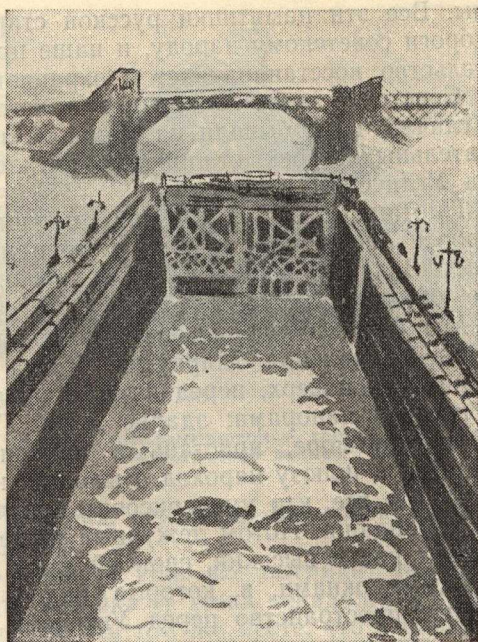
На большом волжском пароходе «Лермонтов» мы приехали из Щербакова в Углич. Раньше Волга от Щербакова до Углича во многих местах была несудоходной; кое-где её даже переходили вброд. А сейчас по расширенной и углублённой Волге непрерывным потоком мимо Углича идут теплоходы, пловучие санатории, нефтяные караваны с бакинской нефтью и грузовые самоходки с астраханской рыбой.

Древний Углич из сонного городка превратился в промышленный центр.

В Угличе много памятников старины. Мы побывали во дворце угличских князей, где жил сын Ивана Грозного царевич Дмитрий, последний из династии Рюрико-

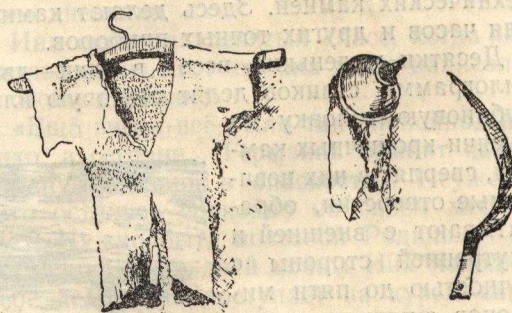

Угличский вечевой колокол.

Так выглядит Угличский шлюз из окна здания, где находится пульт управления гидроузла.

вичей. Нам показали вечевой колокол. В этот колокол 15 мая 1591 года церковный сторож бил набат, созывая угличан на место гибели царевича. Борис Годунов жестоко расправился с угличанами: «...иных казнили, иным языки резали... множество людей в Сибирь сосла-

Экспонаты из Угличского краеведческого музея.

ны», — написано в летописи. Колокол тоже «казнили»: у него вырвали «язык» и «ухо», нанесли двенадцать ударов плетью и вместе с угличанами отправили в Сибирь. Триста лет пробыл колокол в ссылке. В 1892 году колокол был возвращён в Углич.

До сих пор сохранились остатки угличского кремля и рва, окружавшего город, сохранились церкви старинной архитекту-

ры. Все эти памятники русской старины дороги советскому народу, и наше правительство восстанавливает и охраняет их.

Советские люди начали новую историю Углича. Мы побывали на одной из замечательных строек сталинских пятилеток, на Угличском гидроузле.

Плотина этого гидроузла поднимает уровень воды на двадцать метров и делает Волгу судоходной там, где раньше не ходили пароходы.

Мы были в здании, где помещается пульт управления гидроузла. Когда мы поднялись наверх, перед нами открылась обширная панорама: здание новой ГЭС, Угличское море, пристань и приближающийся к шлюзу пароход. Было так красиво, что все, кто умел рисовать, взялись за карандаши. Потом дежурный инженер провёл нас в высокий, светлый зал с огромными окнами, в которые видно всё водное пространство перед Угличем.

В стенах этого зала много автоматических кнопок, рычажков и электрических лампочек. Когда какая-нибудь из лампочек вспыхивала, дежурный нам объяснял, что это сигнал к отправлению или приёму парохода.

Мы сами видели, как по такому сигналу дежурный нажал кнопку, — и с одного конца шлюза опустился многотонный щит, а с другого раскрылись тяжёлые ворота, чтобы пропустить теплоход.

В тот же день мы побывали на заводе технических камней. Здесь делают камни для часов и других точных приборов.

Десятки маленьких, весом в один—два килограмма, станков делают агатовую или рубиновую головку на тысячи крошечных камней, сверлят в них невидимые отверстия, обрабатывают с внешней и внутренней стороны с точностью до пяти микронов, а пять микронов в десять раз тоньше волоса. Многие камни так малы, что их могла бы унести муха на своих лапках.

Вся дневная продукция завода, напряжённая работа сотен людей, умещается на ладони. Мы рады, что познакомились с этим редким производством.

Мы узнали и о будущем Углича. В ближайшие годы в нём будут построены новые заводы. Уже намечено строительство стекольного завода, так как недалеко от Углича есть кварцевые пески. В окружающих колхозах снимаются большие урожаи льна, и в Угличе намечается постройка льнокомбината.

Вот каким стал древний Углич в советское время.

Женя Мальшиев

В Калязине

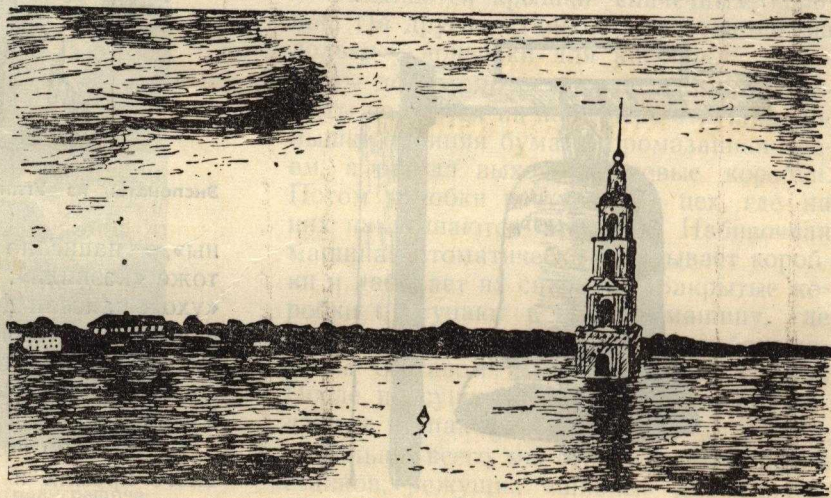
Широко разлились Волга и её приток Жабня. Возле устья Жабни стоит небольшой городок Калязин.

В 1932 году, когда Верхняя Волга расширялась, часть Калязина с левого берега Жабни пришлось перенести на более высокий, правый берег. А низкий берег затопило водой, и теперь пассажиры проходящих мимо пароходов видят окружённую со всех сторон водой старую колокольню, стоявшую когда-то на городской площади.

Мы причалили к правому берегу Жабни и на катере переправились в город.

В Калязинском краеведческом музее мы узнали, что Калязин был построен в двенадцатом веке и окружён деревянной крепостной стеной. Здесь бывал Иван Грозный. В музее хранится старинный документ, мы видели на нём подлинную подпись Грозного.

В Калязине родился и работал помощником писца великий русский баснописец И. А. Крылов. Здесь в раннем детстве

Старая колокольня, как маяк, стоит в море.

жила русская актриса М. Н. Ермолова, первая народная артистка республики. В Калязинском уезде родился писатель М. Е. Салтыков-Щедрин.

Мы познакомились с ребятами из пятой калязинской школы, и они пригласили нас на свой юннатский участок. Водила нас по участку и всё объясняла юннатка Тамара Булычёва, ученица девятого класса.

Пришкольный участок, разбитый на месте пустыря, был в образцовом порядке. Как много на нём было всего посажено! Там росло до двадцати видов медоносов, виноград, гибриды смородины и крыжовника, вишни и черёмухи и много огородных и полевых культур.

Ребята из пятой школы очень с нами подружились. Все три дня, которые мы были в Калязине, они провели с нами. Мы вместе ходили в музей, на фабрики, в кино. По вечерам играли в мяч и устраивали прогулки по городу.

Мы и не заметили, как настал день расставания. Всей гурьбой проводили нас ребята до парома, на котором мы переехали широко разлившуюся здесь Волгу. На прощанье мы обменялись адресами со своими новыми друзьями.

Причалив к берегу, мы выкупались, посидели немножко на берегу, полюбовались расстилавшимися перед нами широкими далями красавицы Волги. А потом надели рюкзаки и снова двинулись в путь, только теперь уж пешком.

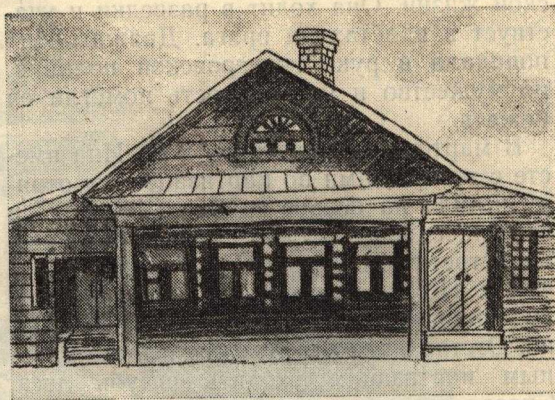
Мы шли по маршруту Кашин — село Верхняя Троица. В этом селе родился Михаил Иванович Калинин.

Толя Кузьмиченко

В доме Ины Константиновой

Кашин расположен на холмах, и мы увидели его издали. Это очень зелёный городок. Причудливо извиваясь, через весь город протекает река Кашинка. Вдоль улиц стоят скромные деревянные домики. Один такой домик с жёлтыми ставнями на всю жизнь сохранится в нашей памяти. В этом домике выросла славная партизанка, героиня Отечественной войны Инеса Константинова.

Попрежнему здесь живут родители Ины Вера Васильевна и Александр Павлович Константиновы, приезжает сюда её

Дом Инесы Константиновой — героини Великой Отечественной войны.

сестра Реня, студентка Московского университета.

В комнате Ины всё выглядит так, как будто хозяйка её ушла ненадолго и скоро вернётся. На том же месте, что и раньше, висит портрет Маяковского. Стоят письменный столик, кресло, кровать, пианино. На стене полка с любимыми книгами. Когда-то Ина посадила маленькую пальмочку. Сейчас эта пальмочка стала большой и красивой. На полочке стоит засохший букет ландышей, собранных Иной перед уходом на фронт. В открытое окно виден садик, где Ина выращивала цветы.

Мы с волнением рассматривали школьные тетради Ины, её фотографии, а Вера Васильевна читала нам отрывки из ининного дневника.

Ина окончила девятый класс, когда началась война. Вот что она тогда написала в своём дневнике:

«Ещё вчера всё было так спокойно, так тихо, а сегодня... Германия бомбит нашу страну!.. Страна в опасности... Неужели я-то останусь спокойно на своём месте? Нет! Нужно быть полезной Родине...»

С первых же дней войны Ина находит себе дело. Она поступает на курсы сандружинниц, учится стрелять, работает в госпитале и всё время стремится на фронт. Ина подаёт заявление в военкомат, чтобы её послали на фронт, но долго не получает ответа. Наконец 4 июля 1942 года мечты Ины сбываются: её направляют в партизанский отряд. Она уезжает и с дороги пишет родителям:

«Не расстраивайтесь, не жалейте меня, — случилось то, чего я всегда так хотела. Я счастлива».

Наравне со всеми бойцами Ина переносит трудности и опасности партизан-

ской жизни. Она ходит в разведки и участвует в налётах на врага. Дважды Ина попадала в руки гитлеровской полиции, но мужество и находчивость помогли ей бежать.

В мартовскую морозную ночь Ина вместе с товарищами по партизанскому отряду вышла на боевое задание. В лесу, в засекреченной землянке, они должны были встретиться с другой группой разведчиков. Но на рассвете землянку окружили фашисты. Уйти всем было невозможно. Отстреливаясь, Ина приказала остальным партизанам уходить вглубь леса. Спасая жизнь своим боевым товарищам, она одна приняла бой с наседавшими фашистами.

Ина погибла. На другой день, вернувшись, партизаны похоронили её под высокой пушистой сосной. В 1944 году прах отважной разведчицы был перенесён в Кашин.

Из домика мы вместе с Верой Васильевной и Александром Павловичем пошли на могилу Ины. Мы собрали букет полевых цветов и украсили ими могилу Ины.

Светлый образ этой советской девушки будет служить нам примером. Всей своей жизнью Ина учит нас тому, как должен вести себя каждый пионер и комсомолец, чтобы быть достойным нашей великой Родины.

Юра Левин

Ночной переход

В Верхнюю Троицу нас привезла попутная машина. Мы побывали в доме, где провёл своё детство дорогой всем советским людям человек — Михаил Иванович Калинин. Его именем в селе названы школа, клуб, больница.

Завтра мы собирались выехать в Весьегонск, поэтому нам нужно было вернуться в Кашин в тот же день. Нам предстоял длинный путь, но это никого не пугало: всех манило ночное путешествие. Солнце уже склонилось к западу, когда, надев рюкзаки, мы выстроились. Вид у нас был самый боевой.

Проходя через мостик, мы ещё раз посмотрели на мелководную с золотистыми берегами речку Медведицу и вошли в лес.

Лес шумел. Слева сквозь берёзовые ветви, как сквозь ажурную решётку, поблескивало солнце. С другой стороны небо быстро заволакивалось тучами, и, поглядывая на них, мы прибавляли шаг.

Как всегда бывает в пеших переходах, всем хочется говорить. И каждый из нас делился своими впечатлениями о том, что ему понравилось в походе. Кому вспоминался Щербаков, кому Углич. За весёлыми разговорами километры таяли, как льдинки.

Уже совсем ночью мы вышли в поле. На горизонте показалась узкая золотистая полоска — и вскоре выплыл бледный месяц. Нас обгоняют машины. Хорошо бы нам подбегать! Но об этом никто не говорил. И вдруг вдали мы увидели цепочку мигающих огней. Кашин! В темноте нам показалось, что до него рукой подать, но километровые столбы показали, что идти нужно ещё не меньше десяти километров.

Привал. Мы уселись на мосту через небольшую речку и свесили усталые ноги. В воде колебались наши отражения. Хотелось спать, слипались глаза, но мы поднялись и отяжелевшими ногами снова зашагали по дороге.

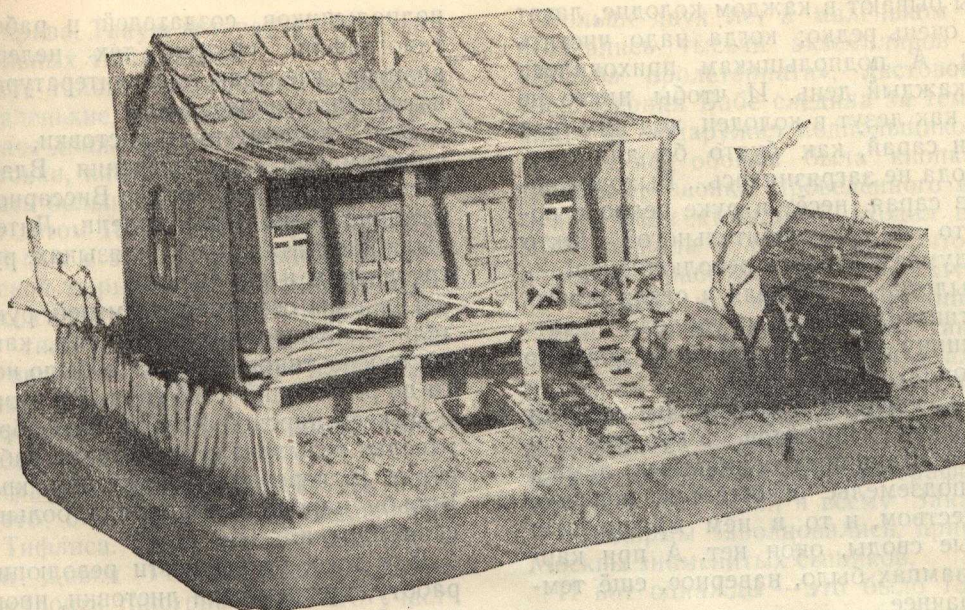
Все разговоры давно кончились, шли молча.

Наконец начало светать. На зеленоватом горизонте медленно росли силуэты города. Ещё три километра. Они кажутся нам более длинными, чем весь пройденный путь. Но ребята бодрятся и даже старались шутить.

С победным кличем мы ворвались на базу. Спать уже никому не хотелось.

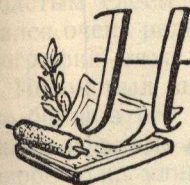
Мы чувствовали себя победителями. Наши ребята любят далеко и долго ходить. Они часто ходят на рыбалку, в лес за грибами и ягодами. Мы быстро забыли трудности и вспоминали только приятное. Счастливые, мы встретили новый радостный день.

Миша Верхоланцев

Это макет Авлабарской подпольной типографии. Его сделали ученики 4-й тбилисской школы после того, как они побывали в знаменитой типографии-музее.

ПОДПОЛЬНАЯ ТИПОГРАФИЯ

аш автобус остановился на тихой улице возле ворот какого-то маленького дворика.

— Ну, вот мы с вами и в Авлабарской подпольной типографии,—

сказал руководитель экскурсии.

Сначала я немного удивился. Во дворе стоял небольшой домик с террасой. А мне почему-то казалось, что знаменитая тайная типография — это большое каменное здание, вроде фабрики.

Но потом мне самому стало смешно, что я так подумал. Ведь типография-то была подпольная! Её построили революционеры при царской власти, чтобы тайно печатать революционную литературу. И, конечно, подпольщики так замаскировались, чтобы никто не мог догадаться, что они делают.

Как только мы вошли в дом, так сразу и поняли, что подпольщики всё очень хитро придумали. Оказалось, что этот самый дом во дворе только для отвода глаз и никакой типографии в нём нет. А помещалась типография под домом, в глубоком подземелье.

Мы спустились в типографию по железной винтовой лестнице, такой крутой, что

даже голова закружилась, когда мы шли. Но подпольщикам спускаться в подземелье было ещё труднее. Этой лестницы тогда не было. Её теперь сделали для экскурсантов. Раньше проникнуть в типографию можно было только со двора, через... колодец.

Мы, конечно, тоже охотно спустились бы таким путём. Но это не разрешается: ведь типографию ежедневно осматривают десятки экскурсантов. И если каждый будет лазить в подземелье через колодец, то он скоро совсем разрушится!

Когда мы спустились в подземелье, то в стене увидели вход в туннель. Через него подпольщики попадали в типографию. В этот туннель нам разрешили залезть. Согнувшись, мы прошли один за другим по узкому, короткому ходу. Он оканчивался провалом. А из провала торчала деревянная лестница. В конце провала горела электрическая лампочка. И видно было, что в самом низу есть ещё один туннель. Руководитель экскурсии сказал нам, что если проползти по этому туннелю, то попадёшь в настоящий колодец.

Чтобы выбраться из него наверх, надо карабкаться по выступам в стенках. Такие

выступы бывают в каждом колодце, лазят по ним очень редко: когда надо чистить колодец. А подпольщикам приходилось лазить каждый день. И чтобы никто не увидел, как лезут в колодец, над ним был построен сарай, как будто бы для того, чтобы вода не загрязнялась... Выходит человек из сарая, несёт в руке ведро с водой — что же тут удивительного? Никто и не подумает, что это революционер!

Мы вылезли из туннеля и стали осматривать типографию. Мы увидели печатную машину — копию той, что когда-то здесь стояла.

Ещё мы увидели в подземелье остатки типографских шрифтов, кувшин и несколько старинных карбидных ламп... Сейчас подземелье освещается, конечно, электричеством, и то в нём мрачновато: кирпичные своды, окон нет. А при карбидных лампах было, наверное, ещё темнее и мрачнее.

Потом мы снова поднялись наверх и стали осматривать дом. В нём две комнаты. По стенам развешаны фотографии

подпольщиков, создателей и работников типографии, снимки тех нелегальных квартир, где хранилась литература, отпечатанная в типографии.

Эту литературу — листовки, газеты, прокламации, произведения Владимира Ильича Ленина и Иосифа Виссарионовича Сталина — мы тоже видели. Литература была напечатана на трёх языках: русском, грузинском и армянском.

Пока мы осматривали музей, руководитель экскурсии рассказал нам, как была построена типография. Это было незадолго до революции 1905 года. В Грузии, как и во всей царской России, на фабриках и заводах вспыхивали забастовки рабочих, в сёлах и деревнях — восстания крестьян. Борьбу народа возглавляла большевистская партия.

Для того, чтобы вести революционную работу, нужны были листовки, прокламации, призывающие народ к борьбе, рассказывающие правду о самодержавии; нужны были газеты и книги, из которых рабочие узнали бы, как им бороться

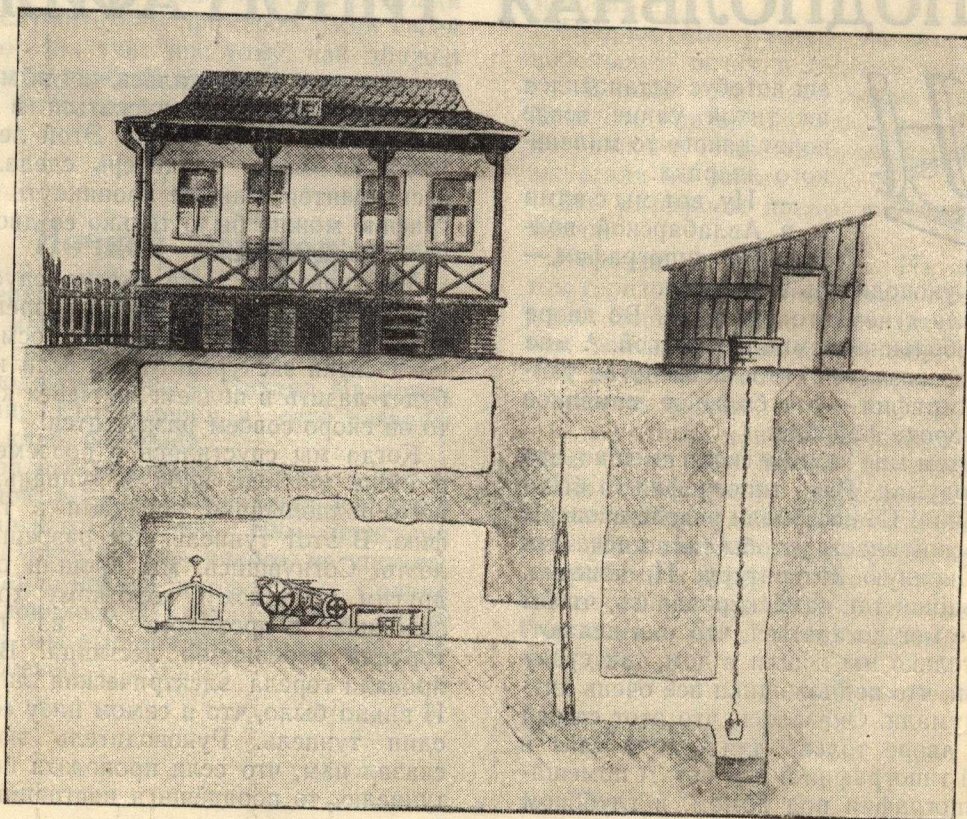

Схема устройства Авлабарской типографии.

Нарисовал Пётр Осипов, ученик 6-го класса 4-й школы. Тбилиси.

за свои права. Такую литературу печатали в подпольных типографиях.

Сначала тайные типографии в Тбилиси были маленькие, примитивные. Но революционное движение становилось всё шире, листовки, книги и газеты нужно было выпускать большими тиражами.

И вот летом 1903 года товарищ Сталин, который был в это время в заключении в Кутаисской тюрьме, дал задание Кавказскому союзному комитету: оборудовать тайную типографию, такую, чтобы она могла печатать партийную литературу большими тиражами.

Отважный революционер Михо Бочоридзе взялся за это дело.

Типографию решили построить на Авлабаре: это был отдалённый, окраинный район Тифлиса. Один смелый человек — рабочий Давид Ростомашвили — разрешил построить типографию на его участке земли. Но как сделать, чтобы никто ни о чём не догадался?

Тогда подпольщики придумали так.

Под домом вырыли глубокий подвал. А под ним — ещё один. В него вёл из первого подвала люк. Потом подпольщики прикрыли люк досками и засыпали толстым слоем земли. Этот вход открывался очень редко, — чтобы спускаться в типографию тяжёлые вещи.

Потом был вырыт колодец. Можно было бы из этого колодца провести подземный ход прямо в подземелье. Но тогда во дворе и на улице было бы слышно, как работает печатная машина. Поэтому вырыли ещё один колодец. Подпольщики соединили его туннелями с подземельем и с первым колодцем. А когда ходы были готовы, они замуровали сверху второй колодец так, что и следов от него не осталось. Всё это очень хорошо показано на схемах, которые мы увидели в музее.

Когда всё было готово, в домик тайно привезли печатную машину и другое оборудование.

В домике поселились люди. Хозяйкой дома стала пожилая, почтенная женщина — Бабе Бочоридзе, тётка Михо.

У неё поселились «жилыцы-нахлебники», которым Бабе готовила обед... На самом же деле это были подпольщики.

В феврале 1904 года товарищ Сталин, бежавший из ссылки, тайно приехал в Тифлис и стал во главе кавказских коммунистов.

Вот когда закипела работа в Авлабарской подпольной типографии!

Больше двух лет в маленьком домике печатались тысячи экземпляров газеты «Борьба пролетариата», листовок, брошюр. Верная Бабе следила за тем, чтобы никто не обнаружил подпольщиков. В её комнате под обоями была кнопка электрического звонка, проведённого в подземелье. Если кто-нибудь входил во двор, Бабе звонила в типографию, чтобы там перестали работать. А не то шум, хотя бы и глухой, мог выдать революционеров.

Всё было обдуманно. И всё-таки через два с лишним года полиции удалось набрести на след типографии. Уж очень стали заметны результаты её работы! Ведь революционная литература, которую печатали в Авлабарской типографии, расходилась по Грузии и всему Закавказью.

Жандармы заволновались, привезли из Москвы знаменитых сыщиков.

И вот однажды — это было 13 апреля 1906 года — революционеры заметили, что за домом следят какие-то подозрительные люди. Тогда подпольщики незаметно ушли, а на дверях нарочно оставили объявление, что дом сдаётся в наём.

А ещё через день дом со всех сторон оцепили жандармы и солдаты. Сыщики всё перевернули в доме вверх дном и ничего не нашли.

Но когда стали осматривать сарай, там обнаружили листовку... Жандармы стали искать ещё усерднее. Один из офицеров, осматривая колодец, бросил в него горящую бумагу. И вдруг её затянуло сквозняком в туннель. Жандармы взломали пол в кухне, нашли люк...

Типография была разгромлена, и даже дом жандармы сожгли. Они так боялись большевиков, что когда обнаружили типографию, то объявили в Тифлисе военное положение.

Теперь на пустыре снова восстановили дом и типографию, совсем такими, как они были. Тысячи людей приходят сюда посмотреть, как отважно наши отцы боролись за свободу, приходят познакомиться с революционной деятельностью товарища Сталина на Кавказе.

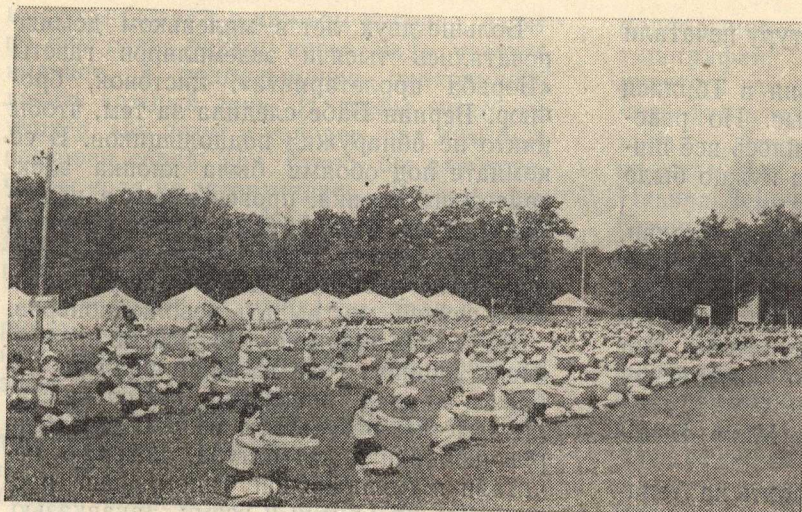
Слушая рассказ нашего руководителя, мы как будто сами совершили большое путешествие в прошлое.

И как было странно, когда мы вышли из дома, что на дворе попрежнему солнечное утро, а у ворот стоит наш автобус!

Гога Сулаберидзе;

ученик 7-го класса «А», город Тбилиси, 4-я школа.

Вот он, наш весёлый пионерский лагерь...

Так начинается день во всех пионерских лагерях. На снимке вы видите утреннюю зарядку в одном из пионерских лагерей Ростовской области, где отдыхают дети шахтёров.

И, конечно, во всех лагерях ходят пионеры в интересные походы. Эти ребята живут на далёком острове Сахалине. Они тоже много путешествуют и изучают природу и богатства своего острова.

Набрав ветра в парус, скользят по Азовскому морю шверботы. Для пионеров города Жданова нет большего удовольствия, чем прогулка по морю под парусами.

На самом берегу Чёрного моря раскинулся пионерский лагерь Артек.

МОИ НОВЫЕ ДРУЗЬЯ

А тем я отдыхала в замечательном пионерском лагере Артеке. Артек расположен в очень красивом месте, на самом берегу Чёрного моря. Горы, поросшие лесом, покрытые садами и виноградниками, возвышаются над лагерем.

В первый же день приезда мы отправились к морю. Было прохладно, дул сильный ветер. Тяжёлые, свинцовые волны ходили по морю, и оно показалось нам страшным и неприветливым. Но каким красивым, ласковым оказалось море в тихую погоду! Особенно хорошо оно бывает перед восходом солнца. С первым солнечным лучом море преобразается. Оно светлеет, становится почти золотым. Солнце медленно показывается из-за горизонта.

В Артеке отдыхали пионеры со всего Советского Союза: с Украины, из Молдавии, Казахстана, Сибири, с Сахалина... А однажды старшая пионервожатая сказала нам, что в Артек должны приехать ребята из других стран: из Чехословакии, Германской Демократической Республики и Франции. Мы стали готовиться к приезду гостей.

Первыми приехали чехи. Они попали в лагерь после обеда, во время отдыха. Но, когда они проходили мимо наших дач, многие спящие стали просыпаться. Всем хотелось взглянуть на приехавших.

Встретились мы с чешскими пионерами только после сна, на волейбольной площадке. Команда нашего отряда играла с чешскими мальчиками. Эту встречу выиграли мы, хотя потом не раз и проигрывали.

Наши мальчики сразу подружились с приезжими. У чехов был хороший барабанщик Стефан. Он барабанил как-то особенному, с трелями. Наш барабанщик Лёня так не умел. Он стал учиться у Стефана. Тогда и другим мальчикам захотелось побарабанить. И так они все быстро познакомились.

После волейбола мы стали показывать нашим новым друзьям аттракционы. Я обратила внимание на Володю Ружичка, председателя совета отряда чехов. Это был сильный, весёлый и очень настойчивый мальчик. Володе всё не удавалось один аттракцион. С расстояния в восемь шагов, закрыв глаза, нужно было подойти и попасть пальцем в кружок, который держал клоун, нарисованный на щи-

те. А Володя всё не попадал в самый кружок. Кругом было много других интересных аттракционов, но Володя не отходил от клоуна. Он бился около него, наверное, полчаса, пока не попал в цель.

В тот же вечер мы принимали отряд чешских пионеров в дружину Артека.

Все выстроились на торжественную линейку. Лучшие пионеры от каждого отряда повязали на грудь новых артековцев красные галстуки и приколотили значки. Обменявшись салютом с чешскими пионерами, они вернулись в строй. Флаговому чехов Иосифу Жила был вручён отрядный флажок.

Мы все были очень взволнованы, особенно когда от имени нового отряда выступил Володя Ружичка. Он радостно приветствовал дружную семью артековцев, говорил о том большом счастье, какое им выпало, — приехать в Советский Союз. Он сказал слова, которые потом часто, и в разговорах и в письмах, повторяли наши новые друзья: «Советский Союз — великий пример».

После линейки вожатая попросила меня и Нонну, нашего отрядного флагового, показать Иосифу Жила, где хранятся отрядные флажки. Мы пошли и по дороге разговорились. Я узнала, что Йожка — так сокращённо звучит его имя — живёт в селе Нездице, недалеко от Остравы, что Острава — это угольный район Чехосло-

вакии, так же, как, например, у нас Донбасс, и что Йожка собирается быть шахтёром. Йожка стал расспрашивать нас про Москву, про учёбу, про жизнь советских пионеров. Но путь был недалёкий, в этот раз мы не могли много рассказать, а только всё время спрашивали друг друга. С того вечера мы подружились с Йожкой и до сих пор переписываемся.

Через неделю приехали пионеры из Германской Демократической Республики. Из Франции приехал мальчик Поль, член «Союза отважных». Когда Поль выехал из Парижа, у него был галстук «отважного», но когда он проезжал через Западную Германию, полицейские на границе обыскали его, отобрали галстук и книгу Николая Островского «Как закалялась сталь». Поля обвинили в «коммунистической пропаганде» и задержали. Лишь через три дня ему дали разрешение на выезд.

Почти целый месяц мы провели с нашими друзьями в Артеке. Мы гуляли по парку, где растут самые красивые деревья юга. Катались на катерах по морю, плавали на вёсельных шлюпках, поднимались на знаменитую скалу, где бывал Пушкин, ходили в походы по Южному берегу Крыма. У нас было много весёлых спортивных игр.

В этой славной лагерной жизни мы все очень сдружились. Вечерами часто соби-

В Артеке есть свой катер, на котором ребята выходят в море.

Артековцы в походе.

рались в парке или на берегу моря и рассказывали о своей жизни дома.

Очень запомнились рассказы Поля о французских ребятах, членах «Союза отважных».

Однажды «отважные» решили провести обсуждение книги Бориса Полевого «Повесть о настоящем человеке». Уже всё было готово, как вдруг за полчаса до начала в зал вошёл полицейский. Он объявил, что обсуждение запрещается. Так было три раза подряд: ребята назначали обсуждение, собирались, а полицейские разгоняли их, чтоб они не могли говорить о книге советского писателя. Только в четвёртый раз, когда рабочие взяли детей под свою защиту и охраняли зал, где собрались «отважные», это обсуждение состоялось.

Совсем иными, чем у Поля, были рассказы пионеров из Чехословакии и Германской Демократической Республики. Рассказы их были очень радостными: они рассказывали о том, как в их странах создаётся счастливая и свободная жизнь, как для детей там строят новые школы

и парки, как крестьяне объединяются для совместной работы на полях, как энергично и упорно работают на заводах и фабриках рабочие. Рассказывая о чём-нибудь особенно хорошем в своей стране, ребята часто говорили: «Как в Советском Союзе», — и эти слова очень волновали и трогали нас.

За время нашей жизни в лагере мы так подружились, что было жалко расставаться. Последние дни мы провели с нашими друзьями уже в Москве. Времени у них было мало, оставалось три дня до отъезда. Но им хотелось посмотреть в Москве всё, всё. Они побывали на Красной площади. Вместе мы ходили в Театр юного зрителя на спектакль «Суворовцы», были в Третьяковской галерее, в стереокино, ездили в метро, гуляли по чудесным улицам Москвы. Уезжали наши гости, полные необычайных и ярких впечатлений. Едва прошло несколько дней, как мы уже стали получать от них письма. Вот что писал мне Йожка в первом своём письме:

«Раздался третий звонок, и мы поехали. Дорога была хорошая. На чехословацкую границу мы приехали 23 сентября. Последняя советская станция. Там мы попрощались с дорогим Советским Союзом. Ещё один раз мы посмотрели на советскую землю. Какие незабываемые минуты мы провели на этой земле!..» А чешская девочка Милада писала: «Каждый меня спрашивает, как вы живёте и работаете. И потому я каждую минуточку в Артеке и в Москве...», «...как бы я хотела каждый год приезжать в эту счастливую страну — Страну Советов!»

Пришло письмо и от Поля. Его получил один наш мальчик. Поль пишет: «Я приехал во Францию в начале сентября. Я был на юге Франции, недалеко от Ниццы. Там Средиземное море похоже на Чёрное море. Там берег тоже очень красивый. Но живут там одни богачи. Как я хочу, чтоб у нас тоже были такие пионерские лагеря, как ваш Артек! Я помню, как мы жили там, как хорошо было!»

Прошло уже много времени с тех пор, как мы расстались. Но дружба наша не распалась. Мы переписываемся, делимся с друзьями своими делами и мечтами. Чаще всего мне пишет Йожка. Переписываться нам легко, потому что наши новые друзья знают русский язык и пишут нам по-русски. Йожка живёт сейчас

в новом городе, который жители назвали Карвина-Сталинград. Йожка вступил в комсомол, живёт в интернате. День он учится, день работает. Скоро исполнится его мечта, о которой он когда-то говорил мне в Артеке, — Йожка будет шахтёром. Володя Ружичка тоже учится. Он живёт в Острове. Недавно прислал одному нашему мальчику свою фотографию в шахтёрской форме. Значит, тоже будет шахтёром.

Наши друзья горячо любят Страну Советов, интересуются всем, что у нас происходит. Володя писал, что в центре Острова стоит памятник советским воинам — на гранитном пьедестале огромный танк. «Это моё любимое место, — пишет Володя, — и после занятий я прихожу сюда с товарищами отдохнуть и поговорить о моей поездке в Советский Союз».

Одна из чешских девочек, отдыхавших с нами в Артеке, недавно прислала письмо с просьбой сообщить адрес советского стахановца-доменщика. Оказывается, по приезду она выступала на собрании взрослых рабочих с рассказом об Артеке и о Москве, и кто-то из присутствующих попросил её узнать такой адрес.

Йожка то и дело вспоминает дни, проведённые в Артеке и в Москве. Он не пропускает ни одного советского фильма. А недавно от него пришло письмо: в Остраву приезжали наши грузинские артисты, зал был переполнен, и Йожке достать билет не удалось. Он был очень огорчён.

Весёлое артековское лето скрепило нашу дружбу, дружбу детей разных стран.

*Ира Звездинцева,
70-я школа Москвы.*

ПИОНЕРСКИЙ КОСТЁР

Мы сидели в тени молодого леса,
Солнце землю теплом обнимало,
Золотыми струями играла река,
И листва что-то тихо шептала.

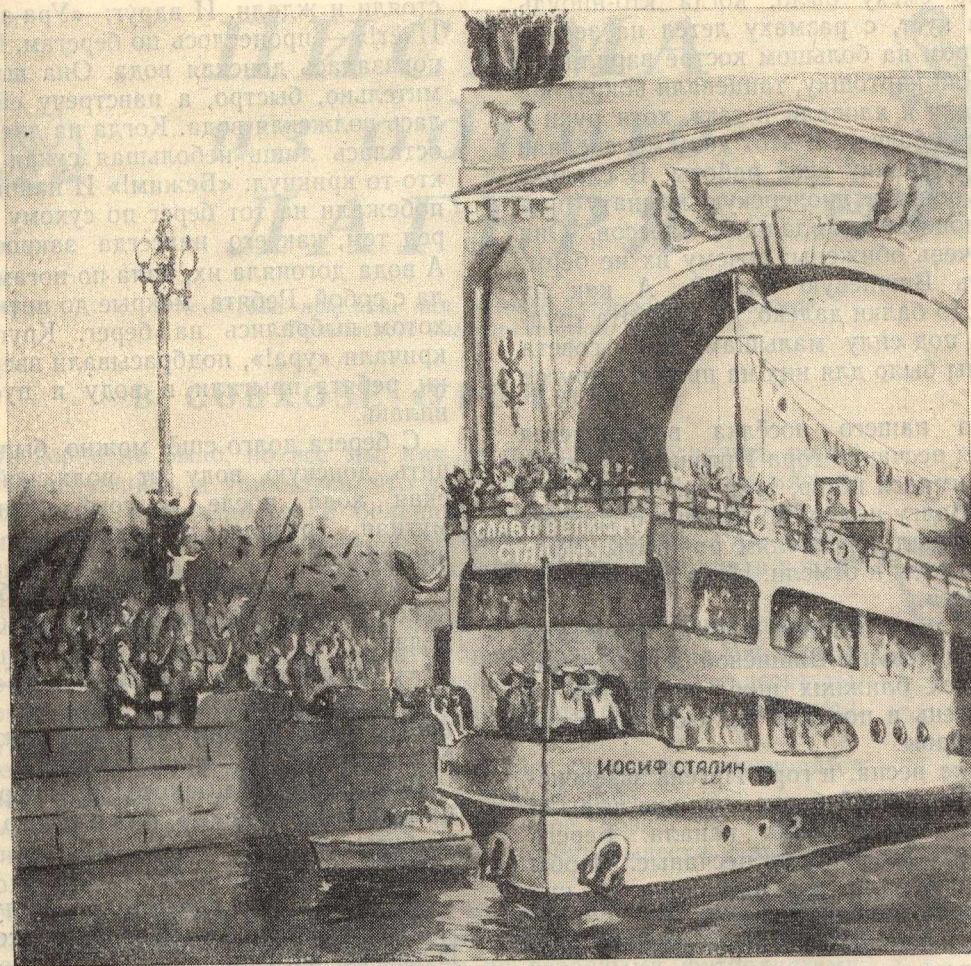
Мы читали, как здесь в сорок первом зимой
Двадцать восемь гвардейцев сражались,
И врагу не отдали столицы родной:
Немцы к нашей Москве не прорвались.

В этом месте был лес уничтожен войной,
В этом месте земля обгорела,
Но поднялся из пепла лесок молодой,
Молодая листва зашумела.

Здесь теперь с лёгким звоном взлетают мячи,
Смех счастливых ребят раздаётся,
Пионерский костёр наш пылает в ночи,
Над землёй «Песня мира» несётся.

Лена Шиенкова,

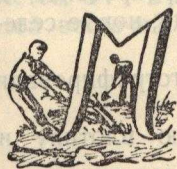
328-я школа Москвы.

Открытие Волго-Донского канала.

Рисунок Лёвы Казёнова.
Из студии Московского городского Дома пионеров.

КАК МЫ ПОМОГЛИ СТРОИТЕЛЯМ

Мы учимся в 55-й школе на окраине Сталинграда. Но наши ребята называют свою школу Волго-Донской. Её выстроили строители Волго-Дона, и стоит она на берегу канала.

Когда работы на трассе Волго-Донского канала ещё только начались, мы узнали, что в одном месте дно канала пройдёт по Вишнёвой балке,— это километрах в семи от нашей школы. Мы хорошо знали эту балку; она густо заросла кустами и деревцами.

— Как же будут там работать машины? — говорили между собой ребята.

И кто-то предложил:

— Давайте очистим балку.

Это была замечательная мысль! Нам всем так хотелось принять хоть маленькое участие в великой стройке!

И вот в воскресенье утром больше двухсот ребят — комсомольцев и старших пионеров — вышли из школы и направились к Вишнёвой балке. На плечах у нас были ломы и лопаты, как у настоящих рабочих, а пели мы так громко, что слышно было далеко в степи.

Застучали топоры, зазвенели лопаты. Бригадиры командовали: «Раз, два! Взяли!» И ребята, взявшись за подкопанные кусты, вытаскивали их вместе с корнями.

Сколько смеху было, когда кто-нибудь, вырвав куст, с размаху летел на землю!

Вечером на большом костре варили кашу, пекли картошку, танцевали вокруг костра, пели и хлопали в такт, хотя руки у нас очень болели. В этот день мы сделали только половину всей работы. В следующую субботу в пионерскую комнату пришли пионеры из младших классов. Они были очень обижены: почему их не берут очищать Вишнёвую балку?.. А как их взять? До балки далеко, да и работа трудная, не под силу малышам. Но у совета дружины было для них на примете другое дело.

Около нашего посёлка возвышается большая песчаная гора Иргень. Как только поднимался ветер, тучи песка летели с горы в Волгу и в русло будущего канала. Песок мешал строителям работать, образовывал косы и отмели. Надо было задерживать пески.

И вот, пока старшие ребята корчевали кусты и деревья в Вишнёвой балке, малыши из всех ближних школ собрались на горе Иргень и посеяли на склонах горы овёс и травы.

Пришла весна, и гора Иргень зазеленела. А в Вишнёвой балке машины вырыли широкое ровное ложе канала. Берега здесь были высокие, но песчаные. Чтобы они не оползли, мы рассадили на них тысячу молоденьких тополей.

Когда заканчивалось строительство второго и третьего шлюзов, мы решили посетить возле них цветы. Раздобыли семена анютиных глазок, гвоздики, левкоев. Не успели ещё наши цветы распуститься, как шлюзы были готовы. Но в канале ещё не было ни капли воды... И вот пришла весть: донская вода идёт!

В школе только что начались экзамены, стояли самые горячие дни, но мы успевали и заниматься и следить за всем, что делается на канале. И когда по местному радио начали сообщать о продвижении донской воды в Волгу, мы нарисовали карту канала и стали на ней отмечать путь воды.

31 мая мы не забудем никогда. В этот день на улицах было полно народу. По шоссе шли колонны ребят и взрослых, ехали автомашины. Играла музыка, развевались знамёна. Вдруг пошёл проливной дождь, но никто не обратил на него внимания, все пели и смеялись, шли под дождём к каналу. Видимо-невидимо народу собралось на его берегах! Мы тоже все

стояли и ждали. И вдруг: «Ура-а! Идёт! Идёт!» — пронёслось по берегам. И вдаль показалась донская вода. Она шла стремительно, быстро, а навстречу ей двигалась волжская вода. Когда на дне канала осталась лишь небольшая сухая полоса, кто-то крикнул: «Бежим!» И наши ребята побежали на тот берег по сухому дну перед тем, как его навсегда закроет вода. А вода догоняла их, била по ногам, тащила с собой. Ребята, мокрые до нитки, с хохотом выбрались на берег. Кругом все кричали «ура!», подбрасывали вверх шапки, ребята прыгали в воду и пускались вплавь.

С берега долго ещё можно было отличить донскую воду от волжской. Донская вода после долгого пути была мутная, грязная, а волжская — чистая, прозрачная.

Какой-то старичок набрал в бутылку донской воды. Мы спросили, зачем он это делает.

— На память, — ответил он. — Слышали сказку про живую воду? Вот это и есть живая вода. Тысячи лет о ней мечтал народ. А теперь она пришла к нам.

Всем нам тоже захотелось набрать на память «живой воды», но ни у кого не было бутылки.

Ребята мечтали вслух:

— Вот если бы поехать по каналу!

Это было наше самое заветное желание. И вскоре оно исполнилось. После экзаменов мы поехали на пароходе по каналу.

Пароход отчалил от пристани. Мимо проплывают знакомые берега. Вот белое здание нашей школы, вот Вишнёвая балка, молоденькие тополя, посаженные нами. А дальше всё для нас было ново: шлюзовые сооружения, украшенные скульптурами и барельефами, Варваровское и Береславское водохранилища, новые селения на берегах...

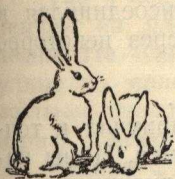
Ребята рисовали и фотографировали всё, что видели.

Мы миновали гигантскую плотину и пятнадцатый шлюз.

— А где же земля? — спросил кто-то. И верно. Земли нигде не было видно. Мы вышли в открытое море. Вокруг вздымались огромные волны, над ними носились крикливые чайки. И далеко-далеко на горизонте белели паруса.

Инна Радомысльская,

председатель совета дружины 55-й школы,
город Сталинград.

ПИСЬМА из одного ЛАГЕРЯ

*Эти письма прислали нам пионеры, отдыхавшие в лагере
Тамбовского вагоноремонтного завода*

В СОВХОЗЕ «УРОЖАЙ»

Хотя горна не было, но все мы, как по команде, проснулись ровно в семь. Проснувшись, я удивилась, что лежу не на кровати, а на мягком душистом сене, разостланном в большой светлой комнате. И тут же я вспомнила о вчерашнем трудном, но весёлом путешествии. Рано утром мы вышли из нашего лагеря и только поздним вечером пришли в совхоз «Урожай».

Мы знали, что идём в крупный птицесовхоз, но всё-таки никто из нас не представлял себе, что он увидит столько разных птиц. Мы попали в настоящее птичье царство! Одних только кур здесь сто пятьдесят тысяч. Когда они гуляют по зелёному лугу, он будто снегом покрывается. А в прудах плещутся тысячи гусей и уток.

Здесь много искусственных прудов, и в них специально разводятся различные водоросли, которыми питаются утки и гуси.

Мы долго осматривали огромное и сложное хозяйство. Особенно понравился нам инкубатор. Разве могли бы наседки вывести и выходить столько цыплят?

Вечером мальчики играли в футбол с молодёжной командой совхоза. В первом тайме наши играли неуверенно: они не привыкли к такому большому стадиону и никогда не играли со взрослыми футболистами. Но во втором тайме ребята освоились, и началась азартная игра. Наши ребята очень волновались, потому что футболисты совхоза уже забили два мяча в наши ворота. И вдруг Вова Мясоедов, самый маленький в команде, ловко овладел мячом, погнав его к воротам противника и метким ударом послал мяч в ворота.

Что тут было! От радости мы все вскочили с мест, стали кричать... Но дальше игра снова пошла не в нашу пользу. Закончилась она со счётом 3:1 в пользу команды «Урожай». И всё-таки мы были довольны этой встречей: ведь мы играли с настоящей футбольной командой!

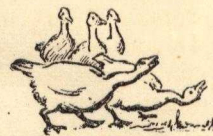
Светлана Иванова

НАШ ВОЖАТЫЙ

Когда мы узнали, что вожатым нашего отряда будет суворовец, мы очень обрадовались. Звали нашего вожатого Анатолий Петрович Филоненко. Но он разрешил нам называть себя просто Толей. Свои летние каникулы в этом году Толе захотелось провести в пионерском лагере. И он стал вожатым нашего отряда.

Когда мы с Толей познакомились получше, он нам рассказал всю свою жизнь.

В Великую Стечественную войну в Одессе при бомбёжке погибла его мама, и отец взял Толю с собой в партизанский отряд. Толе тогда было всего восемь лет, но он, как мог, помогал взрослым. Толе пришлось перенести много трудностей.

После освобождения Одессы партизанский отряд присоединился к действующей армии, и отец снова взял Толю с собой. Через некоторое время толин отец погиб, а Толю усыновил полк.

После победы Толя поступил в суворовское училище...

Толя — очень точный во всех делах, и нас он тоже приучил к точности. Он по секундомеру проверял, как быстро мы строимся. И мы научились строиться за семь секунд. Толя учил нас быть дисциплинированными, быстро и чётко выполнять все задания. Он сам хороший спортсмен, имеет второй разряд по бегу, и он всегда занимался спортом с нами, учил нас бегать и плавать. Толя играл с нами в футбол, и когда он был в нашей команде, то даже команда первого отряда не могла нас победить.

Ребята узнали, когда у Толи день рождения, и решили сделать ему сюрприз. Пошли советовать с начальником лагеря Борисом Васильевичем и придумали.

Вечером, когда все сидели за ужином, в столовую вошёл Борис Васильевич. Впереди него маленький мальчик из 5-го отряда нёс большой пирог с красивыми буквами «А. Ф.» Он положил пирог на стол перед Толей, кто-то из старших пионеров поставил букет цветов, и все закричали: «Поздравляем! Поздравляем!»

От неожиданности наш Толя растерялся, а потом встал и тихим голосом сказал: «Спасибо, ребята!»

Толя Бобков

УЛИЦА МАЛЫШЕЙ

В нашем лагере был отряд малышей. Некоторые из них первый раз приехали в лагерь. Они не могли сразу привыкнуть к лагерной жизни и скучали по дому. Старшие девочки решили взять над ними шефство — Галя Шумакова и Зоя Фурер пошли к девочкам, а я и Римма Калашникова — к мальчикам.

Плохо заправленные постели, разбросанные вещи, неряшливость в одежде — всё это говорило о том, что тринадцать моих подшефных мальчиков — люди далеко не самостоятельные. И на лагерный «базар растерях», куда ребята приносили найденные на территории лагеря вещи, чаще всего попадали майки, тапочки и даже трусики наших малышей.

Я хотела показать ребятам, как надо заправлять постели, но они наотрез отказались выполнять эту «девчачью» работу. В первый день я ничего не добилась.

Но через два дня я снова пришла. На этот раз мне удалось разговориться с Васей и Витей Дорониными. Я позвала их в лес, и когда мы пошли, к нам присоединилось ещё несколько человек. На опушке леса стояло искривлённое дерево, я спросила у ребят, почему оно такое. Никто не знал. Я сказала ребятам, что это дерево изуродовали ветры, рассказала о том, какая сила у ветра, как он разрушает даже камни, сушит почву, убивает растения. Ребята слушали внимательно, а потом посыпалось столько вопросов, что я не успевала на все отвечать. О том, как найти в лесу дорогу, если заблудишься, есть ли здесь волки и змеи, что будет с лагерным кроликом, если он вдруг убежит в лес, и о многом другом.

В следующий раз малыши встретили меня радостно и стали сразу просить, чтобы я рассказала им сказку и обязательно про бабу-ягу да ещё военную. Пришлось тут же сочинить сказку, как за морем-океаном жила-была злая баба-яга. И решила она запугать всех войной. Села в свою самоходную ступу, взяла в руки автомат-пулемёт и полетела воевать... Ребята очень внимательно слушали.

Так я подружилась с малышами. Мы играли с ними в разные игры, лепили из пластилина игрушки, читали, разучивали стихи, танцы и песни. На одной из аллей лагеря для малышей была построена целая улица из маленьких фанерных домиков. Ребята посыпали свою улицу жёлтым песком, посадили возле домиков цветы. Они очень любили играть в этих домиках.

Вскоре я стала помощником вожатого пятого отряда и перешла на «вечное жительство» к малышам. Они уже не считали «девчачьей» работой заправку постелей и старались это делать как можно аккуратнее. Научились пришивать пуговицы, подметать спальню, чистить зубы и завязывать галстук.

Лилия Духовская

Ч. П.

Однажды утром мы пошли в лес по ягоды. Было жарко, пахло смолистой сосной. Мы шли уже довольно долго, а ягоды всё не попадались. Тогда мы стали ловить бабочек и жуков для коллекции. Мальчики нашли осиное гнездо и решили взять его в лагерь. И вдруг из гнезда вылетело множество ос. Все бросились бежать, а осы долго летели за нами. Они ужалили двух мальчиков. Когда осы наконец отстали от нас, мы вдруг увидели: перед нами поляна, красная от земляники. Мы обрадовались и стали собирать землянику в баночки и прямо в рот. Вскоре все баночки и кружки были наполнены, и мы уселись отдохнуть под тенистым деревом. Вдруг кто-то из нас заметил на дереве белку. Белка перепрыгивала с ветки на ветку, а мы бежали по траве и следили за ней. Потом она юркнула в дупло. Тогда один из мальчиков взобрался на дерево. Он обмотал руки майкой и схватил белку. Она кусалась и царапалась, но мы завернули её ещё в одну майку и завязали, чтобы она не убежала. Тут только мы огляделись и увидели, что находимся в совсем незнакомом месте. Вокруг нас был густой лес. Нам стало страшно. А тут ещё как затрещит что-то в кустах! Девочки закричали и шарахнулись в сторону; думали, медведь. Но из кустов вышли две коровы. Теперь вспоминать об этом смешно, а тогда нам было не до смеха.

Без нашей вожатой мы, наверно, не нашли бы дорогу в лагерь, но она повела нас по компасу прямо на запад: там находился, по нашим расчётам, лагерь. По дороге она рассказала нам о разных приметах, по которым можно определить страны света и без компаса. Скоро мы вышли на знакомую поляну. Тут слышали горн и крики «ау» с разных сторон и увидели старших ребят из нашего лагеря. Они вышли разыскивать нас.

Мы бросились к ним и наперебой стали рассказывать, как заблудились и как по компасу нашли дорогу. Но про то, как напугались, мы ничего не сказали.

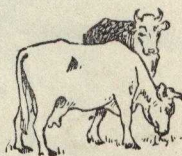
Часто мы потом вспоминали это «чрезвычайное происшествие».

Выборнова

«ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВЛАДИВОСТОК»

Мы готовились к путешествию, но когда и куда отправимся, никто не знал. А пока все разучивали дорожные знаки и делали по утрам после зарядки короткие пробежки.

И вот однажды после завтрака было объявлено, что на территория лагеря вывешено объявление о том, куда мы едем. Мы искали его всюду: в корпусах, в беседках, в столовой, на деревьях — и наконец

нашли его на двери лагерного изолятора. В объявлении сообщалось, что сегодня после полдника мы поедем во Владивосток.

По сигналу горна все быстро выстроились на линейку. Александра Николаевна, наш физрук, сообщила условия игры. Путь до «Владивостока» пройдёт через города «Новая Ляда», «Тамбов», «Москва», «Новосибирск», «Иркутск».

Направление к первой станции нам указали, а другие станции мы должны были отыскивать по дорожным знакам. И вот один за другим четыре отряда по разным маршрутам отправились в путь.

Наш отряд сначала бежал по просёлочной дороге, и все мы внимательно смотрели на дорогу и по сторонам, чтобы не пропустить дорожных знаков. Вот стрелка показывает поворот. Мы сворачиваем на лесную просеку. Пробежав метров двести, мы увидели на дереве лист бумаги с надписью: «Новая Ляда». Это первая станция. Спрятавшись за дерево, нас ждал «начальник станции» — вожатая четвёртого отряда.

Здесь, оказывается, была не только передышка, но и проверка наших знаний по географии. Мы должны были ответить на три вопроса: сказать, куда впадает река Амур, назвать самую высокую горную вершину, перечислить, с какими странами граничит Советский Союз на юге. Мы старались скорее ответить: ведь дорога каждая секунда. И вот мы уже бежим дальше, к «Тамбову». Благополучно минуем его, ответив на все вопросы быстрее, чем в «Новой Ляде». Но тут нас постигла неудача: оказалось, что мы неверно прочитали дорожный знак, и к станции пришли не с той стороны. Пришлось вернуться. Побежали назад, а навстречу — первый отряд мальчиков. Они тоже потеряли направление и сбились на наш маршрут. Мы вернулись с мальчиками к условному знаку и побежали к станции уже по правильному пути. К «Москве» прибежали вместе. Но какой же отряд должен уйти со станции первым? «Начальник станции» даёт нам команду построиться. Наш отряд строится быстрее, и мы бежим первыми. Но после «Иркутска» мальчики нас обогнали и на линейку в лагерь прибежали раньше других отрядов.

Нина Павлова

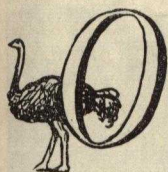

Школьники города Ярославля, члены кружка велосипедистов при Областной экскурсионно-туристской станции, отправляются в четырнадцатидневный велопоход по маршруту: Ярославль — Ростов — Переславль — Усолье — Курба — Ярославль.

Фото С. Карасёва.

ПУТЕШЕСТВИЕ К НЕОБЫКНОВЕННЫМ ЗВЕРЯМ

Очень интересно заниматься в кружке юных биологов Московского зоопарка. Мало того, что мы наблюдаем и ухаживаем за всякими зверями, зоопарк каждое лето устраивает для нас интересные путешествия в заповедники. Прошлым летом, например, мы были на Украине, в степном заповеднике Аскания-Нова.

Это один из самых замечательных заповедников Советского Союза. Там разводят и акклиматизируют — приучают к здешнему климату — животных, которые родом из самых различных мест: из дальневосточной тайги, из американских прерий, с кавказских гор, из африканских саванн и европейских лесов.

Этих животных не только акклиматизируют в сухих и жарких украинских степях, но и «одомашнивают» — приучают служить человеку.

Вот, например, маралы и изюбри, — их молодые рога (панты) — обладают замечательными целебными свойствами и вылечивают многие болезни. В старое время панты добывали таёжные охотники, гоняясь за оленями, неумоимо выслеживая их и убивая. Но ведь с убитого оленя можно снять только одни панты, а живой

сбрасывает старые, окостеневшие рога каждый год, и каждый год у него вырастают новые. Сколько оленей гибло зря! В конце концов их так могли совсем истребить.

И вот по предложению советских учёных уже много лет на Дальнем Востоке пантовых оленей ловят живыми и держат в загонах. Но ещё лучше было бы, чтобы

Антилопа-канна.

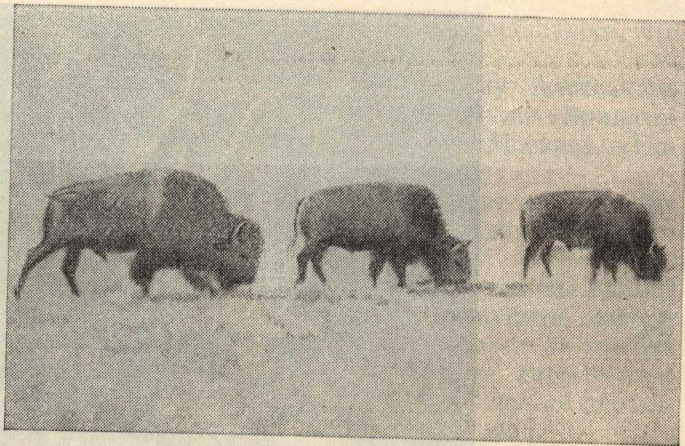
они паслись в стадах, на воле. На свободе олени сами добывают корм, а когда они в загоне, корм на огромное стадо должны запасать люди. Да и тесно в загонах; если заболит один олень, могут заразиться и погибнуть многие. А попробуй их выпустить — сразу разбегутся, не поймаешь.

В Аскании-Нова маралов и пятнистых оленей пасут на воле, в открытой ровной степи, где всё на виду; один конный пастух вполне справляется с большим стадом. Только в пору рождения и выкормки оленят стадо возвращается в загоны.

Много удивительного и интересного увидели мы в Аскании-Нова. Удивляться мы начали ещё по дороге, когда машина везла нас от станции: первый раз в жизни нам удалось увидеть миражи. Кругом, куда ни глянь, раскинулась степь, и от ветерка волны пробегали по ковылю. Всё было видно до самого горизонта. Мы знали, что здесь нет никаких озёр, и вдруг заметили, что вдали блестит вода, а вокруг неё темнеют деревья. Машина проехала немного дальше, и вдруг эта вода исчезла, и снова была только степь. Потом в другом месте снова появилась блестящая полоска воды. Мы ясно представили себе то, о чём раньше читали в книжках: замученный зноем и жаждой караван движется в пустыне, обманутые миражем люди спешат к воде, но исчезает мираж, и нет никакой воды, и кругом опять только раскалённые пески.

Потом мы вдруг заметили вдали стадо бизонов. При виде машины они убежали, но мы узнали, что не всегда бывает так: один раз бизоны пытались напасть на легковую машину, а другой раз долго гнались за мотоциклом, только не смогли догнать. А уж если бы догнали, плохо пришлось бы мотоциклисту! К счастью, бизоны не такие быстрые. Они большие, тяжёлые, большеголовые, куда больше обыкновенного быка. Это — вымирающие животные.

В заповеднике нас очень приветливо встретили. Директор рассказал и объяс-

В асканийской степи пасутся бизоны.

Ланки маралов с оленятами.

Страус нанду у своего гнезда.

нил нам всё. А потом познакомил нас с сотрудниками заповедника и сказал, кто из ребят с кем будет работать.

Среди наших новых знакомых была и тётя Катя, которая ухаживает за молодняком антилоп. На воле антилопы сами кормят своих детёнышей. Здесь, в заповеднике, маленьких антилоп выпаивают, как обыкновенных телят, а антилоп доят, как домашних коров. Мы смотрели, как тётя Катя поит маленьких антилоп из поилки, а потом вытирает малышам мордочки полотенцем.

Эльба, телёночек антилопы-гну, очень любит тётю Катю, подбегает к ней, как только увидит, ласкается. Тётя Катя гладит её, почёсывает, и Эльба очень довольна, хотя сначала она была самой дикой, самой пугливой и недоверчивой из всего молодняка. Вообще телята антилопы-гну и канны гораздо хуже приручаются, чем телята домашней коровы или зебу, которую в Индии разводят как молочный скот.

Это объясняется тем, что родители маленьких гну и канн — дикие животные, и у молодняка сохранились инстинкты диких родителей, а коровы и зебу, много столетий назад прирученные человеком, уже утратили эти дикие инстинкты.

Когда мы в первый раз вошли в загон молодняка, антилопы-гну сейчас же вскочили и отбежали в сторону. Телята коровы и зебу лениво поднялись и через некоторое время подошли и стали нюхать протянутый им хлеб. Молодые антилопы всё это время стояли вдалеке и смотрели в нашу сторону, а при малейшем движении начинали испуганно бегать по загону.

Только через несколько дней они привыкли и стали подходить, но всё же они были более осторожны и пугливы, чем телята зебу и коровы.

Мы видели двух взрослых антилоп-канн, как раз тех, которых доят. Одну зовут Венеркой, а другую Нигерией. У обеих характер неважный. Нигерию доят в особом станке, так, чтобы она не могла ни лягнуть, ни ударить рогами. А Венерку нельзя ставить в станок, её приходится просто привязывать за рога, потому что она боится станка, начинает биться и может разнести его в щепки.

Много было у нас разных приключений, особенно когда мы ездили в степь, где стада пасутся на воле. Во-первых, пришлось научиться ездить верхом, потому что олени и антилопы подпускают к себе совсем

близко всадника, а пешего или боятся или, наоборот, нападают на него.

Иногда приходилось ездить не на лошади, а на ослике. Это было просто мучение. И смех и горе! Из конюшни он еле-еле шёл, потом неожиданно останавливался посреди дороги, и с места его не сдвинешь. Зато на обратном пути он бежал сломя голову, так, что не удержишь. Не раз случалось вылетать из седла ребятам, пользовавшимся «ослиным транспортом». У осла есть ещё один недостаток — его совсем не боятся зебры, бизоны и антилопы-гну: он ведь маленький. Если завидят, со всех ног мчатся и нападают на него и на людей. Нам всегда давали лошадей, но иногда мы стеснялись просить и однажды чуть не заплатили за это. Мы возвращались из степи, где проводили наблюдения. Нас было трое, и на троих — один ослик. Мы были уже близко от ворот, но и стадо гну было недалеко. Почуввав нас, вожак сейчас же насторожился и повернул в нашу сторону. Антилопы увидели пеших людей и осла и, нагнув головы, ринулись в «атаку», ну, а мы, конечно, от них к воротам. Когда мы уже почти добежали до ворот, то вдруг вспомнили, как можно избавиться от преследований. Гну боятся всех высоких предметов: достаточно поднять вверх шляпу, надетую на палку, и они сразу отступают. Так мы и сделали. Гну остановились и повернули обратно.

В Аскании-Нова живут южноамериканские страусы эму и нанду. Есть здесь и африканские страусы.

Страусы приспособились к украинской степи и чувствуют себя как дома: несут яйца, высиживают птенцов.

Впрочем, на помощь страусам пришла техника. Большинство страусят выводится в инкубаторах. Страусята очень забавные и совсем ручные. Сотрудники страусятника на прощание подарили нам несколько большущих страусиных яиц, и мы благополучно довели их до Москвы. Ни одно яйцо не разбилось в дороге.

Мы часто вспоминаем Асканию-Нова, особенно когда получаем оттуда письма от своего друга, пастуха дяди Серёжи.

Вова Полонский,
Таня Евгеньева,

члены кружка юных биологов
при Московском зоопарке.

ЮНЫЕ КОНСТРУКТОРЫ

В нашей огромной стране кипит работа. В лабораториях научных учреждений, в конструкторских бюро, в заводских цехах рождаются новые, невиданные машины, сложные автоматы, тонкие, чувствительные и послушные приборы. Советская техника стремительно движется вперёд.

Но есть ещё и «малая техника», которую создают ребята. Они с увлечением строят модели.

Прошлым летом в Москве был устроен всесоюзный праздник юных техников, на который ребята со всех концов страны привезли свои работы. Кинооператоры из кинолаборатории Центральной станции юных техников запечатлели этот праздник на киноплёнке. Здесь вы видите несколько кадров из фильма.

*

Юные физики одной из школ Новочеркасска устроили универсальный электрощит для физического кабинета. На щите укреплены трансформаторы, выпрямительные лампы, реостаты, контрольные приборы. При помощи этого щита можно получить для опытов переменный и постоянный ток различного напряжения.

*

Вот модель землесосного снаряда. Её сделали юные техники Куйбышева, города, где строится величайшая электростанция.

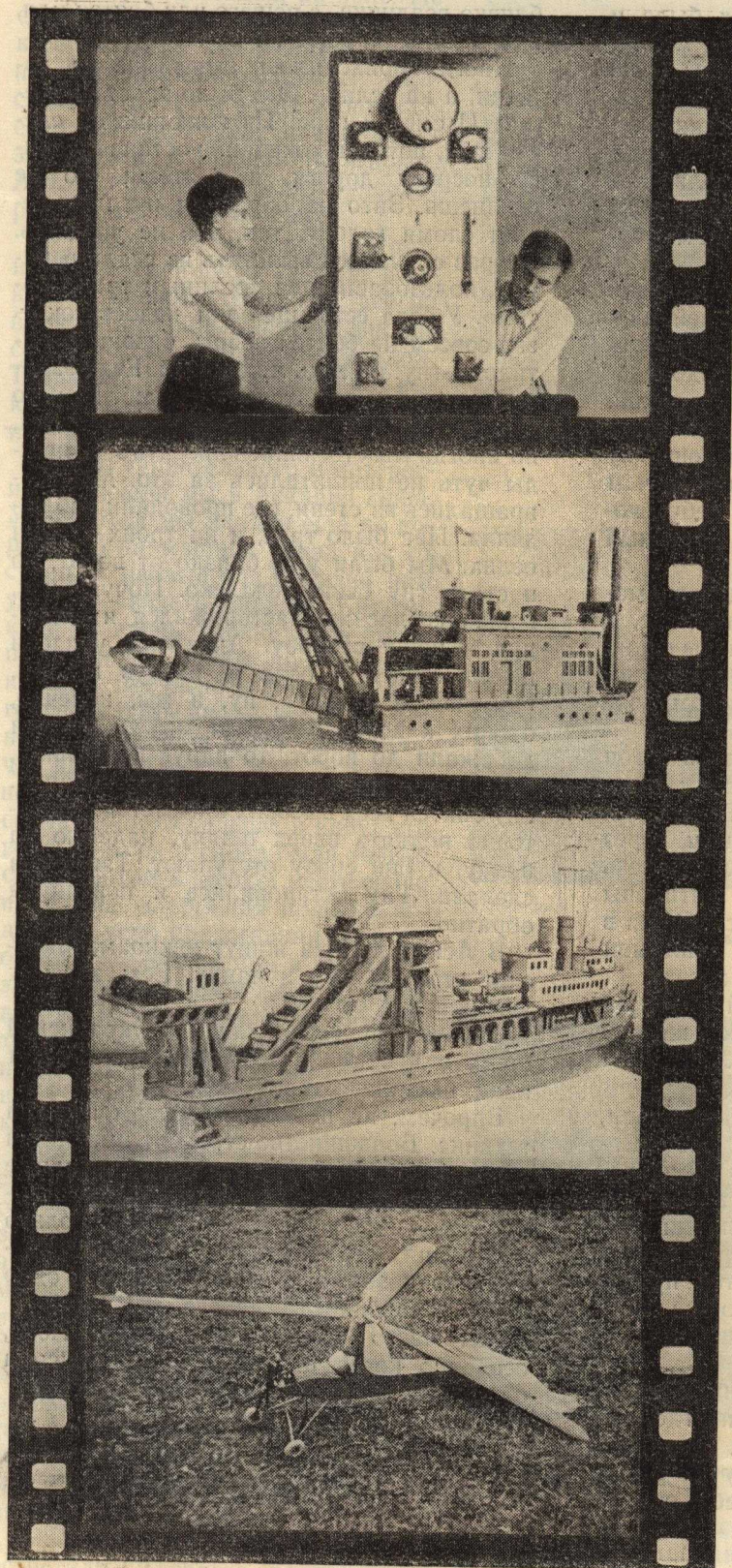
На модели юные техники установили электромотор и батарею. Стоит включить маленький рубильник, как фреза начинает вращаться, словно у настоящего земснаряда.

*

Там, где дно реки каменистое, а не песчаное или глинистое, земснаряд заменяется землечерпалкой. Куйбышевские ребята построили модель самой большой землечерпалки — «Пятилетка». Взгляните на фотографию модели, и вам сразу станет ясно, как работает настоящая землечерпалка. Длинная цепь стальных ковшей ползёт под воду, выворачивает камни, выносит их наверх и сгружает в баржу.

*

Юные техники Армении построили модель вертолёт. Это самолёт без крыльев. Его держат в воздухе большие лопасти вертикального винта. Вертолёту не нужны аэродромы для взлёта и посадки. Он может взлететь с па-

лубы парохода, с кузова автомашины, он может сесть на плоскую крышу дома или на небольшой скверик. Он может остановиться в воздухе и висеть на одном месте.

*

Николаев — большой портовый город, где строят новые суда и чинят старые. Юные техники Николаева не раз бывали в доках. Они сделали модель пловучего дока для ремонта судов. Две большие железные коробки соединены общим дном. Когда в коробки пущена вода, док погружается, и в него может войти модель парохода. Когда в коробки накачают воздух, док всплывает и поднимает судно на поверхность.

*

По преображённой Волге плывут новые корабли. Юные техники города Ейска построили модель одного из этих кораблей. Это быстроходный глиссер с воздушным винтом. Глисеры замечательны не только своей скоростью: они не боятся качки. А это очень важно, потому что на волжских морях волны большие — до трёх метров высотой.

*

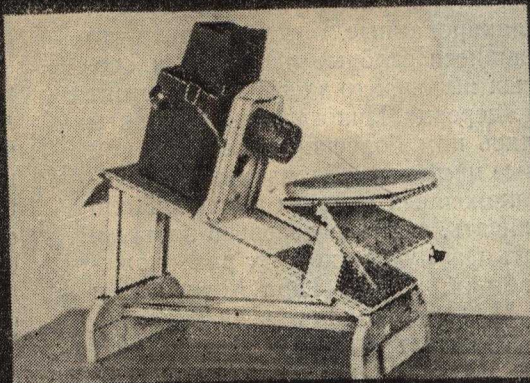
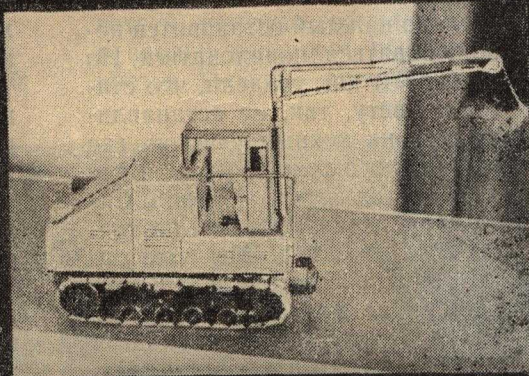
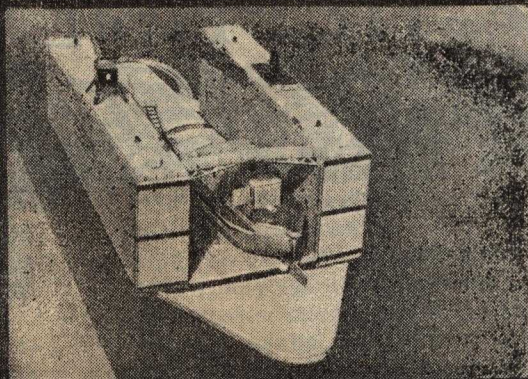
Наша страна делается всё богаче электрической энергией. Советские инженеры построили новые машины: электротракторы, электрокомбайны. В Ростовской области уже работают такие машины на энергии Цимлянской ГЭС. Юные техники Свердловска построили модель электротрактора. По длинному кабелю к ней подаётся ток. Электромотор движет гусеницы и вращает катушку для намотки кабеля. Можно прицепить плуг или сеялку, и трактор поведёт их по столу, как по полю.

*

Юные фотолюбители города Электросталь построили замечательный прибор. С его помощью можно фотографировать в натуральную величину или даже с небольшим увеличением мелкие цветы, насекомых, кристаллы, плоды и семена растений и многое другое.

*

Здесь только восемь моделей, а сколько их ещё построено неутомимыми и трудолюбивыми руками ребят! Строя свои модели, юные техники мечтают о том времени, когда, став взрослыми, окончив учение, они будут создавать новые машины, ещё более совершенные, чем те, которые служат советским людям сегодня.

ПЕРВЫЕ ЯБЛОКИ

День, когда зацветают яблони в большом саду омской юннатской станции, — праздник для ребят-садоводов. Ещё с улицы через ворота мы видим белое море цветов. Знакомая аллея, которая стрелой уходит вглубь сада, пронизана каким-то особенным сиянием, словно всё улыбается вокруг. Идешь по аллее и думаешь о ребятах, которые давно, ещё до войны, сажали эти яблони, и о тех, которые прежде нас ухаживали за ними.

Какая бы работа ни ожидала нас в этот день, обязательно каждый остановится посмотреть, полюбоваться, порадоваться. Но в прошлом году мы как увидели, что старый сад уже в цвету, так, не останавливаясь, помчались на южный участок, где растут яблоньки, посаженные нами. Ведь им пошла уже третья весна, а у нас в Сибири яблони дают первый урожай на третий или на четвёртый год. Мы уже задолго до этого дня приметили крепкие и плотные бутоны на маленьких деревцах и теперь бежали наперегонки к южному участку. И вот мы стоим в молодом саду. На два гектара раскинулся он вокруг. Словно лакированные, блестят только что распустившиеся зелёные листочки, а среди зелёных яблонек то здесь, то там стоят цветущие деревца. Никогда никакие цветы не казались нам более прекрасными, чем эти первые цветы на яблоньках, посаженных и выхоженных нашими руками. Надо было записать, сколько деревьев зацвело, зарисовать форму цветков, их расположение на ветках; а пока Юра Мучулаев и Валерий Мищенко ходили за дневниками, в нашей памяти прошла вся жизнь этих цветущих яблонь. Омская весна всегда капризна, но весна пятидесятого года, ко-

гда мы сажали яблоньки, была особенно переменчива. Первого и второго мая такая теплынь стояла, просто как летом, а четвёртого подул холодный ветер, и пятого мая к вечеру запорхали белые снежинки.

Копать ямы на участке мы вышли, одевшись потеплей: холодно. Только за работой согрелись. Два дня копали, потом таскали носилками перегной и укладывали его в каждую ямку. Володя Новопашин, Юра Мучулаев и Валерий Мищенко принесли выращенные ими саженцы-двухлетки различных морозоустойчивых сортов: хорошовку, анисик омский, винновку жёлтую, райку красную, аркадик.

Закончили мы посадку, стоим, оглядываем тонкие прутики, которые вытянулись рядами в новом саду, а кто-то из ребят вдруг засмеялся и говорит:

— Вон какие малыши торчат из земли, а ведь придёт время — зацветут они и принесут плоды!

И вот наконец пришло это время, дождались мы, что яблони зацвели! Хотя мы не просто дожидались, мы всё время ухаживали за яблоньками. Не так легко им было бы без нашей помощи выжить в сибирском климате.

Припомнилось нам теперь знойное, сухое лето пятидесятого года и как мы носили воду и поливали саженцы, как пололи междурядья, рыхлили приствольные круги, как прищипывали молодые побеги, чтобы больше сил оставалось у яблонек на образование древесины, какую вели мы борьбу с вредителями сада. К середине августа все яблоньки выровнялись, похорошели — залюбуешься!

Подошла осень, и мы стали готовить свои саженцы к длинной зиме: подкормили деревья калийной солью и суперфос-

фатом, ещё раз перекопали приствольные круги, побелили стволы. А знаете, зачем белят стволы? В Сибири ранней весной морозы ещё держатся, но солнце уже стоит высоко, сильно греет, и от этого раньше срока начинается движение соков по сосудам в стволах с южной стороны, а потом ночной холод прихватывает не во-время проснувшееся деревцо. Получаются морозные ожоги на стволах, и яблонька может погибнуть. Побеленные стволы отражают солнечные лучи, и это защищает яблони от морозных ожогов.

На полугектаре, отведённом под стелющийся сад, у нас было особенно много хлопот. Яблонькам, посаженным наклонно, под углом в сорок пять градусов, мы с июня пригибали все ветки и прикалывали к земле деревянными шпильками, вырезанными из крепких развилистых сучьев, а в конце сентября пригнули пониже тонкие стволы и тоже прикрепили их. Яблоня сама стелиться не будет. Надо её заставить. Чуть дашь ей волю — она выпрямляется, тянется вверх. Даже стволы взрослых деревьев толщиной в руку, предоставленные самим себе, встают вертикально.

И вот выпал снег, пришла первая зима в наш молоденький сад. Стоячие яблоньки мы прикопали снегом до самых ветвей, а стелющиеся совсем спрятались в снег. Весной только самые молодые побеги почернели, обожжённые лютот сибирской

стужей и ветрами. Но яблоньки были живы. Мы обрезали погибшие веточки, снова внесли перегной, разрыхлили землю, чтобы она лучше впитывала весеннюю влагу.

Второе лето было ещё жарче первого. В метеосводках по радио Омск упоминался сразу после Ашхабада. Стояла жара в тридцать шесть градусов, а земля накалялась до семидесяти.

Правда, ночью температура падала до десяти градусов, но не успевала охладиться почва, как снова поднималось из-за горизонта солнце, и воздух нагревался, словно в горячей печке. Каждый день прибежали мы в молодой сад, поливали яблоньки, выпалывали траву в междурядьях, обирали с веток сухие листочки. Все ребята стали чёрные, как негры, волосы и брови совсем выгорели на солнцепёке. А яблони наши чувствовали себя отлично, всё выше поднимались, их стволы становились всё крепче, а кроны всё гуще.

Снова пришла зима. Сердито выли вьюги, но яблоньки наши набрались сил за лето и крепко спали под защитой снежных сугробов.

Вспоминая всё это, мы смотрели теперь, как пчёлы суетятся вокруг нежных белых ветвей, деловито собирают сладкий нектар и заодно переносят пыльцу с цветка на цветок. Пчёлы — хорошие помощники са-

В саду омских юннатов.

доводов. Они опыляют цветы и увеличивают урожай.

Как мы боялись, не будет ли заморозков этой весной: ведь они случаются у нас даже в начале июня! Но всё обошлось благополучно. Вскоре яблоньки отцвели. Нежные лепестки опали и, будто снегом, покрыли землю вокруг стволов. День за днём мы работали в саду и смотрели, как развиваются зелёные завязи. Сначала они были с крупные горошины, а к концу июня превратились в настоящие, хотя и не очень крупные яблоки.

В стелющемся саду пока что плодоносила только одна яблоня. Зато какие славы яблоки принесла она! Притаившись под крупными зелёными листьями, почти у самых корней деревца лежала гроздь из трёх красивых больших яблок. У стелющихся яблонь плоды всегда крупнее других сибирских сортов и всегда образуют грозди. Мы их не раз видели в саду нашего земляка и большого друга юннатов профессора Александра Дмитриевича Кизюрина. Но наши яблоки нам казались лучшими в мире, потому что мы сами вырастили их. Юрий объявил сгоряча, что они крупнее алма-атинского апорта. Но это, пожалуй, было уж чересчур!

В середине августа наступил самый торжественный и самый весёлый день: мы сняли свой первый урожай! Каждому хотелось поддержать душистые яблоки в руках, погладить их блестящую кожу и полюбоваться их нежным румянцем.

Наконец, бережно уложив все яблоки в корзину, мы понесли их в свою лабораторию, чтобы взвесить, измерить, описать.

И вот у нас в дневниках появились такие записи:

«Урожай 1952 года. Грушовка московская. Высота плода — 5,2 сантиметра, ширина — 7,3 сантиметра. Форма — плоско-круглая, плодоножка — 1,2 сантиметра. Окраска плода бледнозеленоватая. Семенные камеры закрытые. Мякоть желтоватобелая, сочная, ароматная, кисловато-сладкая».

Нечего говорить, что последнюю запись проверили все одиннадцать мальчиков и девочек — садоводов! Юра предлагал ещё записать, что эти яблоки лучшие в мире, но мы не согласились: неудобно так хвалиться. Хотя, конечно, для нас они лучшие в мире!

Люда Клюева,

член кружка юных мичуринцев-садоводов,
город Омск.

В ПАЛАТКЕ

Ключья туч смешались в беспорядке,
Над шумящим лесом проходя,
Осыпают мокрые палатки
Звонкие горошины дождя.

Пузыри плывут по лужам мутным,
Всюду льётся и журчит вода,
А в палатке чистой и уютной
И тепло и сухо, как всегда.

От дождя укрытые надёжно,
Глядя в наступающую тьму,
Заглушая ветра шум тревожный,
Мы поём, поём назло всему!

Что нам дождь и грязь, когда мы вместе,
Обнявшись, поём всё веселей
Радостные, солнечные песни
О мечтах, о дружбе, о тепле!

Ира Дмоховская,
город Москва.

ЛЕТОМ

Я провёл в походах это лето,
Изучая край любимый свой.
Каждый день вставал я в час рассвета
И ложился в тихий час ночной.

Проходил везде благополучно:
Не терялся в чаще я лесной.
Был со мною спутник неразлучный,
Этот спутник верный — компас мой.

Километров прошагал немало
И на солнце сильно загорел,
Отдыхал под крышей сеновала,
Ночевал в степи — и не робел.

Володя Вороянкин,
город Москва.

НА ПАСТБИЩАХ

КАРА-ТАУ

Как только закончились экзамены, я стал собираться в Кара-Тау. Туда обычно отец перегоняет на лето свою отару. Я пошёл к председателю колхоза Якубу Айламанову и попросил коня, но председатель спокойно сказал:

— Зачем так торопишься? Большая дорога — большие сборы. Коня выберешь, поезди на нём, покорми его, пускай привыкнет к тебе, а потом вместе поедem.

Через неделю председатель сказал, что пора ехать. В моём гурджуме уже были уложены батареи к приёмнику, букварь для младшего брата Раджаба, книги и, наконец, табель, где было написано, что я переведён в шестой класс.

Мы выехали на рассвете. Председатель ехал на чёрном Арслане — лучшем коне нашего колхоза. Не успел Якуб Айламанов разобрать поводья, как Арслан прямо с места пошёл рысью — «юрьгой». Мой Альбарс не отставал.

Миновав новый мост через арык, мы поровнялись со школой. Председатель обернулся ко мне:

— Прощайся со школой! Целое лето не увидишь её.

Скоро мы выехали из посёлка. Справа и слева раскинулись хлопковые поля. Ночью, видно, производили поливку, и земля в бороздках была ещё сырой, а кое-где блестели лужи воды.

Поля кончились, и мы поехали по степи.

Потом начались барханы. Наши кони пошли шагом. Между барханами мы заметили выбитую дорогу, по ней, видно, гоняли отары овец. Мы направили своих лошадей на эту дорогу.

Две ночи мы ночевали в степи. Только на третий день увидели горы. Председатель придержал своего коня и, показывая рукой на горы, сказал:

— Султан-Уиз-Даг. Там сейчас работа идёт: берут строительный материал.

Мне захотелось посмотреть, как добывают камень, но Якуб Айламанов сказал, что карьер далеко и мы не сможем туда заехать.

К вечеру начался спуск с гор, и вскоре впереди открылась равнина. Мой Альбарс осторожно шёл по краю обрыва и испуганно похрапывал. Я не трогал поводья, полностью доверившись ему.

Наконец впереди показались кибитка и отара овец. От неё отделился всадник и помчался к нам. Я сразу узнал своего отца.

— Хей, Берды! — громко крикнул председатель.

— Хей! — отозвался отец.

Нас заметили сторожевые собаки и подняли лай. Среди них я узнал большого лохматого Кара-Кура. Отара испуганно рванулась в сторону. За ней облаком поднялась пыль.

— А ну, Мами, заверни отару! — сказал председатель.

Я поскал наперерез отаре, стараясь показать отцу, как хорошо я сижу на коне. Кара-Кур бросился помогать мне. Он старался изо всех сил, как будто просил прощения за то, что сразу не узнал меня.

Я завернул отару и вернулся к кибитке. Мать и Раджаб радостно встретили меня. Мне захотелось поскорее всё осмотреть, и тут же мы с Раджабом пошли к колодезю. Колодец был вырыт в крепком известняке и прикрыт сверху ветками саксаула. Я разобрал ветки и посмотрел в чёрную дыру.

— Слушай, — сказал Раджаб и бросил маленький камешек в колодец. Где-то далеко внизу послышался плеск воды: колодец был очень глубокий.

Вечером я помогал отцу поить овец. Поперёк колодца было положено бревно с деревянным колесом, через которое была перекинута верёвка. К одному концу верёвки привязано ведро, а другой конец тянет верблюд. Отец спускал на верёвке кожаное ведро — цоуо. Такое ведро очень удобно: оно не обивает стенки колодца. Когда ведро наполнялось водой, я погонял верблюда, он медленно шагал от колодца и вытаскивал ведро. Потом я гнал верблюда к колодцу, а отец спускал ведро.

До поздней ночи мы поили овец.

Когда овцы напились, они снова принялись жадно щипать колючку, а мы вернулись в кибитку. Над казаном пылал огонь, и пахло бараниной. Мать вынесла медный кувшин и полотенце. Мы вымыли руки и сели ужинать. Каким вкусным после трудов показался мне суп!

На другой день председатель уехал обратно в колхоз, а я остался.

Помогая отцу, я понял, какая сложная работа у чабана. Он должен перегонять овец с места на место, так, чтобы они второй раз не проходили там, где уже до этого паслись. Так лучше сохраняется трава. Каждый вечер отец на листочке бумаги отмечал, где он уже пас овец.

Тяжело приходилось раньше чабанам, когда наступало время стрижки овец. Но к нам из машинно-тракторной станции приехала передвижная электростанция, и мы стригли овец электрическими ножницами. За два дня были острижены все овцы. Если бы отец делал эту работу вручную, ему пришлось бы трудиться больше двух недель.

...Однажды поздно вечером мы лежали в кибитке. Край кошмы был завернут, и прохладный ветер обдувал нас.

Вдруг злобно залайл Кара-Кур. Отец взял ружьё и вышел из кибитки.

— Волки!.. — сказал он.

Мы с Раджабом тоже выбежали из кибитки. Собаки неистово лаяли. Отец приложил руку ребром ко рту и стал подвывать по-волчьи. Где-то рядом ответил волк. Собаки бросились туда. Овцы сбились к самой кибитке.

Отец ушёл куда-то на край отары, но вскоре вернулся вместе с Кара-Куrom. Собаки отогнали волка.

Утром отец сказал мне:

— Мами, ты хорошо учился в школе и перешёл в шестой класс. За это я дарю тебе своё ружьё.

Как я обрадовался! Наконец-то сбылась моя заветная мечта!

Отец достал мешочек с дробью, пыжи, мерку для пороха, новый кожаный ягдташ и всё это отдал мне. Потом он показал, как надо набивать патроны, сколько сыпать пороха и дробин. Тут же я зарядил десять патронов и стал собираться на охоту.

— В такую жару ничего не найдёшь, — сказал отец. — Сейчас все звери и птицы забрались в норы: там не так жарко. Охотиться надо рано утром или при заходе солнца.

Я послушался и отправился на охоту рано утром. Раджаб пошёл вместе со мной.

Мне очень хотелось убить какого-нибудь зверька и сделать из него чучело. На одном из бугорков мы увидели песчанку. Зверёк стоял на задних лапках и посвистывал. Я стал подкрадываться к песчанке, но она заметила меня и юркнула в нору.

— Давай посидим, — сказал Раджаб. — Здесь их много.

Мы стали терпеливо ждать. Но зверьки, как видно, чувствовали наше присутствие и больше не появлялись.

— Зачем ждать, давай выгоним её из норы, — предложил я Раджабу.

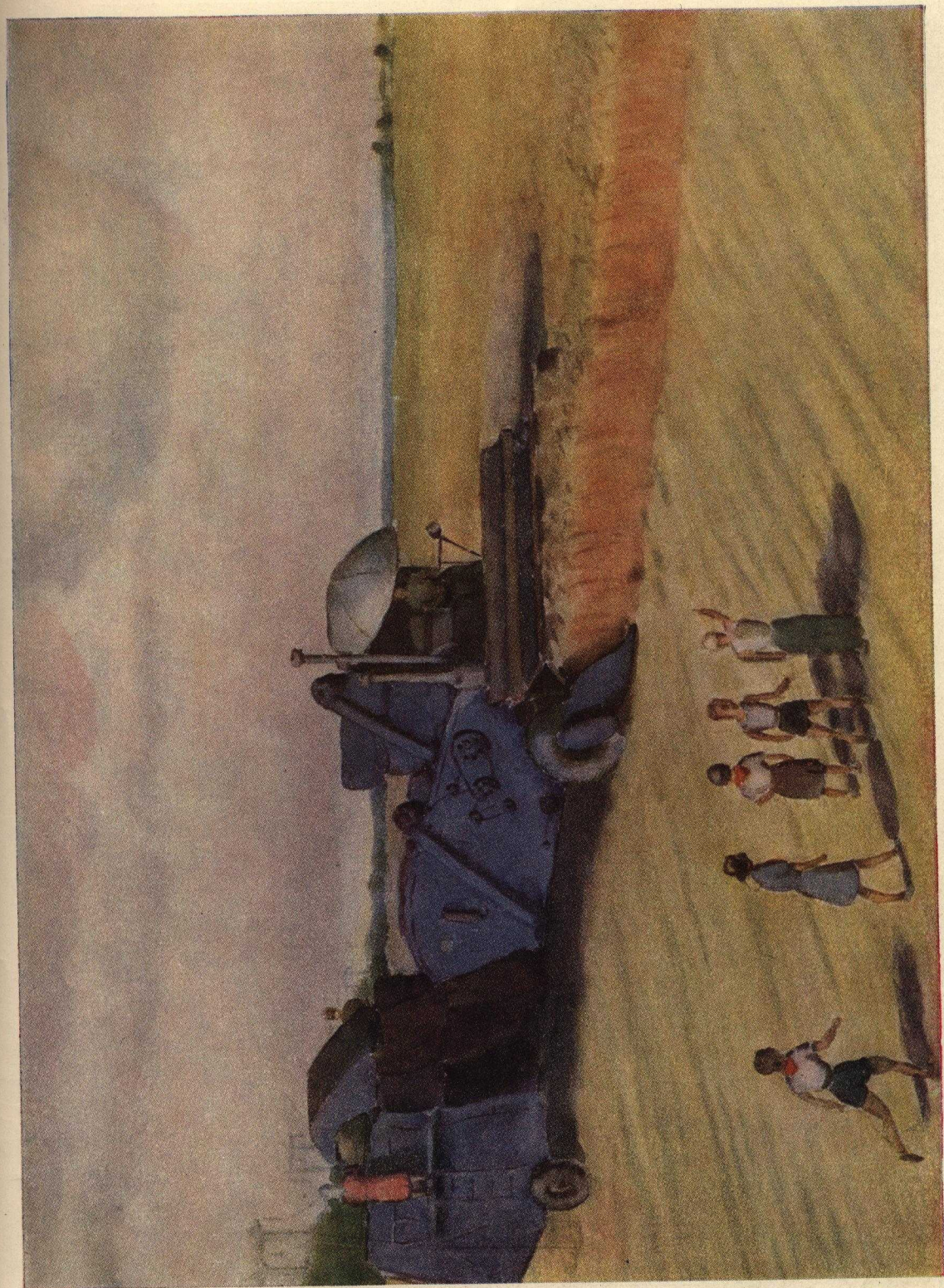
Я всунул палку в нору, но зверёк не показался. Тогда мы стали раскапывать нору, и каково же было наше удивление, когда в норе вместо песчанки оказался маленький свернувшийся клубком ёжик! Раджаб снял свою тубетейку, и мы положили туда ёжика. Я решил отвезти его в школу.

Незаметно приблизился день, когда нужно было подумать о возвращении в школу. Я занялся разбором собранных растений. В моём гербарии были травы, которые больше всего любят овцы: полынь, иляк, яушан, селин, побеги саксаула и джиды.

Много нового узнал я летом.

Мами Бердыев,
ученик 7-го класса средней школы.
Колхоз «Ленинизм», Турткульского района, Кара-Калпакской АССР.

САМОХОДНЫЙ КОМБАИН ЗА УБОРКОЙ ХЛЕБА.

Юра Лесюк. Москва.
Седьмая Всесоюзная выставка изобразительного творчества детей.

ПЕЙЗАЖ.

Толя Бушмакин. Ашхабад.
Седьмая Всесоюзная выставка изобразительного творчества детей.

«Дерево бедных».

Рисунок Вячеслава Жабинского.

Изостудия Дома пионеров Октябрьского района. Москва.

В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

Прошлым летом я жил у своего дедушки. От его дома всего четыре километра до Ясной Поляны, усадьбы-музея Льва Николаевича Толстого. Эта усадьба была для великого писателя и «колыбелью и могилой», как выразилась С. А. Толстая. В Ясной Поляне Лев Николаевич родился, провёл значительную часть жизни и написал большинство своих книг. Здесь же он похоронен.

Мы с сестрёнкой пошли в усадьбу на следующий же день после приезда.

Мы осмотрели дом, где жил Лев Николаевич, побывали в его кабинете, гостиной, библиотеке. Нам рассказали, что когда во время войны Ясную Поляну захватили фашисты, они начали бесчинствовать в музее, грабить и растаскивать мебель, посуду. Фашисты разложили в библиотеке костры, чтобы сжечь книги и дом Толстого. Но не успели: наша армия выгнала захватчиков. И советские люди бережно восстановили музей.

Во дворе перед домом стоит большой вяз. Это — знаменитое дерево. Мы слышали о нём и раньше от дедушки. Дедушка не раз видел Льва Николае-

вича Толстого и рассказывал нам, что любой крестьянин мог прийти к нему за помощью или советом. На вязе висел колокол. Каждый, позвонив в колокол, мог вызвать Льва Николаевича. И домашние называли вяз «деревом бедных». В музее нам много рассказывали о том, как Лев Николаевич старался облегчить жизнь крестьян, о школе, которую он создал для крестьянских детей.

На следующее утро я опять пошёл в усадьбу и с тех пор бывал там и рисовал каждый день.

Я много прочитал в это лето произведений Л. Н. Толстого. Он стал моим любимым писателем. Мне очень хотелось нарисовать то место, где Лев Николаевич обычно разговаривал с людьми, — скамейку под вязом.

В журнале «Огонек» я видел однажды акварель художника Богаткина. Он изобразил дом Толстых как раз с той стороны, где растёт «дерево бедных». Я тоже решил попробовать написать вяз с той же точки, что и Богаткин.

В эту акварель — «Дерево бедных» — мне хотелось вложить всю свою любовь к великому писателю.

Вячеслав Жабинский,

ученик 221-й школы, город Москва.

ДЕТСКИЕ ЖЕЛЕЗНЫЕ ДОРОГИ

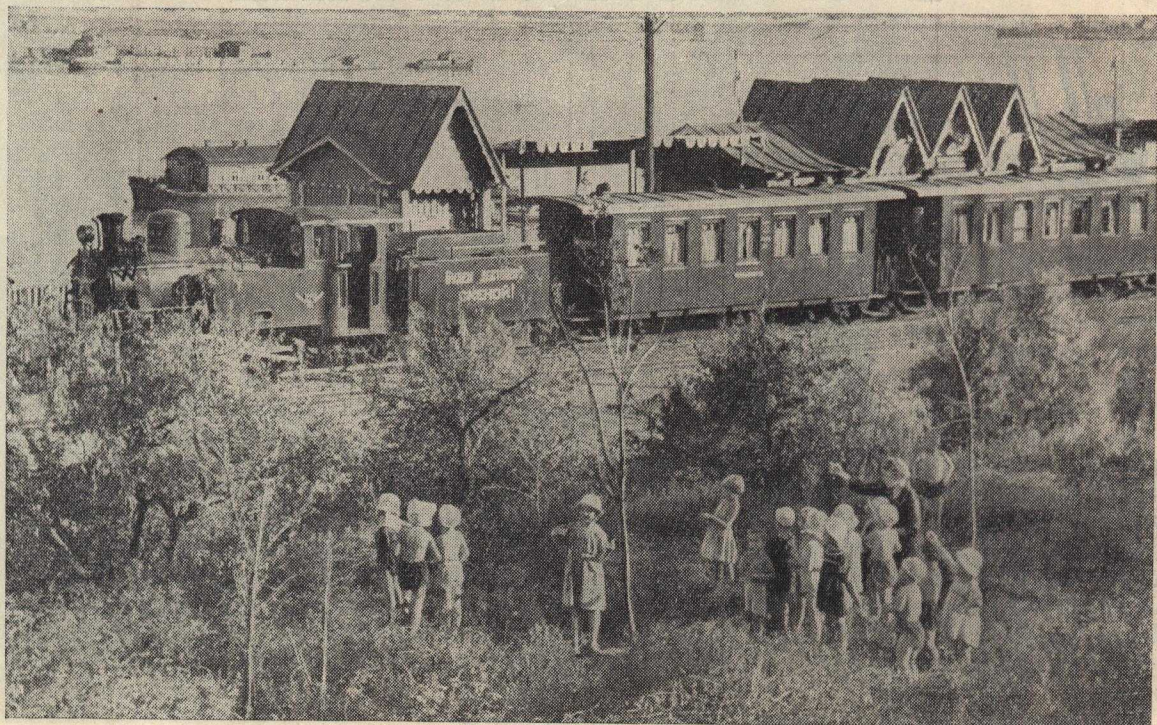
Где тонкой жилкой одноклейки, где широкой лентой параллельных путей по всей Советской стране тянутся бесконечные линии железных дорог.

А рядом с этими путями одна за другой вырастают по всей нашей стране десятки малых железных дорог. Там всё настоящее: и пути, и семафоры, и паровозы, и вокзалы... Только хозяева этих дорог — такие же, как вы, ребята, пионеры и школьники. Детские железные дороги для них — это школа интересного и увлекательного труда. Здесь они получают знания и навыки настоящих железнодорожников. Они сами умеют составлять поезда и водить паровозы. Они без ошибок разбираются в трудной азбуке железнодорожных сигналов и сложном путевом хозяйстве. Из этих любознательных, трудолюбивых ребят растёт новая армия командиров транспорта, любящих и знающих своё интересное дело — от шпалы и костыля до паровоза и диспетчерского пульта.

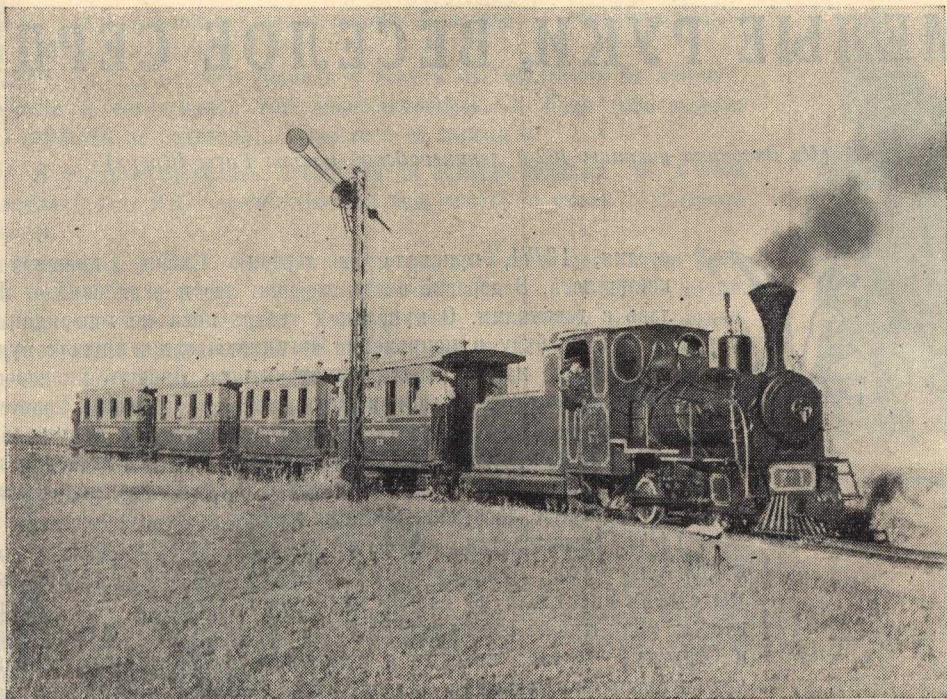
На этих фотографиях вы увидите некоторые из детских железных дорог.

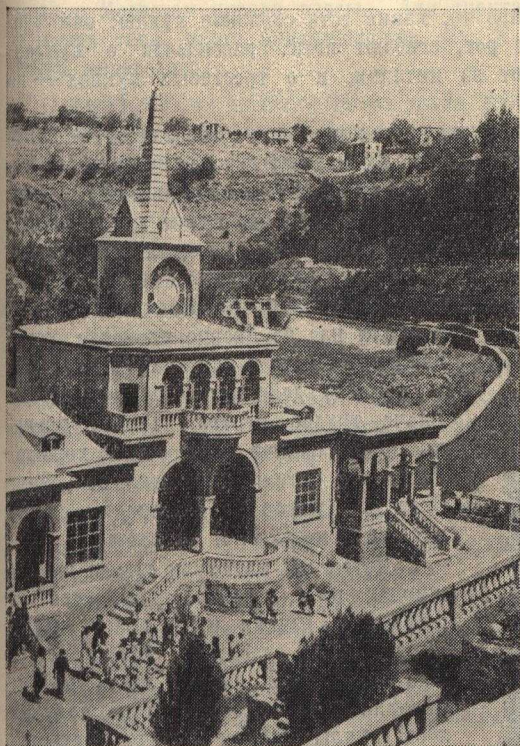
Дежурная по станции Родина Малой Ярославской железной дороги Нина Смирнова отправляет поезд.

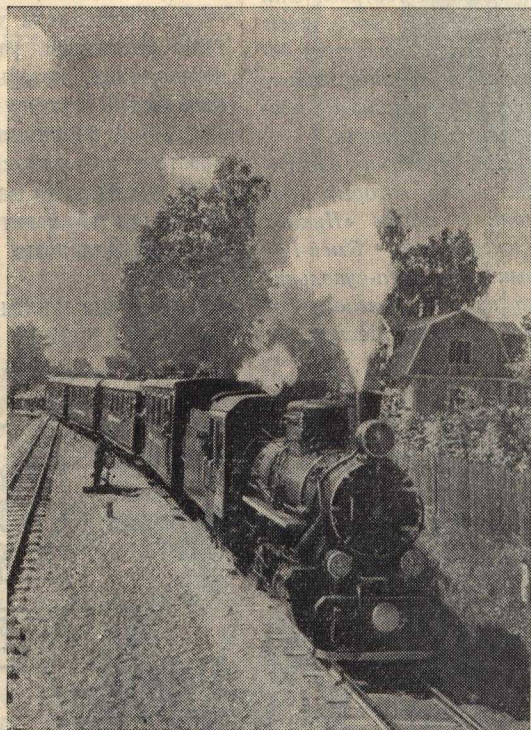
Вдоль самого берега Волги бегут поезда Сталинградской детской железной дороги.

Семафор открыт! Поезд Малой Карагандинской железной дороги спешит к Акмолинску.

В Армянской ССР недавно открылся новый вокзал Ереванской детской железной дороги.

Поезд Малой Октябрьской железной дороги в Ленинграде подходит к станции Зоопарк.

УМЕЛЫЕ РУКИ, ВЕСЕЛОЕ СЕРДЦЕ

(Из дневника ученицы 162-й ленинградской школы Риты Шперх)

Сегодня, 13/VI, приехала в деревню Слапи, проживу здесь до конца лета. В деревне очень хорошо: лес и река близко. Познакомилась с девочками. О кукольном театре пока не говорила. Но откладывать не буду и непременно организую здесь кружок кукольников. Почти все наши ребята, инструкторы Дворца пионеров, уехали в пионерские лагеря: Валя Петухова — на станцию Советская, Вова Разумов — в лагерь на станцию Горьковская. А я здесь буду вести кружок и делать кукол. Мы с Валею Петуховой перед отъездом из Ленинграда сделали кукол для сказки «Колобок». И кроме того я привезла с собой клей, вату, разные лоскутки, немного гвоздей...

14/VI. Оказывается, никто из здешних девочек никогда не видел кукольного театра. Я им рассказала немного, что это за театр такой и как мы ставим спектакли во Дворце пионеров и в школе. Тут посыпались вопросы: «Как куклы разговаривают? Как двигаются?..» Я показала Старика и Старуху — кукол, которых я привезла с собой, — и стала учить девочек первым упражнениям для пальцев. Девочки предложили заниматься каждый день, после того, как пригонят стадо.

15/VI. Прочитали пьесу «Колобок». Эту сказку, конечно, знают все. Но девочки не верят, что куклы могут разыграть сказку.

Как это Бабка будет хату подметать? А как Дед дрова принесёт? А сидеть куклы могут?.. — спрашивают они.

Я рассказала девочкам про то, какие есть сложные куклы: они моргают ресницами, раскрывают рот, сгибают ноги; рассказала о куклах-марионетках, которых дёргают за ниточки, и о тростевых куклах — на палочках.

— А те куклы, которые будут у нас с вами, — сказала я, — самые простые, называются они петрушками. Их надевают на руку, рука — это тело куклы... Но даже такая кукла может очень хорошо двигаться, если научиться её водить. Нужно только, чтобы пальцы стали послушными, гибкими. Для этого мы и будем каждый день делать специальные упражнения.

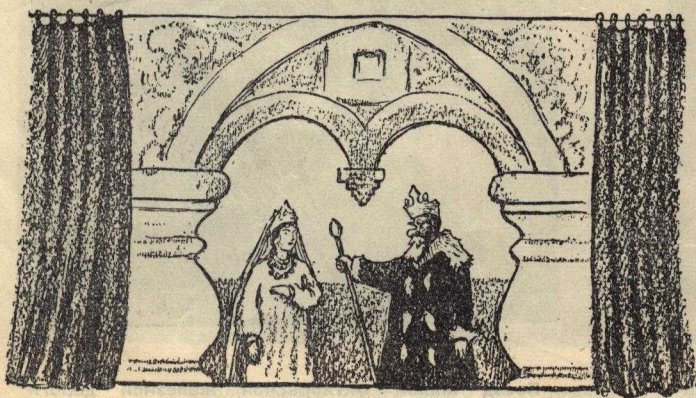
В конце занятия мы распределили роли сказки «Колобок».

16/VI. Сегодня собрались и, как учили нас во Дворце пионеров, поговорили немного о том, какой характер у каждого действующего лица (ведь иначе трудно играть). Героев девочки представляют себе очень хорошо. Потом мы читали «Колобок» по ролям. Оказалось, никто из девочек не знает, как ревет медведь. Я показала.

Потом мы натянули одеяло вместо ширмы, и я показала, как, стоя за ширмой и подняв руку вверх, водят куклу. Надо стараться, чтобы кукла шла по прямой линии, вдоль рейки. Сначала у девочек ничего не получалось: куклы ныряли куда-то, спотыкались или же взлетали вверх. Некоторые девочки совсем отчаялись и бросали своих кукол.

Многие ребята в разных городах и сёлах нашей страны увлекаются кукольным театром. Они сами делают кукол, шьют им костюмы, мастерят декорации и показывают своим товарищам прекрасные спектакли.

Наш художник зарисовал кукол, которых сделали к сказке «Никита Кожемяка и Змей-Горыныч» ребята-кукольники из Дзержинского дома пионеров Москвы.

Сцена в царском дворце.

— Я не буду! У меня всё равно ничего не выйдет,— говорили Шорохова Надя и Нина Михайлова.

Я долго убеждала их, что вначале у всех у нас выходило не лучше... Нина поверила и согласилась ещё порепетировать. А Надя (она играла Старушку) слушать не захотела... Пришлось её заменить.

17/VI. Я очень волновалась, соберутся ли сегодня девочки. Но, к моей радости, явились все. Мы прорепетировали всю сказку и стали разучивать мотивы песен.

Гали Никитина — Волк — очень быстро заучила свою песенку, а Нина Михайлова — Колобок — даже придумала новый, очень хороший мотив. Зато с Зайцем пришлось побиться: Тамара очень стесняется петь громко. Подумали, подумали и предложили ей говорить, а не петь. После этого всё пошло лучше... Устали мы все сегодня страшно, я даже вспотела.

Некоторые девочки неправильно произносят слова: в слове «его» говорят «г», а не «в», «оманут» вместо «обманут». Мы общими силами исправляли эти ошибки. Ведь актёр-кукольник должен говорить самым правильным, чистым русским языком.

У Старика со Старухой теперь уже совсем хорошо получается.

19/VI. Сегодня мы репетировали в сарае. Выходит почти совсем хорошо. Теперь девочки сами видят, что напрасно боялись... Мы решили 22-го выступить в клубе и к этому времени, кроме «Колобка», разучить школьные частушки и маленькую пьеску «Подсказка», в которой высмеивается лентяй Сеня Оплошкин.

20/VI. Девочки стали заниматься уже не с таким интересом. Говорят: «Каждый день всё одно и то же да одно и то же, надоело». У меня и у самой так часто бывало. Тогда я вспомнила, что во Дворце пионеров мы часто делали этюды — разыгрывали весь спектакль сами, без кукол.

Так мы сделали и сейчас. Вот пошло веселье! И Бабка, и Дед, и Волк с Медведем играли вовсю... Для спектакля это очень полезно: когда играешь сама, много придумываешь. Ну, а потом и куклу водить становится интереснее.

21/VI. Солнце печёт... Погода такая, что только купаться, но на занятия пришли все девочки. Правда, одна девочка притащила с собой мяч, и это очень отвлекало всех.

У Гали Никитиной (она играет Сеню Оплошкина) получается очень хорошо, а у ведущей — не ладится: Тамара очень торопится и говорит невнятно, неразборчиво. Пришлось прорепетировать с ней несколько раз. Потом все вместе ходили купаться.

Завтра выступать. Ох, только бы кто-нибудь из нас не рассеялся во время спектакля!

22/VI. С утра мы пошли в клуб готовиться к выступлению. Захватили верёвки, гвозди, молоток, три одеяла... Сходили в лес, срубили небольшую осинку — это будет рейка, вдоль которой водят кукол. Нарубили словых веток и прибили их в ряд, вдоль рейки — вот и получился лес, по которому бежит Колобок.

Потом стали натягивать ширму. Укрепили рейку, от неё под прямым углом протянули до стены верёвки и с трёх сторон повесили одеяла. За этой ширмой будут стоять кукловоды.

Начали репетировать. Проверили, хороша ли ширма, не видны ли наши головы... В окна заглядывали ребяташки; пришлось окна завесить.

Вечером, до начала представления, мы хотели ещё раз прорепетировать, но нам не удалось: очень рано стали собираться зрители. Хоть мы и не написали объявления, все в деревне знали, что в клубе сегодня концерт.

Вскоре клуб был битком набит. Ребята сидели на подоконниках, на печке, на коленях друг у друга. Пришло очень много взрослых.

Царевна.

Царь.

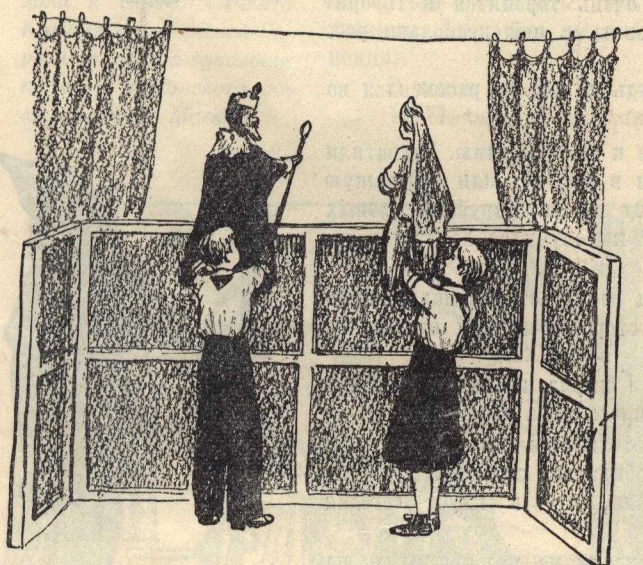
Аника-воин.

Стражник.

Схема тренажной куклы.

За ширмой.

Мы, конечно, очень волновались.

Сначала девочки пели, читали стихи. Но вот над ширмой появились куклы: Старик и Старуха. Как только они заговорили, в зале все оживилось, стали хлопать, смеяться. Некоторые женщины даже слёзы вытирали — так смеялись.

«Колобок» всем очень понравился. «Частушкам» тоже много хлопали, и чуть ли не после каждого куплета в зале слышались крики: «Это про тебя, Вовка!», «А это про Витьку!»

Но особенно большой восторг вызвала пьеса «Подсказка»: Галя играла и пела очень хорошо, каждое её слово вызывало весёлый смех в зале.

После окончания зрители так хлопали и кричали, что нам пришлось всё кукольное представление повторить сначала.

4/VII. Все в деревне просят нас показать ещё концерт с куклами, а у нас больше нет пьесок. Мы посоветовались и решили сами переделать для спектакля несколько сказок: «Заяц в огороде», «Кот и Лиса» и «Красная шапочка».

Получила сегодня письмо от Вали. У неё дела идут хорошо, она с ребятами подготовила сказку «Заяц и Ёж» и показала детсаду. Малыши остались очень довольны.

5/VII. Принесли из оврага глину и стали лепить из неё разные фигурки. Я слепила головку куклы. Девочкам она понравилась, они попросили меня научить их лепить кукольные головки. Скоро на чердаке, где мы сидели, стало тихо-тихо, закипела работа. Конечно, сначала у всех получалось не очень хорошо, но я помню, что моя первая работа была ещё хуже... Мы долго лепили, и я рассказывала девочкам, как мы во Дворце пионеров обсуждаем, какими должны быть лицо и костюм каждой куклы, как потом лепим головы, обклеиваем их несколькими слоями бумаги, раскрашиваем лица и одеваем кукол. Кукольник должен всё уметь: и лепить, и клеить, и рисовать, и шить... Недаром в нашей песенке поётся:

Кукольник — значит умелые руки,
Весёлое сердце в груди;
Кукольник — значит любые науки,
Любые ремёсла пройти...

7/VII. Сегодня девочки попросили меня рассказать, что мы делаем во Дворце пионеров, какие спектакли ставим. Я рассказала про кукол, которых смастерили наши ребята для пьесы «Золотой ключик». Особенно хорош у нас Буратино — такой смелый, весёлый, длинноносый мальчишка в зелёном колпачке. Эту куклу делал Вова Разумов. Потом я рассказала, как мы начинаем выступления. Обычно мы выходим на сцену, девочки и мальчики, все в красных галстуках и синих рабочих комбинезонах, выстраиваемся и приветствуем гостей песней:

Здравствуйте, гости!
У нас всё готово,
Спектакль начинаем сейчас.
Позвольте сказать вам
Сердечное слово,
Мы рады приветствовать вас!

Все мы — актёры,
И режиссёры,
И костюмеры,
И контролёры,
И просто друзья,
Просто друзья,
Большая семья...

И это верно: все мы друзья. Ведь многие из нас уже несколько лет занимаются в кукольном кружке, все мы давно сдружились и помогаем друг другу. Когда Валя Петухова получила в школе двойку, все инструкторы-кукольники заволновались. Стали заниматься с ней и помогли быстро исправить отметку.

9/VII. Занятия прошли шумно: сочиняли частушки «Минута час бережёт» и обдумывали декорации и бутафорию для «Зайца в огороде». Решили, что возьмём настоящие овощи. Отец Нади и Веры Шороховых сделает нам деревянные лопатки для Зайца. В тот раз наше представление так понравилось, что теперь все нам помогают.

12/VII. Завтра концерт. Мы решили всё подготовить заранее. На этот раз нам помогали и мальчики: они нарубили нам веток для «леса». Девочки притащили с огородов большущий кочан капусты, гороху, моркови. А «мелочь» для «Красной шапочки» нашлась в яслях: там нам дали игрушечную кровать и стол.

13/VII. Ой, как плохо всё получилось! Народу пришло ещё больше, чем на первое представление, и мы совсем опозорились. Сказка шла как-то вяло, девочки запинаясь, костюмы кукол были неважные, кровать и стол всё время двигались. На этот раз нам хлопали мало и потом серьёзно критиковали. И поделом! Мы все очень виноваты: плохо подготовились. И больше всех виновата я. Мы чересчур понадеялись на свои силы и взялись сразу за несколько сказок, да к тому же ещё не обработанных.

В следующий раз будем умнее!

16/VII. Нас пригласили выступить в соседней деревне Заклинье. Председатель колхоза дал нам лошадь, и мы поехали. По дороге было очень весело, мы громко пели песни и смеялись. С песней въехали и в Заклинье. У дверей клуба висело объявление, что сегодня будет концерт, около клуба уже собрались ребята. Мы очень удивились, узнав, что «артисты», которых они ожидают, — это мы.

Начали концерт с «Зайца в огороде», и, хотя после нашего провала мы много поработали над сказкой, я очень волновалась: вдруг опять опозоримся, да ещё в чужой деревне!.. Но на этот раз спектакль прошёл с подъёмом, все хорошо играли.

Провожали нас очень хорошо, просили приезжать ещё.

А мальчики в благодарность за концерт накормили нашу лошадь хлебом. Звали нас приезжать в другие деревни, но теперь мы вряд ли успеем: мне пора уезжать.

17/VII. Я собираюсь в Ленинград. Девочки просят на будущий год приезжать и привезти им ещё кукол. Я очень рада, что они зимой будут вести кружок без меня. Мы будем переписываться, будем помогать друг другу. Мне так не хочется расставаться с девочками!

21/VII. Прощай, Слапи! Все девочки провожали меня, хотя шёл проливной дождь, а до станции пять километров. Нам было и грустно и весело. Грустно потому, что не хотелось расставаться, а весело потому, что мы так хорошо подружились и весело, интересно, с пользой провели лето! Мы шли под дождём и пели полюболюбившуюся нам песенку кукольников:

Все мы — актёры,
И режиссёры...
И просто друзья,
Просто друзья,
Большая семья...

На будущий год обязательно опять приеду сюда.

Стражник.

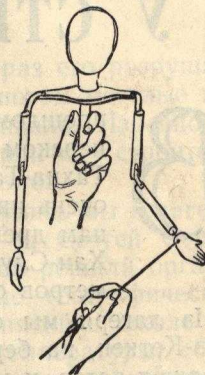
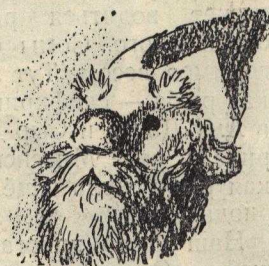

Схема тростевой куклы.

Во время путешествия и развалинам Мызлун-Хан-Слу Толя Куклин сделал много зарисовок. Мы помещаем два рисунка из его альбома. Здесь вы видите гробницу Мызлун-Хан-Слу.

У СТЕН СТАРИННОЙ КРЕПОСТИ

В прошлом году я отдыхал в пионерском лагере неподалёку от Тахиа-Таша. Мы совершили очень интересный поход к руинам древней крепости Мызлун-Хан-Слу. Это за тридцать километров от лагеря.

Из лагеря мы отправились в посёлок Кыз-Кеткен, на берегу Аму-Дарьи. Скоро подошёл катер, и мы поплыли через реку.

Время от времени раздавались глухие всплески: от берега отваливались огромные глыбы земли и падали в воду.

— Вот поэтому и вода чёрная, — сказал мой товарищ Жора. — Эта бешеная река совсем смыла город Турткуль, где раньше была столица Кара-Калпакии. Теперь Нукус — столица.

Вода в реке была совсем тёмная, и прямо не верилось, что в такой грязной воде может водиться рыба. А рыбы здесь очень много. Сомы бывают до ста килограммов весом. Тут ловится и очень редкая рыба — скафиринх. Она живёт только в Аму-Дарье и Сыр-Дарье да ещё в Америке, в реке Миссисипи. Я читал, что такая рыба жила ещё до ледникового периода.

Наш катер пристал к пристани Ходжейли. Отсюда мы пошли пешком. Идти пришлось по барханам, на которых растут солянка, перекасти-поле и селин. Селин — интересное растение. Он прочно укрепляется на песчаных гребнях. Селин

сажают в пустыне потому, что у него очень длинные корни: они закрепляют пески. Потом уже можно сеять на песках саксаул, акацию и карагач.

Вскоре за Ходжейли начались горы; идти стало труднее. Только к четырём часам мы подошли к развалинам Мызлун-Хан-Слу.

Зоя Басина вела подробный дневник. Вот что она записала в нём:

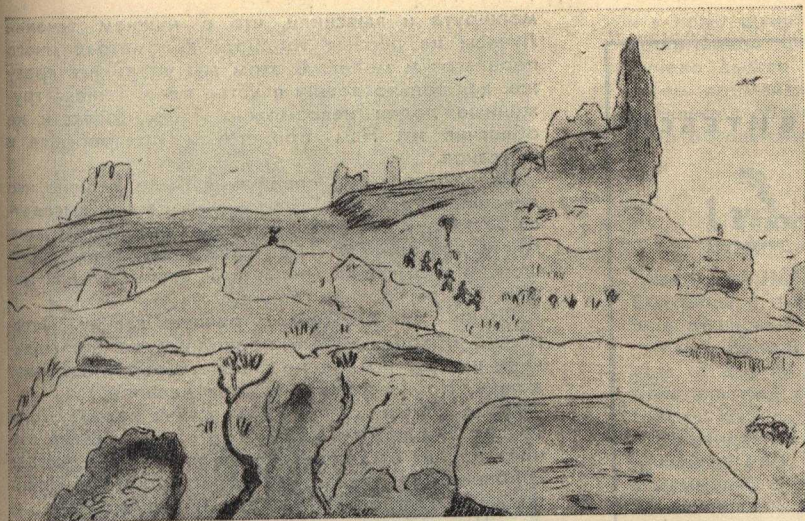
«В 16 часов дня мы пришли к развалинам Мызлун-Хан-Слу. Около горы мальчики нашли пещеру, которую перед этим вырыли геологи. Там мы разместили наши вещи и провизию. Потом мальчики из первого отряда сложили печку, и девочки принялись готовить обед. Наш лагерный художник Толя Куклин стал делать зарисовки крепостных стен. Марина занялась сбором растений для гербария...

Олег поймал синегалку. Мы решили взять птицу с собой в лагерь.

Вдруг кто-то из девочек закричал, что в пещере скорпионы. Пионервожатый Саша Полозов быстро побежал туда. В пещере в самом деле было много скорпионов. Пришлось перенести вещи и продукты в другое место. Здесь не так удобно, совсем нет тени.

На ночь назначили дежурных. Мальчики зажгли факелы и ходили вокруг лагеря. Ночь прошла без происшествий».

В дневнике записана и легенда, которую рассказал нам один местный житель.

Гора Гяур-Кала, на которой стоят развалины старинной крепости.

«У царя Мызлун-Хан-Слу была красивая дочь. К ней посватался сын персидского царя. Она согласилась стать его женой только при одном условии: если он за одну неделю выстроит на горе новый роскошный дворец. Царевич согласился, и рабочие принялись за дело. Они должны были выложить весь дворец красивыми изразцовыми плитками. Для крепости они скрепляли плитки цементом, замешанным на верблюжьем молоке. Воины царевича нещадно били плетью рабочих, заставляя их работать быстрее, чтобы выстроить дворец в назначенный срок. Скотоводы, жившие в окрестности, узнав о жестокости царевича, угнали свои стада далеко в пустыню. У строителей не хватило верблюжьего молока. Прошла неделя, и дворец не успели построить. Так и остался он недостроенным».

Теперь развалины дворца наполовину засыпаны песком. Стены его и в самом деле выложены светложёлтыми крепкими плитками, а кое-где видны обожжённые солнцем красные узорчатые кирпичи.

Вожатый Саша Полозов рассказал нам, что, по данным археологов, дворец Мызлун-Хан-Слу

очень древний. Много раз его разрушали кочевники-монголы, а потом местные жители снова восстанавливали. Изразцовые плитки и узорчатые кирпичи — строительный материал разных эпох.

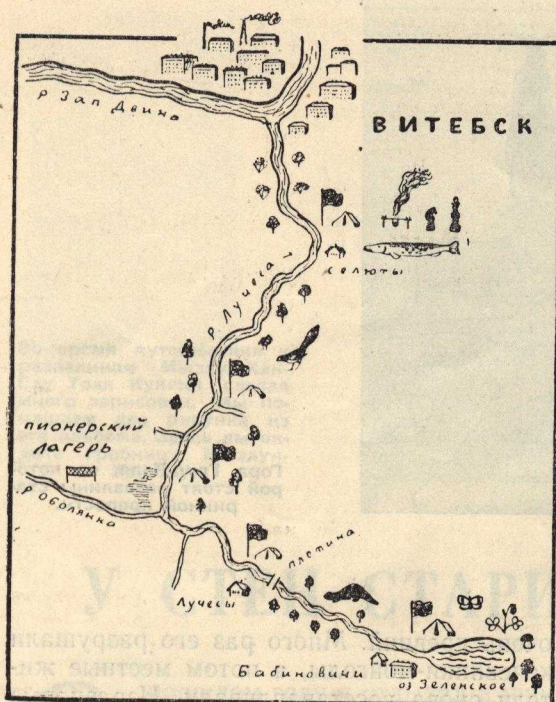
Поздно вечером вернулись мы в лагерь.

После этого похода я, Сергей Садовников и Юрий Ямщиков решили организовать у нас в школе географический кружок. До начала занятий в школе мы стали вести дневник температуры, собирать гербарии и камни для коллекции.

Валерий Пальчук,
ученик 6-го класса «А» школы
имени Гоголя, город Тахиа-Таш.

Юннаты лагеря собрали в походах много насекомых и составили богатую коллекцию в подарок родной школе (город Нукус).

ПО РЕКЕ ЛУЧЕСЕ

Река Лучеса вытекает из Зеленского озера у посёлка Бабиновичи и впадает в Западную Двину у города Витебска. Ученики витебской школы №1 давно мечтали проплыть по Лучесе от устья до истока. Прошлым летом четырнадцать учеников этой школы совершили такое путешествие.

Руководил походом по поручению горкома комсомола студент Владимир Радкевич. Много препятствий и забавных приключений было в пути у ребят. Участники похода Олег Ивановский и Борис Шейкин рассказывают об этом в своих записках.

Первое боевое крещение

— Вёсла на воду! — раздаётся команда.

Мы погружаем вёсла в воду — и четыре лодки отправляются в путь вверх по Лучесе.

Позади остались долгие дни подготовки к походу, изучение маршрута, тревоги и волнения сборов. Перед нами извивается Лучеса с её быстрым течением, перекатами, отмелями и красивыми берегами.

За несколько дней до начала путешествия четверо участников похода сделали разведку

маршрута и выяснили, что в нижнем течении Лучесы на первых тридцати километрах много перекатов и мелей. В этом мы убедились сразу же, как только вошли в устье реки. Тяжело гружённые лодки невозможно было провести, не облегчив их. Нам предстояло презраться в бурлаков.

После короткого совещания было решено, что девочки во главе с Тамарой Воропаевой высадутся и пойдут пешком вперёд, чтобы подготовить место для привала. И вот они ушли, а мы, хорошенько укрыв плащ-палатками вещи, так как пошёл дождь, повели лодки.

Лодки трутся килем о речную гальку. Осторожно обходя острые подводные камни, мальчики шагают по колено в воде. Сверху поливает дождь. Но настроение у всех весёлое.

Даже самый маленький участник похода, Толя Трусов, держится бодро, хоть у него зуб на зуб не попадает от холода. Командир отряда Володя Грибанов приказывает ему выйти, одеться и продолжать путь берегом. Толя негодует:

— Что я, маленький?!

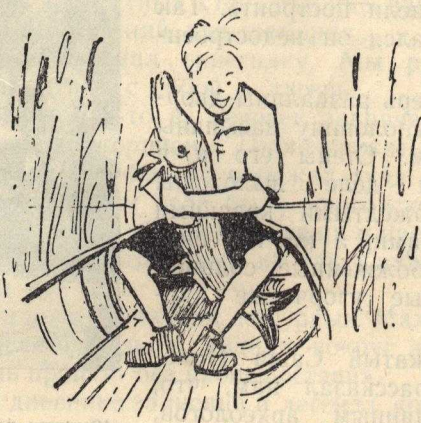
Однако приказ есть приказ, и, подчиняясь походной дисциплине, Толя через несколько минут уже бежит вприпрыжку по берегу, догоняя девочек.

К двум часам дня дождь прекратился. Выглянуло солнце, и мокрые листья прибрежных кустов заискрились всеми цветами радуги. Река стала глубже, и мы сели в лодки. Из-за поворота показался песчаный полуостров, там, махая нам руками, стояли у ярко горящего костра девочки.

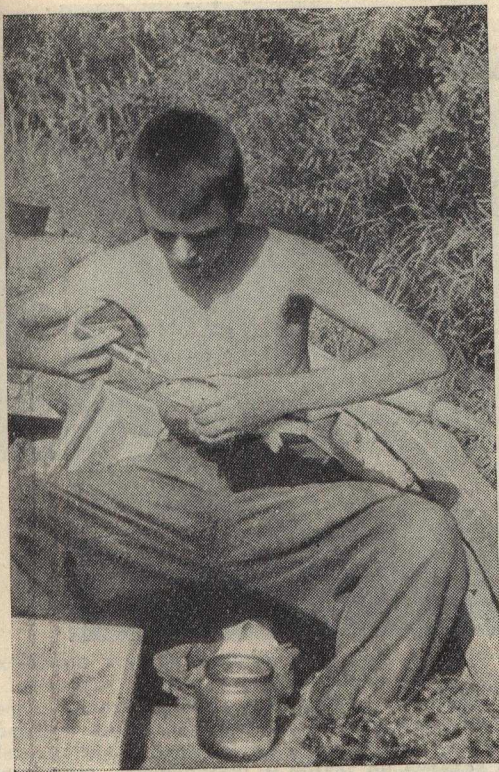
Лодка Вали Горюнова, почти достигнув полуострова, вдруг резко затормозила. Что случилось? Приблизившись, мы увидели в руках у Вали большую щуку, которую ему удалось поймать на блесну. Чествуя удачливого рыболова, мы взяли его лодку на буксир и торжественно подвели к месту привала.

Через полчаса был готов обед. Каким вкусным он оказался нам после напряжённой работы! Но отдых после обеда получился очень коротким, потому что опять пошёл дождь.

Так, под дождём, мы доплыли до деревни Селюты. Здесь у нас был намечен первый большой привал. Несмотря на дождь, наши лодки прошли пять километров. Мы построили шалаш, развели костёр, заготовили дров на ночь. В десять часов вечера все, кроме дежурных у костра, уже крепко спали.

В руках у него была большая щука.

Скоро мы научились делать чучела рыб.

Снова дождь

В семь часов утра тишину разорвал звук горна. Все участники похода проснулись одновременно, но никто не торопился вставать: продолжал лить дождь. Из шалаша не хотелось выходить, хотя и в шалаше тоже было не сладко: с «потолка» во многих местах текла вода.

Нас поднял весёлый голос нашего руководителя:

— Вы всё ещё нежитесь? На зарядку! Живо!

Ой как страшно было выскакивать в трусиках и майках под проливной дождь! Но после нескольких упражнений по мышцам стала разливать приятная теплота. Настроение поднялось. Несмотря на дождь, у самого входа в шалаш ярко горит костёр. Это придаёт нам бодрость.

Мы починили крышу шалаша, чтобы она не протекала, и с удовольствием позавтракали.

Отправляясь в путешествие, мы намеревались собрать коллекцию животного и растительного мира Лучесы и её берегов. И вот теперь Владимир Радкевич предложил нам:

— Давайте начнём со щуки, которую поймал Валя Горюнов! Пока идёт дождь, я покажу вам, как делаются чучела.

Мы соорудили столик, положив большую шахматную доску поверх рюкзаков, и стали внимательно наблюдать за работой Владимира Радкевича. Сначала он с помощью скальпеля аккуратно снял кожу со щуки, стараясь полностью сохранить чешую. Затем шприцем ввёл в голову

и в кожу щуки формалин, набил её ватой, тоже пропитанной формалином, и, наконец, зашил. Чучело вышло замечательное.

Тем временем дождь перестал. Из-за разорвавшихся облаков показалось солнце. И мы весело отправились дальше.

Как мы охотились

На четвёртый день снова стали встречаться быстрины и перекааты. И снова половина группы шла пешком.

Мы с Володиём Грибановым шли берегом, отстав от других ребят. Сквозь прибрежные кусты блестела под солнцем река. Оттуда доносились голоса ребят, ведущих лодки.

Неожиданно почти из-под наших ног вылетела криксовая утка, пролетела метров триста и села в камышах. У Володи было с собой ружьё, и мы побежали к камышам. Я бросил камень, и в тот же момент из камышей поднялось сразу шесть уток, они полетели прямо на нас.

Володя вскинул ружьё, прицелился. Я уже представлял себе, как падает поражённая метким выстрелом утка, а может, и две, — вкусное жаркое к походному обеду, замечательное чучело криквы в биологическом кабинете. Утки всё ближе. Вот они пролетают над нами низко-низко, слышно, как тяжело хлопают их крылья.

— Ну что же ты? Стреляй скорей! — кричу я Володе.

Но выстрела всё нет. Утки, прекрасные криквы, удаляются. И наконец совсем скрываются из виду.

— Понимаешь, Олег, я забыл поставить ружьё на боевой взвод, — смущённо объяснил Володя.

Я посмеялся над Володиём, а вскоре и со мной произошла смешная история. Начальник похода поручил мне раздобыть сороку для нашей коллекции. Я взял ружьё и отправился на поиски.

Заходящее солнце окрашивало сосновый бор в багряно-красный цвет. Залюбовавшись этой картиной, я забыл о сороке, но она сама поспешила напомнить о себе: звонкое стрекотание раздалось неподалёку за кустами. Осторожно раздвинув ветки, я застыл на месте: сорока сидела на соседнем дереве, в пяти шагах от меня. Почти не целясь, я нажал спусковой крючок. Выстрел... Увы, от птицы остались одни перья!

Сорока перелетела на прежнее место.

На большом привале.

С такого близкого расстояния дробь почти вся попала в цель.

Пришлось начинать поиски сначала. Скоро я увидел другую сороку. Она сидела на сосне, стоящей у края большой котловины. Заметив меня, сорока перелетела на другую сторону, села на молодой дубок и весело застрекотала. На дне котловины было болотце, и я побежал в обход. Но, когда до дубка оставалось всего метров тридцать, сорока вспорхнула и со звонким стрекотанием возвратилась на прежнее место. Я за ней. Она повторила свой хитрый манёвр: подпустив меня почти на расстояние выстрела и не переставая стрекотать, перелетела на тот самый дубок, где сидела двумя минутами раньше. От беготни у меня пересохло во рту, пот с меня катился градом, а сорока точно дразнила меня.

Наконец удалось перехитрить её: медленно, стараясь не шуметь, пошёл я к дубку. Спрятался за сосну и, убедившись, что сорока меня не видит, положил ружьё на сучок сосны, тщательно прицелился и выстрелил. Выстрел оказался удачным.

Это была очень красивая сорока, из неё вышло отличное чучело.

Заблудились

Пройдя половину пути, мы устроили длительный привал — на целые сутки.

Место, выбранное нами для стоянки, находилось в двух километрах от пионерского лагеря, в котором было много ребят из нашей школы. Мы решили побывать у них в гостях. Мне и Борису ребята поручили сходить в лагерь и договориться об этом.

В лагере обрадовались нам. Мы договорились

о встрече на завтра и, простившись, отправились «домой», на бивак у реки.

Шли, оживлённо разговаривая, и не заметили, как миновали тропинку, на которую нам следовало бы свернуть.

— Да-а, — протянул Борис, — забыли основное правило: турист должен всё замечать на своём пути.

Мы хотели было вернуться на поиски тропинки, но передумали: в незнакомом месте, да ещё в темноте, можно окончательно заблудиться.

Пройдя ещё немного, мы вышли к маленькой речушке, которая привела нас к Лучесе.

Куда идти дальше? Вверх или вниз по течению? Кажется, мы не проплывали мимо устья этой речушки.

Посоветовавшись, перешли речушку вброд и быстро побежали, чтобы согреться. Но тут нам преградило путь вязкое болотце. Обходить его? Неизвестно, как далеко оно тянется от реки. Лезть в болото ночью тоже не хотелось. Но не возвращаться же! И сначала Борис, а потом я решительно шагнули в липкую грязь.

Пересекли болото, отмыли грязь в речной воде, и вдруг нас охватило сомнение: туда ли мы идём? Может быть, нужно было идти вверх, а не вниз по течению? Проплывали ли мы днём устье этой речушки?

К счастью, в это время мы слышали звук горна и поняли, что идём правильно. Мы побежали вперёд, не обращая внимания на то, что ветки лозняка больно хлестали и царапали нас. Горн звучал всё отчётливее, и вскоре на противоположном берегу мы увидели наши шалаши, озарённые огнём костра.

Через несколько минут ребята пригнали лодку и переправили нас в лагерь. С наслаждением грелись мы у костра и рассказывали о своих приключениях.

На рыбалке ранним утром.

Встреча в пути

До озера оставался один день пути. Вечером мы засветло причалили к берегу, чтобы до темноты успеть набрать хворосту для костра и устроиться на ночлег. Вдруг на реке появилась маленькая плоскодонная лодочка. Она удивительно быстро скользила по воде, приближаясь к нам. Отблески вечерней зари освещали седую голову и худое энергичное лицо человека, сидящего в лодке.

Незнакомец причалил к тому месту, где стояли наши лодки, и вышел на берег.

— Давно уже никто не плавал в Бабиновичи по реке, — сразу заговорил он, подходя к нам. — Путь по Лучесе стал трудным, в двух-трёх местах её преграждают плотины. Наверно, вам пришлось потрудиться!

Незнакомец нас всех заинтересовал, но мы устали и торопились ставить шалаши, поэтому разговор как-то не завязывался. Незнакомец пожелал нам успеха и сказал, что завтра он догонит нас на реке. Через минуту, сев в лодку, он словно растаял в темноте.

На следующее утро к нашему лагерю прибегали ребята из соседней деревни, и от них мы узнали, что вчерашний незнакомец был местный хирург, доктор Скальский, известный охотник и рыбак.

Днём, во время обеда на новой стоянке, мы опять увидели доктора на его замечательном судёнышке. Он быстро плыл по реке, а за кормой его лодки тянулось штук десять больших щук. Нас поразила такой богатый улов.

— Эту рыбу я поймал на блесну в течение двух часов, пока догонял вас, — объяснил доктор.

И он показал нам те блесны, на которые были пойманы щуки. Блесны были устроены немного по-другому, чем наши. Наши блесны вращаются вокруг стержня, к которому прикреплён крючок, а у него крючок прикреплен непосредственно к блесне, поэтому она, вращаясь, больше похожа на плывущую рыбку. Такая блесна погружается в воду глубже нашей, и отпустить её нужно далеко от лодки. Шум

вёсел тогда не пугает щуку, и она смелее хватает крючок.

Мы заинтересовались лодкой доктора. Оказалось, что она самодельная, сделана из фанеры. На воде эта лодка может выдержать двух человек, несмотря на это, она очень лёгкая. Лодка послушна на ходу и благодаря своему плоскому дну не боится мелей.

На прощание доктор Скальский сказал нам, что он тоже собирается вскоре проехать на лодке к озеру, порыбачить и поохотиться.

Кто же это?

Жаркий солнечный день. Наша лодка шла, намного опередив другие лодки. Тихо. Вдруг мы услышали какой-то писк на берегу.

— Это, наверное, птенец, — сказала Лариса Гончарова. — Может быть, он выпал из гнезда. Давайте посмотрим! Гребите к берегу, Борис!

Подошли к берегу. Держась за ветки, я стал подтягивать лодку поближе. Зина Колоницкая вылезла из лодки и, раздвигая кусты, пошла по берегу. Вдруг она неожиданно для всех бросилась назад с криком:

— Ай, посмотрите, что там такое!

Лодка сильно накренилась, и я, не удержавшись, свалился в воду. Девочки, чтобы не упасть, уцепились друг за друга и завизжали.

Когда я выбрался из воды, Лиля Бабенкова уже принесла в лодку двух зверушек. Не зная, кто попал нам в руки, мы долго рассматривали странных, с перепончатыми, как у уток, лапами зверьков.

Кто же это?

— Может, Барсуки? — предположила Зина.

— Какие же у барсуков перепонки!

— Бобры, — сказала Лилия. — Это у них есть плавательные перепонки.

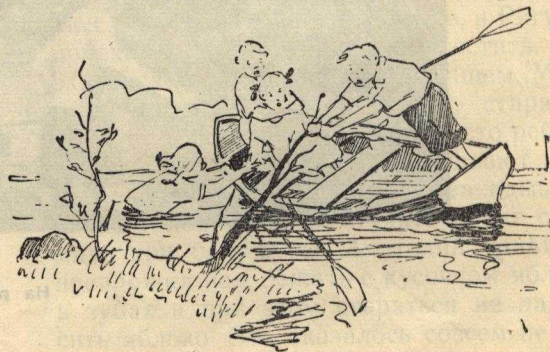
Зверьки запищали.

— Да они есть хотя! — догадались мы.

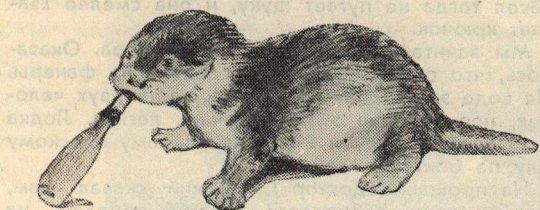
— А чем их кормить?

— Попробуем молоком. Плывём скорее до ближайшей деревни!

Вот и деревня. Сбегали за молоком. Но как накормить зверьков? Из миски они есть не умеют. Тогда мы вытащили из походной аптечки бинт, обмотали им горлышко бутылки и, сделав нечто похожее на соску, попробовали напоить зверьков. Как же мы обрадовались, ко-

Лодка сильно накренилась, и я, не удержавшись, свалился в воду.

Один из выдрят, пойманных нами.

гда увидели, с какой жадностью они стали чмокать, обхватив бутылку лапками!

Как раз в это время нас догнала вторая лодка. — В чём дело? Почему остановились? — спросил Владимир Радкевич. — А это что такое? Где вы поймали выдрят?

— А разве это выдры? — удивились мы.

Когда мы вернулись домой, в город, то отнесли выдрят в биологический кабинет пединститута. Там они живут и теперь. Они сильно выросли и совсем не боятся людей.

Цель достигнута

Наступил шестой — последний — день путешествия вверх по Лучесе.

Уже совсем стемнело, а нам предстояло пройти ещё несколько километров. Здесь река была особенно извилистой и узкой. Местами она была настолько узка, что работать вёслами стало невозможно. Мы вынули их из уключин и стали отталкиваться, как шестами. Лодки то и дело садились на мель. Последний километр мы шли це-

лый час. Когда впереди уже ослестело озеро, дороге нам преградили два бревна, переброшенные с берега на берег. Мы устали и промокли, а тут ещё пришлось перетаскивать лодки через брёвна.

Вот наконец и озеро! Тихо плещутся волны; на тёмной, бескрайней, как море, озёрной глади трепещут отблески звёзд. Мы прилагаем последние усилия, чтобы дойти до того места, где ребята, ушедшие вперёд пешком, разбили лагерь. Огонёк костра зовёт нас к себе, обещая сладкий отдых.

Два дня мы провели на Зеленском озере. Отдыхали, рыбачили, катались на лодках, купались, исходили все окрестности, собирали грибы, ягоды...

Обратный путь по Лучесе показался нам просто приятной прогулкой. Теперь мы хорошо знали берега реки, поэтому привалы устраивали только в красивых местах. На обратном пути мы привели в порядок всё, что сумели собрать в походе. Немало интересного везли мы для школы: чучела рыб и птиц, засушенных раков, безногую ящерицу-веретеницу, двух змей, гербарии растений и коллекции насекомых, живых выдрят и многое другое.

Сделали мы и карту Лучесы. Если кто-нибудь из ребят теперь отправится по нашему маршруту, то наша карта укажет им, в каких местах на Лучесе перекаты, мели, где нужно остерегаться быстрого течения. Увидят они, где река пересечена мостами и плотинами.

Новым путешественникам не нужно будет посылать вперёд разведку, чтобы заранее определить удобные места для стоянок и рыбной ловли: они тоже отмечены на карте.

Не отмечены на ней только наши приключения. Но о них мы и так не забудем!

На перекате.

Самые лучшие волейбольные команды пионеров приняли участие в межлагерной спартакиаде.

ЧЕМПИОНЫ ЛАГЕРЯ

В нашей школе все ребята любят спорт. Мы построили при школе очень хороший стадион с беговыми дорожками, гимнастическим городком, волейбольной и баскетбольной площадкой. На этом стадионе у нас часто проходят уроки физкультуры. Занимаемся мы на стадионе и летом. Ведь на каникулах при школе работает городской пионерский лагерь. В прошлом году я отдыхала в этом лагере.

День начинался у нас зарядкой. Старшими ребятами руководила Лилия Кролла, пионер-инструктор, а с младшими занималась Винета Упите. Обе они отличные физкультурницы.

У Винеты, конечно, было больше хлопот: ведь малыши совсем не умели делать зарядку, их приходилось терпеливо учить каждому движению. Расма Пойше, например, ученица второго класса, никак не могла сделать шестое упражнение зарядки.

— Не задерживай дыхания. На первых двух прыжках выставляй вперёд левую ногу, а на следующих двух — правую, — объясняла Винета маленькой Расме.

Все ребята слушали команду Винеты и с увлечением делали зарядку. Только Андрис Мензиньш стеснялся и всегда стоял в стороне. Когда Винета звала его, Андрис отвечал:

— Я не умею, я не физкультурник!

А по глазам было видно, что ему очень хочется заниматься вместе с нами. Винета попросила одну из лучших физкультурниц её группы, Инту Мартинсоне, позаниматься с Андрисом отдельно.

И не прошло недели, как Андрис стал делать зарядку вместе со всей группой, а к концу лета он стал одним из лучших физкультурников.

В нашем лагере работало пять спортивных секций: секция лёгкой атлетики, плавания, волейбола, баскетбола и лапты.

Больше всего ребят занималось в секции лёгкой атлетики. Всем хотелось научиться хорошо бегать, высоко прыгать, далеко метать копье, диск и ядро, стать настоящим ловкими, сильными и смелыми.

Особенно хорошо бегал Анатолий Дубасс. Анатолий живёт в Минске, в Ригу он приехал к родственникам погостить. Он оказался очень хорошим товарищем. Много занимался со всеми нами, старался научить хорошо бегать. Ведь часто ребята бегают неправильно: задерживают дыхание, стискивают зубы или закидывают назад голову. Чтобы отучить ребят сжимать при беге зубы, Анатолий однажды предложил нам бежать с кусочком яблока в зубах и при этом стараться не надкусить яблоко. Это оказалось совсем не так просто. Но постепенно мы все научились бегать довольно хорошо.

Девочки упорно тренировались, готовясь к соревнованиям между пионерскими лагерями.

В середине лета мы провели лагерную спартакиаду. Все ребята участвовали в ней, и многие показали хорошие спортивные результаты.

Анатолий Дубасс пробежал 60 метров за 8,8 секунды, я — за 9,2 секунды, Александр Гоголев — за 9,3 секунды. Загрида Урте метнула гранату на 31,5 метра, маленькая Инта Мартинсоне бросила мячик на 33,6 метра.

Вечером у пионерского костра наш учитель физкультуры К. К. Матузелс похвалил нас и сказал, что теперь нам надо как следует подготовиться к межлагерной физкультурной спартакиаде.

Мы стали тренироваться с ещё большим увлечением. В начале лета у нас не было баскетбольной команды девочек, и никто из нас, кроме Дзидри Салминь, не умел играть. Но за лето Дзидря так нас подучила, что мы смело вышли на городское состязание.

Почти ежедневно мы ходили на водную станцию. Многие из ребят не умели плавать, но все хотели научиться. Ведь без этого нельзя сдать нормы на значок

«БГТО». Самое трудное вначале было перестать бояться воды. Многие ребята сперва немножечко трусили, даже такая хорошая спортсменка, как Винета. Но у нас был замечательный тренер — Лилия Петерсоне, мастер спорта. Она помогла всем нам научиться плавать стильно — кролем и брассом. Сперва мы разучивали движения рук и ног на берегу, а потом повторяли их в воде. Это оказалось не так уж трудно и очень интересно. Наша Винета так овладела за лето кролем, что даже вошла в команду лучших пловцов, которую выставил лагерь на спартакиаду, и завоевала там первое место.

Эта спартакиада проходила очень торжественно. Все рижские городские лагеря собрались на стадионе «Динамо». Взвился красный флаг — и громкие звуки оркестра возвестили начало спартакиады. Мы прошли строем мимо трибун, где сидели почётные гости.

Соревнования начались с бега. На старт встали мальчики. На первых же метрах Анатолий Дубасс уверенно вырвался вперёд. За ним следовал Александр Гоголев. Оба из нашего лагеря! Мы громко хлопали, когда Анатолий рвёт ленточку, и с восторгом узнаём результаты. Анатолий пробежал 60 метров за 8,6 секунды, а Александр — за 9 секунд. Значит, Анатолий улучшил своё время на целых две десятых секунды, а Александр — даже на три. Мне тоже удалось «сбросить» три десятых со своего обычного результата, и я вышла в беге на второе место среди девочек.

Спартакиада принесла нам много радости. Мы завоевали первое место по волейболу, по лапте, по плаванию. Наши мальчики заняли по баскетболу первое место, а девочки — третье.

За победы на этой спартакиаде мы получили тринадцать командных, сорок пять индивидуальных дипломов и очень много красивых подарков. Дипломы висят в нашей пионерской комнате. В этом году пионеры нашего лагеря обязательно добьются ещё лучших спортивных результатов.

Лилия Крауклите,
председатель физкультурного кружка при
городском пионерском лагере 32-й школы,
город Рига.

ЧТО МЫ УЗНАЛИ, СДЕЛАЛИ, НАШЛИ

Алтай — ещё мало исследованный край. Юные краеведы 31-й школы города Барнаула решили заняться разведкой неизученных мест, и в первую очередь залива Телецкого озера — Камчи и впадающей в него реки Большой Шалтан. Добраться туда было нелегко. Ребятам пришлось переправляться через бурные речки, быстрое течение которых сбивает с ног лошадей, идти под проливным дождём, по непролазной грязи, прокладывать с помощью топора тропы сквозь непроходимые леса. Путешественники преодолели все преграды и наконец добрались до залива Камчи и исследовали его. Ребята открыли и нанесли на карту неизвестный доселе водопад высотой в 18 метров и месторождение гематита (железной руды). На обратном пути ребята повстречали геологическую экспедицию, и геологи выяснили, что во вновь открытой руде содержится около 75% железа.

Неподальку от села Весёлого, Адлеровского района, протекает быстрая речка Псоу. Однажды, осматривая крутые, обрывистые берега этой речки, школьники 4-й веселовской школы нашли маленькие, тщательно изготовленные из кремня ножички и миниатюрные скребочки необычного вида.

Руководитель кружка юных краеведов Н. И. Гумилевский сообщил о находках в Кавказский стационар Академии наук СССР, и вскоре под руководством учёных ребята начали раскопки.

Оказалось, что здесь когда-то, очень давно (вероятно, в третьем тысячелетии до нашей эры), было жилище человека. Были найдены черепки слабо обожжённой глиняной посуды, примитивные мотыги, куски зернотёрки, которые указывали на то, что древние жители уже занимались, повидимому, земледелием. Но основным их занятием всё же были охота, рыболовство и собирательство. Об этом говорят каменные орудия, найденные в землянке. Часть материалов раскопок хранится в школьном музее, часть отправлена для изучения в Кавказский стационар Академии наук СССР.

В 1947 году в Приморском крае упал гигантский метеорит, названный Сихотэ-Алинским.

Осколки этого метеорита бережно хранятся в школе № 16 города Владивостока. Их привезли юные краеведы, побывавшие прошлым летом на месте падения метеорита. Там они беседовали с лесником. Он им рассказал, как он сам наблюдал падение метеорита. Он видел, как по небу пронёсся ослепительно яркий огненный шар с разноцветным хвостом, рассыпавший искры, а потом раздался оглушительный взрыв. Дымный след на небе был виден в течение многих часов.

Ребята спустились в воронку, исследовали края и дно, измерили их. Самая большая воронка, глубиной в 4 метра, в диаметре достигает 28 метров.

На опытном участке при Моздокском доме пионеров юннаты выращивают самые различные сельскохозяйственные растения. Ребята построили метеорологическую станцию и круглый год ведут наблюдения над погодой.

В Татарской АССР всё меньше становится земель, где могут привольно жить суслики: тракторы глубоко вспахивают колхозные поля, разрушают норы сусликов, и им приходится искать новые пристанища. Множество этих вредных грызунов перекочевало на нераспаханные земли, прилегающие к дорогам. Там живут целые колонии грызунов, совершающих разбойничьи набеги на ближайшие поля. Они уничтожают много колхозного хлеба: ведь один суслик съедает до пуда зерна за год!

Для того, чтобы организовать борьбу с вредителями, учёным нужны точные данные. Они дали задание юным биологам города Казани: выяснить, сколько сусликов живёт на гектаре придорожной полосы. И ребята доставили им эти сведения. Они обследовали семь квадратных километров и обнаружили на каждом километре до восьмидесяти трёх сусликовых нор. Так ребята помогли борьбе с сусликами.

За эту работу школьникам вынесена благодарность.

Юннаты 3-й уваровской школы (Тамбовская область) заложили на пришкольном участке древесный питомник. Они собрали в лесу много семян и посеяли их.

Заботливо выхаживали ребята крохотные сеянцы, и молоденькие деревца росли на славу, крепкие, сильные.

Прошлым летом две с половиной тысячи деревцев переселились на лесную полосу колхоза имени Маленкова. Деревца прижились на новом месте и хорошо растут.

Заболоченные таёжные леса — «урманы» — Омской области богаты лесной малиной, смородиной и ежевикой; на зелёном моховом ковре алеет кисловатая прозрачная костяника, сизым блеском отливают ягоды голубики. Здесь встречаются разновидности малины и смородины с такими крупными и сладкими ягодами, которые не уступят культурным среднерусским сортам. К тому же «дикари» более выносливы, они не боятся холодов и засухи, они устойчивы к болезням.

Руководитель кружка юных садоводов при областной станции юннатов Л. И. Сихов снарядил экспедицию за дикорастущими ягодниками. Юннаты привезли с собой много выкопанных кустарников и молодых деревьев, а главное, туго набитые мешочки с ягодными семенами и шишками.

Семена лесных ягод и шиповника, косточки черёмухи они посеяли в хорошо обработанную, удобренную почву. Много труда отдали юные садоводы крохотным росточкам. Они заботливо ухаживают за ними. И возможно, уже через несколько лет юные мичуринцы умелым воспитанием смогут вывести из дикорастущих лесных растений новые сорта ягодников.

Кто из вас, ребята, может сказать: сколько вредных насекомых и гусениц уничтожает скворец или обыкновенный домашний воробей? А алма-атинские юннаты ответят вам совершенно точно: за день скворец прилетает в своё гнездо с кормом для птенцов двести раз, а воробей — двести пятьдесят. Как же им удалось это подсчитать? При помощи счётчика, который они сами сконструировали. Счётчик сделан из часов-ходиков. Пружине часов тянет бумажную ленту, на которой авторучка или карандаш делает отметки.

У птичьего гнезда устанавливается металлическая жёрдочка-контакт, соединённая проводами с мотоциклетным аккумулятором и со счётчиком.

Как только птичка прилетит с гусеницей или насекомым к гнезду, она обязательно должна сесть на жёрдочку, иначе ей не попасть в гнездо. Своей тяжестью она замыкает цепь, и тотчас же авторучка делает на ленте поперечную чёрточку. Сколько раз птица принесёт корм, столько будет и чёрточек на ленте.

Экспедиция юннатов поднялась на гору Кумбель в Заилийском хребте Тянь-Шаньских гор, на высоту трёх тысяч метров над уровнем моря. Здесь ребята установили счётчик у гнезда крошечной пеночки-зорнички, которая весит всего семь граммов. За день пеночка сделала пятьсот пятьдесят вылетов за

кормом, а за десять дней две пеночки принесли шестнадцать тысяч насекомых; большинство из них — вредители леса.

Наблюдения над синицей-лазаревкой показали, что она реже, чем другие подопытные птицы, приносит корм. Но зато она разыскивает крупных гусениц — вредителей садов.

Юные краеведы 21-й самаркандской школы совершили несколько экскурсий к памятникам старины и побывали на раскопках древнего городища Афросиаб. Они собрали много старинных монет, образцы древнего оружия и посуды.

В Якутском филиале Академии наук СССР и в Ленинградском палеонтологическом музее хранятся находки юных путешественников Якутии. Больше трёхсот экспонатов присланы только из 61-й кольской школы. Во многих походах и экскурсиях по родному краю ребята собрали богатые гербарии, коллекции ми-

нералов и насекомых. Особенно интересны палеонтологические находки, рассказывающие о далёком прошлом Якутии: кости носорогов и мамонтов, живших здесь когда-то, и шишки давно вымерзшей лиственницы — родоначальницы всех сибирских лиственниц.

Ветвистая пшеница, голозёрные овёс и ячмень, соя, сахарное сорго, чумиза, нут, чина и лён растут на юннатском участке при Сердобском доме пионеров. Эти растения раньше были неизвестны в Пензенской области.

Юннаты изучают растения, узнают, какие условия нужны для того, чтобы они созревали и давали большие урожаи. И многие из их питомцев уже хорошо себя чувствуют на новом месте.

Ребята собрали семена трёх сортов сои, чины и нута и передали их колхозу имени Будённого. В колхозе «Борьба» несколько гектаров засеяно семенами жёлтой чумизы, голозёрного ячменя и овса, выращенными юннатами.

Месторождение гипса открыли юные краеведы города Камышина, Сталинградской области.

Другая группа путешественников по родному краю обнаружила орудия труда бронзового века, окаменевшие зубы акул, старин-

ный двенадцатиствольный пистолет и шестьсот отпечатков на кварцевых камнях листьев древних деревьев третичного периода. Свои находки ребята отдали в местный краеведческий музей.

ПАРТИЗАН ЛЕНЯ ГОЛИКОВ

(Продолжение)

Юр. Корольков

Рисунки П. Баранова и Н. Евлановой.

Могила героя

Прошло два дня, как лукинские жители покинули свою деревню. словно встревоженные птицы, поднятые с насиженных гнёзд, люди никак не могли успокоиться. Говорили, что немцы ещё не перешли Полу, но точно этого никто не знал. Выстрелы доносились со всех сторон, — поди разбери, где проходит линия фронта.

В лесу было много работы. На первое время построили шалаши, а потом принялись рыть землянки, рубить крохотные, похожие на омшаники срубы. На третий день Лёнька с отцом заканчивали землянку. Оба они работали в яме, а мать наверху отгребала землю. Валя копошилась около костра, Лида собирала валежник.

— Ну, вот теперь хватит, — сказал отец, опуская лопату.

— А крыть когда начнём? — спросил Лёнька.

— Завтра покроём и землёй завалим, а нынче пусть проветрится. Сырости будет меньше. Вылазь!

Воспользовавшись передышкой, Лёнька поспешил скрыться с отцовских глаз.

У него возник план — сходить в Лукино и посмотреть, нет ли там немцев.

Лёнька сбежал в лошину, вдоль которой расселились лукинцы, и направился к шалашу Логуновых.

Заметив, что брат таинственно шепчется с Лёнькой, Ягодай решил ни на шаг от них не отставать. Тогда Толька пошёл на хитрость:

— Валька, пойдём за малиной?

Ягодай всерьёз принял намерение ребят идти за малиной.

— Она уж осыпалась, какая теперь малина! За брусникой надо идти.

— Беги, попроси у матери кузовок и догоняй нас, а мы пойдём потихоньку.

Когда Ягодай с кузовком вышел из шалаша, ребят и след простыл.

Условным свистом они вызвали Сашку Гуслина и втроём отправились в свою деревню.

Со стороны Воронцова доносилась стрельба. Она то затихала, то начиналась вновь. На всякий случай ребята решили взять правее и руслом сухого ручья выйти на речку. Но Толька вдруг предложил свернуть влево и лесом пройти на Греч-

нёвку. Сашка согласился с ним, а Лёнька заупрямился.

— Чего это крюк-то делать? — рассерженно спрашивал он. — Тут пройти два шага — и дома.

— Нет, опушкой лучше. Сперва поглядим, есть немцы или нет.

Спор едва не перешёл в ссору. Наконец сошлись на том, что Лёнька пойдёт ручьём, а Толька с Сашкой пройдут опушкой к Гречнёвке и выйдут на голиковские огороды. Там и решили встретиться.

Ребята исчезли за деревьями, а Лёнька спустился в пологий овражек и побежал к речке.

Крадучись и настороженно прислушиваясь к малейшему шороху, Лёнька благополучно добрался до речки. Он зачерпнул пригоршней воды, напился, берегом прошёл мимо перевоза. Теперь через речку был перекинут деревянный мост. Лёнька стал подниматься по тропинке к своему дому. Кругом было безлюдно, тихо. Лёнька высунулся из-за бугра и в изумлении остановился. Он не узнал своего дома. Без крыши, без верхнего этажа дом был какой-то кургузый. Разваленный сарай не загораживал собой огорода, и от этого дом казался ещё более осиротелым, словно капустная кочерыжка на грядке. Часть сеней уцелела, сохранились крыльцо, и лестница, да печка с разломанной трубой. Вот всё, что осталось от их дома. Как же теперь в нём жить? В горле у Лёньки встал сухой, шершавый комок. Сердце заныло, и Лёнька чуть не заплакал.

Подойдя ближе, Лёнька увидел, что в нижнем этаже жить ещё можно. Надо только приладить дверь да привести в порядок давно не топившуюся печку. Лёнька поднялся по лестнице наверх, прошёл по единственной уцелевшей крашеной половице. На припечке увидел свои старые забытые варежки, сунул их в карман френча и теперь только вспомнил, что уговорился с ребятами встретиться на огородах.

Лёнька прикинул, что по времени ребята должны бы давно быть там. Куда это они пропали? Может, на ягоды напали. Только ягодами сейчас и заниматься!

Солнце било в глаза. Лёнька приложил ладонь к козырьку кепки и посмотрел на лес. Ни единой души. Но что это? На опушке леса, около дороги, ведущей к Старой Руссе, вдруг появились солдаты. Лёнька сразу определил, что солдаты

не наши. «Немцы, — подумал он. — Вот попал!»

Солдаты постояли у опушки, нерешительно прошли немного вперёд, снова остановились. Вероятно, они не обнаружили ничего подозрительного, и передний дал рукой какой-то сигнал. Из лесу вышла ещё группа солдат. Теперь их было человек тридцать.

«Эх, зря я от ребят отбил. Надо те-кать», — подумал Лёнька. У него молниеносно созрел план: пока немцы будут идти большаком к реке, он успеет проскочить мимо перевоза и уйти в лес. Иначе... иначе... Страшно даже подумать, что будет.

Он стал спускаться по лестнице вниз. И вдруг немую тишину осеннего дня пререзала сухая, раскатистая дробь пулемёта. Лёнька взглянул на дорогу. Немцы растерянно бежали к лесу. На земле осталось несколько убитых.

Солдаты развернулись цепью, залегли вдоль шоссе и открыли огонь. Они стреляли в сторону ручья, откуда совсем недавно пришёл Лёнька. И вдруг Лёнька увидел нашего пулемётчика. Не его самого, а жёлтые вспышки выстрелов. Пулемётчик залёг как раз там, где Лёнька расстался с ребятами. Как же это они его не заметили?

Из сеней хорошо было видно шоссе и дорогу и гитлеровских солдат, лежавших в кювете. «Эх, сейчас бы вдоль дороги ударить! Ни один не ушёл бы», — подумал Лёнька. И словно по волшебству, со стороны перевоза застучал другой пулемёт. Он дал длинную очередь и умолк. Гитлеровские солдаты, не ожидавшие удара с фланга, бросились в сторону. Упало ещё несколько человек, другие начали отползать к лесу.

На короткое время стрельба утихла. И снова на опушке появились солдаты, стреляя на ходу из автоматов.

Сквозь треск автоматов Лёнька различал выстрелы пулемёта у перевоза. Второй пулемётчик бил со стороны Сухой нивы — в кустах трепетал жёлтенький огонёк.

Противник не выдержал огня двух пулемётов и снова, не прекращая стрельбы, отошёл в лес. Над лёнькиной головой просвистело несколько пуль, будто кто гибким прутом рассёк воздух. Одна из них расщепила перила, Лёньке стало страшно, и он кубарем скатился вниз.

«Только бы успеть проскочить перевоз!»

Пока Лёнька добежал до пулемётчика, воды в кепке почти не осталось.

Он подбежал к мосткам, остановился на мгновение передохнуть и вдруг шарахнулся в сторону: где-то совсем рядом оглушительно затарахтел пулемёт. Лёнька поднялся немного выше по косогору. Перед ним в неглубокой ямке, отрытой в песке, лежал пулемётчик в потемневшей от пота гимнастёрке и стрелял по вражеским солдатам, мелькавшим на опушке. Лёнька подошёл к пулемётчику.

— А здорово вы их! — восторженно сказал он. — Я видел...

Пулемётчик вздрогнул и стремительно обернулся к Лёньке.

— А, чтоб тебя! — воскликнул он, увидев перед собой мальчугана в зелёном френче. — Тебе чего здесь надо?

Пулемётчик выпустил очередь, сменил диск и повернулся к Лёньке. Лицо у него было потное, грязное.

— Зовут тебя как?

— Лёнька.

— Алексей, значит.

— Нет, Леонид... Дядь, может, вам чем помочь?

— Ишь ты какой!.. Что ж, помоги. Водички бы принёс, во рту всё пересохло.

— А чем?

Пулемётчик снова открыл огонь и ответил почему-то сердитым голосом:

— Чем, чем! Хотя кепкой зачерпни. Сил моих больше нет, как пить хочется!..

Лёнька сбежал к реке, лёг животом на помост и зачерпнул кепкой прохладную воду.

Пока Лёнька добежал до пулемётчика, воды в кепке почти не осталось. Боец жадно выпил всё, что там было.

— Тащи ещё! — сказал он, не отрывая глаз от опушки леса.

Лёнька ещё принёс воды, и от перевоза до пулемётчика протянулся второй влажный след на сухом песке.

Бой продолжался. Два советских пулемётчика противостояли большой силе. Вражеские солдаты несколько раз пытались прорваться к реке, но снова откатывались в лес. А пулемётчик переползал с места на место и открывал огонь. Он хитрил, вводил в заблуждение гитлеровцев, которые думали, что у реки засело несколько пулемётчиков.

Свистнула мина и с металлическим треском разорвалась на берегу.

— Миномёт подтащили, — определил солдат. — Теперь отходить пора. Как думаешь, Леонид?

— Не знаю...

— Ты не знаешь, а я знаю. Приказ мы с тобой выполнили. Надо было держаться здесь до полудня, а теперь скоро вечер. Вот только как мне товарища предупредить? Стоящий пулемётчик. А что, Лёнька, не сбегает ты к нему? Скажи, сержант приказал отходить. Я его прикрывать буду. Не то как бы гады его не резали.

— Ладно, сбегает! — Лёнькины глаза загорелись: ему дали боевое задание.

— Да ты осторожно, лоштинкой беги,— крикнул ему вдогонку сержант.

— Знаю,— ответил Лёнька и помчался вдоль берега к устью ручья.

Места здесь были знакомые. Каждый камень, каждый кустик Лёнька знал, как свои пять пальцев.

Вскоре он уже приближался к тому месту, где, по его расчётам, залёг пулемётчик. Совсем близко раздалась очередь пулемёта. Лёнька пошёл тише, кусты здесь росли густо. Вдруг стрельба оборвалась. Мальчику показалось, что кто-то вскрикнул. Лёнька не мог сообразить, где укрылся боец, а окликнуть его побоялся: могут услышать фашисты. Он прошёл вдоль склона, вернулся назад и услышал тихий, невнятный говор. Раздвинув кусты, Лёнька подался назад. Совсем близко, спиной к нему, стояли два здоровенных гитлеровских солдата с засученными руками и ранцами за плечами. В руках они держали винтовки с примкнутыми широкими штывками. А на земле, уткнувшись лицом в траву, недвижно лежал пулемётчик.

— Фертиг!¹— сказал один из солдат.

В следующее мгновение Лёнька бросился бежать. Солдаты оглянулись, но никого не увидели. Только зашелестели кусты, будто пронёсся внезапно ветер.

— Вас ист лос?²— спросил один из солдат и на всякий случай выстрелил в сторону, где шелестели кусты.

А Лёнька, охваченный ужасом, мчался, не разбирая дороги. Бледный, тяжело дыша от усталости, возвратился он к сержанту. По одному виду мальчика сержант понял: что-то случилось.

— Что там?— спросил он.

— Убили... Фашисты закололи... Штыками в спину...

— Эх, какой парень пропал! Вот что, Леонид,— обратился он к мальчику.— Наказ тебе дам. Коли сможете, схороните Олега. Не надругались чтобы... А мне уходить пора.— Сержант сполз вниз и притянул к себе пулемёт.

С другого берега кто-то крикнул:

— Эй, пулемётчик! Отходи скорей, мост рвать будем!..

— Иду!— крикнул сержант, но побежал не к мосту, а в сторону, к кустам.

Лёнька едва поспевал за ним.

— Друга у меня утром убили,— сказал он Лёньке.

Убитый лежал в кустах, накрытый плащ-палаткой. Сержант опустил пулемёт и поднял на плечи тело товарища.

— Подай-ка мне пулемёт,— попросил он Лёньку.

Лёнька схватился за ствол и вскрикнул. Пулемёт, раскалённый выстрелами, ещё не успел остыть.

— Экий ты! За сошник берись или за приклад... Ну, пошёл я, Леонид. Может, встретимся когда. Прощай.

Сгибаясь под скорбной ношей, пулемётчик взошёл на мост. Откуда-то появились ещё двое солдат. Они нагнали сержанта, положили убитого на плащ-палатку и втроём понесли его на тот берег.

Лёнька стоял и глядел на последних советских солдат, уходящих за реку Полу. Они перешли мост, поднялись на бугор и медленно пошли по тропинке, ведущей к школе. Всё это казалось каким-то невероятным сном. По этой самой тропинке совсем ещё недавно Лёнька бегал с ребятами в школу.

Бойцы дошли до кустов и опустили убитого на землю. Один из них отстегнул от ремня сапёрную лопатку, блеснувшую в лучах солнца. Солдаты хоронили товарища.

А позади Лёньки раздавалась стрельба. К деревне подходили фашисты. Вот-вот займут они Лукино, и тогда Лёньке не сдобровать. Лёнька торопливо пошёл вдоль берега и тут услышал короткий взрыв, точно кто булыжником ударил в ворота. Мальчик оглянулся. По реке расплывалось облако сизого дыма. Сапёры, пригнувшись, бежали от берега. Лёнька тоже припустился бегом. Он перешёл через ручей и стороной пробрался к лесу.

По дороге к Быкам Лёнька встретил приятелей и рассказал им о том, что произошло в деревне. Как столкнулся он с гитлеровцами, Лёнька рассказал под конец.

— Сержант велел схоронить пулемётчика,— взволнованно закончил Лёнька.— Ох, и дрался же он! Нам бы так...

— Чего же ты молчал до сих пор!— воскликнул Толька.— Про самое главное и не сказал. Идём сейчас.

— А чем копать будем? Лопата нужна.

— На Быки зайдём и возьмём.

Ребята поспешили к Быкам.

Одну лопату взяли у Гуслиных, а за другой Лёнька побежал к себе.

— И я с вами,— сказала Валя, узнав, зачем Лёнька берёт лопату.

¹ Готово.

² В чём дело?

В лесу начинали сгущаться сумерки. Солнце уже село, когда ребята подошли к ручью. Крадучись и поминутно оглядываясь, ребята вышли на опушку и скрылись в кустах. Лёнька шёл первым, указывая дорогу.

Пулемётчик лежал всё так же, прильнув щекой к земле, будто прислушивался. Рядом стоял его пулемёт, валялись рюкзак, плащ-палатка, диски, стреляные гильзы. Диски были пусты. Только в одном оставались патроны. Ребята осторожно повернули пулемётчика на спину. Лицо у него было молодое, строгое.

— Давайте поглядим документы, узнаем хоть, кто он, — шёпотом сказал Лёнька.

Документы лежали в кармане гимнастёрки. Здесь было несколько фотографий, красноармейская книжка, письмо без конверта и комсомольский билет. При сумеречном свете угасшего дня мальчики с трудом прочитали:

«Комсомольский билет... Олег Владим... Год рождения 1921. Время вступления — январь 1937 г.».

Там, где стояла фамилия, билет был залит кровью. Фамилию убитого они прочитали в красноармейской книжке — Климов.

— На шесть лет старше нас, — сказал Толька. — Билет с ним похороним?

— Конечно. Давайте вон у той сосны.

Мальчики вырыли неглубокую яму. Валя нарвала травы, наломала веток и расстелила их на дне могилы. Завернули солдата в плащ-палатку и положили на ветви. Валя встала на колени, нагнулась и прикрыла мёртвое лицо краем плащ-палатки. И вдруг она всхлипнула. Плечи её вздрагивали, она старалась подавить слёзы и не могла. Сашка подозрительно шмыгнул носом и отвернулся. Не выдержали и остальные. Таясь друг от друга, ребята ещё ниже склонили головы.

— Чего разревелась-то? — сказал Лёнька сестре и незаметно вытер глаза. — Прикрой сверху травой. Давай лопату...

Вскоре над могилой вырос маленький холмик. Деревья бросали на землю тёмные кружевные тени, а на поляне, залитой лунным светом, поблескивал осиротевший пулемёт Олега Климова.

— Пулемёт-то взять надо, — сказал Толька.

— Конечно. Фашистам, что ли, оставлять! — Лёнька приподнял пулемёт. — Тяжёлый всё-таки...

— Поташим попеременно, — предложил Серёга.

Далеко за Полой, точно зарницы, вспыхивали отблески артиллерийских выстрелов. Стрельба доносилась неясно, словно раскаты далёкого грома. А из деревни слышались голоса гитлеровских солдат, рокот моторов, треск ломаемых досок.

— Заборы крушат, — шёпотом сказал Лёнька. — На топку, небось, ломают. Ну, пошли. Серёга, берись за ствол.

Лёнька нагнулся над пулемётом и увидел на примятой траве пилотку солдата. Красная звезда с золотым ободком мерцала в лунном свете.

— А пилотку-то мы не заметили. Глядите, со звёздочкой!

— Да, нехорошо! — сказал Толька. — Как же это мы! Без пилотки похоронили.

— Я себе её возьму на память... — Лёнька снял свою кепку, сунул её в карман френча, а пилотку надел на голову.

— Пулемёт завтра куда-нибудь спрячем, — сказал Серёга. — А сегодня отнесём подальше в кусты...

Ребята взвалили на плечи ручной пулемёт и исчезли в темноте леса.

Когда пришёл враг...

Ранним утром ребята отправились делать тайник. Вырыли его недалеко от Быков, в таком глухом месте, что туда проберётся не каждый. Яму копали по всем правилам конспирации. Отрытую землю ссыпали на разостланную рогожу, чтобы не оставлять следов.

Тайник получился на славу. Когда все следы были скрыты и на месте тайника выросла большая куча валежника, Лёнька ещё раз отмерил расстояние от приметной сосны и сказал:

— Двадцать три шага ровно. Теперь, чтобы никому ни единого слова. Военная тайна.

— Надо бы клятву дать, — предложил Серёга.

— Зачем? Проболтаться боишься?

— Я-то нет.

— А мы что — болтуны какие или кто? Может, предатели, скажешь?

— Да ладно вам! — вмешался Сашка. — Давайте просто дадим честное пионерское, и всё.

Возвращаясь «домой» — так ребята называли теперь лесной лагерь, — ребята встретили около Быков Ягодая. Лицо у него было потное, а щёки до того раскрас-

нелись, что на них даже не видно было веснушек.

— Целый час вас ищу. Весь лес обегал. В Быках что делается!

— Подожди, не трещи, как сорока. Что там такое?

— Что, что!.. Бабы пошли за водой, а фашисты их увидели... Как начали гнаться! Бабам надо бы в другую сторону бежать, а они прямо сюда, в Быки. Вот и привели фашистов за собой. На велосипедах приехали. Всё берут. А у нас петуху шею свернули!

Со стороны Быков доносились неясные крики и гул голосов. Кудахтали куры, слышался громкий хохот и женский плач. Ребята пустились бегом и вскоре были в Быках.

Среди землянок расхаживали гитлеровцы с чёрными автоматами в руках, в кителях пыльно-зелёного цвета и в тяжёлых башмаках. Бродили они группами по два — три человека, заходили в землянки и бесцеремонно ворошили там вещи.

Навстречу ребятам шагали два гитлеровца. Они прошли было мимо ребят, но передний, долговязый и сухопарый верзила, неожиданно остановился и направился к Лёньке. Глядя на мальчика холодными, злыми глазами, он закричал резким, визгливым голосом:

— Швайне хунд! Вас ист лос? Их фраге — вас ист лос?¹

Лёнька стоял растерянный, не понимая ни одного слова. Долговязый продолжал кричать. Вдруг он сорвал с лёнькиной головы пилотку и стал больно хлестать мальчика ею по лицу. Потом швырнул пилотку на землю и принялся неистово топтать, стараясь раздавить звёздочку.

— Долмётчер! Долмётчер! — звал он кого-то, повернувшись к солдатам.

Один из них выбежал вперёд.

Лёнька хотел вырваться, но цепкая ру-

Лёнька хотел вырваться, но цепкая рука впиалась, как клещи, в его плечо.

ка впиалась в него, как клещи. Солдат почтительно выслушал долговязого и сказал, коверкая русские слова:

— Герр ефрейтор сказать, что ти есть небольшой большевик. Понимайшь? Ещё он спросил, почему ти имеешь звезда на военной шляпа? И вот эта... э-э, такой знатшок на пиджак...

Позже ребята узнали, что долмётчер — это переводчик. В другое время картавая речь переводчика вызвала бы смех, но сейчас было не до шуток. Лёнька не успел оглянуться, как пионерский значок, приколотый к френчу, оказался в руках долговязого. Он бросил значок на землю и раздавил его каблуком. Лёнька вырвался и отскочил в сторону.

Долговязый что-то пробормотал, засмеялся и погрозил ребятам пальцем. Переводчик сказал:

— Герр ефрейтор сказать, что в другой раз он будет тебя повесить... А первый раз будет прощайть...

Как только фашисты ушли, Лёнька бросился к своей пилотке. Она лежала, измятая и грязная, с раздавленной звёздочкой. Труднее было найти пионерский значок.

¹ Грязная собака! В чём дело? Я спрашиваю, в чём дело?

Наконец обнаружили и его. Он лежал на тропинке, изломанный, погнутый.

— А я его всё равно сберегу! — упрямо сказал Лёнька. — Не застрашают они меня. А то по лицу бить! Нашёлся какой!

Лёнька снял с пилотки звёздочку и вместе с пионерским значком положил в нагрудный карман френча.

На другой день бабы с бидонами и ведрами на коромыслах собрались в Лукино за водой. Пошла с ними и Екатерина Алексеевна. Она хотела поглядеть, что делается в деревне, узнать, целы ли вещи, спрятанные на огородах.

С женщинами уязались и мальчики.

Из Быков вышли рано. Утро было холодное, и босые ноги стыли так, что в пору было возвратиться домой. Но в ходьбе ноги разогрелись, а вскоре выглянуло солнце, и стало совсем тепло.

Женщины шли лесом, постепенно забывая влево. К речке они хотели пройти Гречнёвкой, мимо голиковского дома. Думали, что на краю деревни фашистов будет меньше, чем на перевозе. Ребята шагали впереди.

На улице около голиковской избы толпились мануйловские и воронцовские жители.

— Гляди, сколько народу! — удивился Серёга.

— Что это тут? — спросил Лёнька мальчишку, шнырявшего в толпе.

— Сам не знаю, — ответил тот. — Немцы зачем-то народ согнали. В вашей избе собрание назначили.

— Пойдём поглядим, — предложил Лёнька.

Ребята взобрались на завалинку и заглянули в распахнутое окно. Народу в избе было немного. На расставленных посреди избы скамьях сидели гитлеровские солдаты, да несколько женщин теснились в дверях. Вскоре изба стала заполняться взволнованными и расстроенными людьми.

К ребятам протиснулся приотставший Валька.

— Слыхали? Егора судят, Зыкова, — громким шёпотом сообщил он. — И Васяка. За то, что комсомольцы они...

— Чего брехать-то? — не поверил Лёнька, но тут же услышал, как незнакомая женщина спрашивала кого-то:

— Что же им теперь будет?

— В Старую Руссу, небось, повезут, в тюрьму.

— Ой, тошнѣхонько! Да за что же это? Чего они сделали?

— Ничего! Алёха, говорят, доказал. Вот и взяли. Теперь это запросто...

Заинтересовавшись разговором, Лёнька не слышал, что его звал Толька.

— Оглох ты, что ли? Ты погляди, кто стоит-то, — говорил Толька, указывая на гитлеровского офицера, стоявшего на крыльце.

— Да ведь это... — Лёнька осёкся. — Да не может быть!.. До чего похож! Вылитый...

— Он и есть, Виктор Николаевич.

Ребята зашушукались, заспорили, он или не он. Гитлеровец удивительно подходил на мамисова отца.

Появление Алёхи Круглова рассеяло все сомнения. Алёха приблизился к офицеру, весь изогнувшись и сказал заискивающим, слащавым голосом:

— Доброго здоровьица, Виктор Николаевич! Вас и не признаешь в таком обличье!

— Что, удивлён? — засмеялся офицер. — Давно я этот мундир не носил!..

Да, несомненно, это был отец Эдика.

Ребята придвинулись поближе к крыльцу.

— Как же вас величать теперь прикажете? — угодливо спрашивал Алёха. — В звании-то каком находитесь?

— Называй «господин майор».

— О-о!.. — изумился Алёха. — Майор! Быстро это вы!

— Ну, не так уж быстро! — снисходительно ответил Гердцев. — Двадцать лет службы в германской армии!..

— А как же?.. — Алёха не договорил: он тоже многого не понимал.

— Что как? Как я в финотделе работал или как в вашу тюрьму попал? — Гердцев самодовольно расхохотался. — А ты и вправду думал, что я тогда на лыжи позарился! Просто в тюрьме от большевиков удобнее было скрываться. На воле меня ещё поймали бы. Вот я и придумал этот трюк с лыжами. Не плохо? — Гердцев снова захохотал.

— Сегодня зайдёшь ко мне, — начальственным тоном приказал он Алёхе. — Поговорить надо...

— Слушаюсь, слушаюсь, господин майор! — кланяясь и чуть не приседая, говорил тот. — В нашем усердии не извольте сомневаться!..

— О чём это они?

— Кто их знает! Одно слово — гады. Пойдём поглядим, что там делается, — предложил Лёнька.

Мальчики снова пробрались к окну и заглянули внутрь избы. Посреди комнаты стояли Егор Зыков и Васёк Грачёв. Руки их были связаны. За столом, покрытым зелёным сукном, сидел краснорожий толстый гитлеровец, такой толстый, что шея его вылезала из тугого воротника, как из квашни перестоявшееся тесто. По обе стороны от толстого гитлеровца сидели двое в военной форме. Один из них что-то писал, а другой допрашивал. Васёк отвечал, но так тихо, что разобрать было невозможно.

Вскоре в избу вошёл Гердцев. Он уверенно прошёл вперёд и уселся на свободный стул. Среди женщин, теснившихся в избе, Лёнька узнал мать Васькѧ, тихую и робкую женщину. Испуганными глазами, чуя недоброе, глядела она на всё происходящее.

С крыльца донёсся голос Алёхи.

— Вам что было сказано?! — кричал он. — Всем во-время явиться на суд. Значит, заходите в помещение, присутствуйте. Я что говорю?

Стоявшие около крыльца неохотно стали заходить в избу.

Стало ещё теснее. Ребята больше не могли ничего разглядеть.

Вскоре из открытых дверей повалил народ. Суд кончился. Многие женщины плакали.

На крыльце под конвоем солдат появились Васёк и Егор. Оба бледные, ни кровинки в лице. Увидев ребят, Васёк, как всегда, застенчиво улыбнулся.

— Ну что там? Что? — спрашивали ребята.

— Да отвяжитесь вы, и без вас тошно! К расстрелу присудили. Страх-то какой! — Молодая женщина в ужасе закрыла лицо руками.

Лёньке показалось, что у него остановилось сердце. Васькѧ и Егора приговорили к расстрелу! За что? Не может этого быть!

За солдатами вышел Гердцев. Он что-то приказал ефрейтору — это был тот долговязый, который сорвал у Лёньки пионерский значок. Ефрейтор вытянулся, выслушал приказание и козырнул.

Связанные комсомольцы стояли на ступеньках. Губы Егора были плотно сжаты. Лёнька видел, как он наклонился к Васькѧ и что-то шепнул ему на ухо. Васёк кивнул, и глаза его загорелись.

Тем временем ефрейтор отдал команду солдатам. Один из них толкнул Егора в

спину. Ефрейтор указал рукой в сторону Гречнёвки: иди, мол. Тут Егор весь как-то сжался, пригнулся и вдруг, выпрямившись, как пружина, с неистовой силой ударил ефрейтора головой в подбородок. Гитлеровец упал навзничь.

— Бейте их, гадов! — громко крикнул Егор. — Да здравствует Сталин! Прощайте това...

Егор не закончил фразы: солдат ударом кулака сбил его с ног.

А Васёк тоже, словно очнувшись, кинулся на врагов.

Солдаты плотным кольцом окружили комсомольцев и поволокли их к Гречнёвке.

Толпа оцепенела. Люди с ужасом прислушивались к чему-то страшному, что вот-вот должно было произойти.

Лёнька услышал чей-то крик, тоскливый, пронзительный. Следом совершенно отчётливо прозвучала очередь автоматов, а через мгновение раздалось ещё несколько отдельных выстрелов...

Ошеломлённые и подавленные происшедшим, ребята не помнили, как добегали до Быков.

Дома матери не было. Лёнька забрался на нары и так пролежал до вечера.

Партизанский налёт

В начале ноября в Быки приехал на подводе Алёха Круглов с двумя гитлеровцами — горбоносым ефрейтором и переводчиком. Гитлеровцы сделали Алёху старостой, и он этим гордился.

— Эй, вы! — начальственным тоном покрикивал он на колхозников. — Собирайтесь все на один край. Разговор будет.

Неподалёку от голиковской землянки собралось человек двадцать. Алёха оглядел присутствующих, поправил картуз и, непонятно зачем, потянул за ушки новые сапоги, выставив при этом ногу далеко вперёд.

— Немецкими сапогами хвастаешь! — крикнул кто-то из толпы.

— Но, но, вы!.. — прикрикнул Алёха. — Не очень-то! Почему мужиков мало?

Действительно, собрались почти одни женщины.

— Мужики где? — переспросил Алёха.

— А кто их знает. По своим делам, знать, ушли, — неопределённо ответили из толпы.

— Дела сейчас одни! — гаркнул Алёха. — Господин комендант приказал всем

в деревню ехать. Чтобы ни единой души в лесу не оставалось. Собирайтесь и трогайтесь. Два дня вам сроку...

Потолкавшись ещё немного в Быках, Алёха с фашистами уехал назад. Лукинцы поговорили, поспорили и решили никуда пока с места не трогаться.

Через несколько дней в Быки снова приехал горбоносый ефрейтор с переводчиком и двумя солдатами. На этот раз Алёхи с ним не было. Переводчик прыгнул с телеги, остановил идущих ему навстречу женщин и сказал:

— Ви имаете приказ ехать назад деревня. Почему ви сидите в лес? Значит, ви есть партизаны. Завтра ми будем ваша... как это... эрджюте, да... на ваша земляные дома бросать граната. Герр комендант предупреждает вас на последний раз.

Волей-неволей пришлось всем возвращаться в деревню. Почти все разместились в своих избах. Только в три крайние хаты гитлеровцы не пустили хозяев. Эти дома стояли неподалёку от ручья, и ребята неведомыми путями узнали, что там разместились то ли штаб немецкого полка, то ли солдаты карательного отряда. К этим домам близко никого не подпускали.

Когда Голиковы вернулись домой, они застали в избе только одного солдата. Вид у него был добродушный. Он сидел на скамье в нижней рубаше и всей пятернёй чесал волосатую грудь. Солдат был немолодой, сквозь жидкие, белесорыжие, коротко подстриженные волосы на затылке просвечивала изрядная лысина.

— А, буби! — воскликнул он при виде Лёньки.

Солдат поднялся, потянулся, как ленивый кот, и сказал ещё что-то. Лёньке запомнилось только слово «буби», которое солдат часто произносил, пытаясь разговаривать с Лёнькой. Так и прозвали солдата Буби и только потом узнали, что по-немецки это слово означает «мальчонка».

Немец смеялся, когда его называли Буби, но потом привык и отзывался на эту кличку.

К семье Голиковых Буби относился сдержанно, не позволял себе грубых выходов, Екатерину Алексеевну звал «мущи». Но Лёнька не любил Буби.

— Всё равно гитлеровец, — говорил он. — Фашист...

— Немец немцу — рознь, — возражала

мать. — Этот хоть человеком смотрит, не то что другие.

— А к нам кто его звал? — не соглашался Лёнька.

— Никто не звал, да у него тоже дело подневольное. Глянь-ка, как письма пишет. Тоскует, видать...

Часто по вечерам Буби зажигал свечильник. При тусклом свете аккуратно выводил крупные буквы, вздыхал и после того, как заклеивал письмо, ходил грустный, а ночью долго ворочался, не спал.

Однажды под вечер Лёнька за домом рубил на дрова остатки сарая. Беречь их теперь было ни к чему: всё равно растащут солдаты. Он так увлёкся работой, что и не заметил, как сзади к нему подошёл кто-то.

— Что, двор чинишь? — с усмешкой спросил незнакомый парень в коротком пиджаке и шапке-треухе.

— Теперь только дворы и чинить, — нехотя ответил Лёнька.

— Немцы-то у вас здесь есть? — осторожно спросил незнакомец.

— Теперь везде они есть, — подражая взрослым, ответил Лёнька. — А зачем тебе?

— Стало быть, надо. Много знать будешь, состаришься скоро. Так есть, что ли?

— Ну, есть. В каждом доме стоят. У нас один, а у кого и по пять человек.

— Так. А кто такие, не знаешь?

Лёнька стоял около нарубленных им дров с топором в руках. Отвечая на расспросы незнакомого парня, он всё думал: кто бы это мог быть?

— Может, ты партизан? — понижая голос, спросил Лёнька.

— А что, если партизан? Плохо, что ли?

— Плохо? Как раз неплохо. Пойдём в избу...

— Нет, в избу не пойду. Здесь говори, какие у вас части-то?

— Каратели, говорят. А ещё штаб полка стоит. У нас солдат живёт, денщиком он у офицера. Офицеры в крайних избах живут. Там хозяев не пустили. Одни только гитлеровцы.

— Одни? — заинтересовался незнакомец. — Хорошо. А где эти избы?

— С самого края. Как от ручья станешь подниматься, так они и будут. Все три подряд. Там всегда часовой ходит.

— Так. А скажи, котелочком я у вас не разживусь, грибков бы сварить.

— На, отдай матери. Спасибо скажи. Да, смотри, не болтни кому, что мы здесь были.

— Это у матери. Погоди, я сейчас спрошу.

Лёнька воткнул топор в переруб и мгновенно исчез.

— Мама, к нам партизан пришёл! — взволнованным шёпотом сказал он. — Котелок просит, грибы сварить. Надо ему дать, а?..

Мать вышла вместе с Лёнькой, но парня не было.

Лёнька растерянно огляделся по сторонам. В это время парень вышел из-за угла с другой стороны избы. «Осторожный, — одобрительно подумал Лёнька. — Это партизан настоящий».

— Тебе, может, хлебца дать? — спросила Екатерина Алексеевна, отдавая парню котелок.

— Нет, хлеб у нас есть. Вот две ложечки если бы дали.

— Лёнюшка, подай поди ложки-то... Да ты, смотри, не озоруй, — обратилась она к партизану, — назад всё принеси. Нонче что ложки, что плошки — днём с огнём не найдёшь.

Забрав котелок и ложки, парень пошёл напрямик, шагая по грядкам. Около плет-

ня навстречу ему вышел второй человек, и они вместе скрылись за ригой.

Часа через полтора тот же парень принёс котелок, отдал его Лёньке, дежурившему всё это время во дворе, и на прощанье сказал:

— На, отдай матери. Спасибо скажи. Да смотри, не болтни кому, что мы здесь были. Фашисты про нас и сами узнают.

Долго хранить в тайне такую новость Лёнька не мог. Он разыскал Тольку, они зашли за Серёгой, и на задах, чтобы не слышала ни одна душа, Лёнька рассказал товарищам о своей встрече.

— Это, наверно, разведчики были, — предположил Серёга.

— По-моему, они налёт хотят сделать, — сказал Лёнька. — Он меня всё выспрашивал, в каких избах фашисты одни живут.

Все трое согласились, что теперь неминуемо надо ждать нападения.

Предположения ребят сбылись очень быстро. В ту же ночь в Лукине раздались взрывы гранат. В избах задребезжали стёкла. Лёнька проснулся. Он сразу подумал, что взрывы эти связаны с его

К ребятам подошёл человек в дублённом полушубке с маузером на поясе.

вчерашней встречей. Буби тоже проснулся и начал в потёмках торопливо одеваться. Кто-то тревожно забарабанил в окно и что-то крикнул по-немецки. Буби схватил автомат и выскочил из дома. Взрывы гранат прекратились. Тишину ночи разрывали беспорядочные выстрелы. Стрельба тоже продолжалась недолго, но Буби пришел только перед рассветом, мокрый, весь в грязи и необычайно расстроенный. Он тщательно завесил окна и только после этого зажёл светильник. С этой ночи Буби сам проверял маскировку, выходил на улицу и смотрел, чтобы ни один луч света не проникал наружу.

Утром ребята отправились на другой конец деревни. К последним домам их не пустили, но они и издали могли убедиться в том, что партизанский налёт прошёл неплохо. Избы стояли с выбитыми окнами, а в одном доме вылетел весь простенок.

— Наверное, противотанковую загвоздили,— сказал Лёнька.— Она, знаешь, как рвёт!..

Сашка, живший ближе других к этому краю деревни, рассказал, что от первого взрыва у них в избе вылетели все стёкла:

— Как ахнет! Уж мы думали, бомба. Все повскакали, я с печки кубарем... А тут ещё как начали рваться!..

Сашка рассказал ещё, что до самого утра ездил санитарная машина и возила

раненых в Мануйлово. Может быть, это были убитые. Всего увезли человек двадцать.

Ребята были горды, что знают тайну, которую не могут раскрыть фашисты.

Земляки Александра Невского

Как-то раз, уже зимой, Толька прибежал к Голиковым и, хотя в избе чужих не было, позвал Лёньку на улицу. Глаза его сияли.

— Я у партизан был,— выпалил он.— В лесу за Жёлтыми песками...

— Брось ты! — не поверил Лёнька.— Так тебя и пустили!

— Честное пионерское, не вру! Я в Быки ходил! Там у нас осталось кое-что, я и хотел на санках привезти. Гляжу: идут. Спросили, откуда я, куда иду. Я рассказал им всё, а один меня спрашивает: «У вас сено в деревне есть?» «Какое,— говорю,— сено?» «Обыкновенное, которым лошадей кормят». Им, оказывается, сено нужно...

— Ну и что же?

— А я им говорю: «Хотите, привезем вам сена. У нас ребята бедовые». Они сперва засмеялись, а потом советуются между собой: «Может, и правда, попробовать?»

— Что попробовать? Да ты не тяни! — Лёньке не терпелось скорее узнать все подробности.

— А ты не торопи, не сбивай! Ну вот! Старший ихний спрашивает, как,

— Это вы привезли? — спросил он. — Молодцы!

мол, привезете-то? А я и сам не знаю, как. «Как-нибудь, — говорю, — придумаем». Уговорились, что через три дня, в пятницу, если достанем, привезём.

— Куда?

— Сказали: «Везите по дороге на Парфино, там вас встретят». А где, не сказали.

— Что же ты меня вчера на Быки не позвал? — пожалел огорчённый Лёнька.

— Да я ведь звал тебя. Сам сказал, неохота.

— Ладно, теперь спорить нечего. Ты скажи только, ничуть не врёшь?

— Не вру! Гляди, полный карман табаку мне дали. «Отдай, — говорят, — мужикам». — Толька вытащил из кармана горсть темнозелёной махорки. — Я им говорю: «Без махорки достанем!» А они — нет! Вон сколько насыпали!..

— Как же теперь быть? Надо придумать. А ребята знают?

— Нет ещё.

— Тогда пошли к ним.

Лёнька забежал в избу, схватил шапку, натянул на плечи пиджак, и товарищи отправились искать Серёгу и Сашку.

После долгих споров пришли к выводу, что одним здесь ничего не сделать. Решили, что Толька расскажет всё отцу.

Было это в среду, а в пятницу на рассвете на четырёх дровнях ребята выехали из Лукина. На краю деревни их остановил часовой.

— За сеном! За сеном едем! — крикнул Толька. Он считал, что чем громче кричать, тем понятнее будут его слова.

— Чего кричишь? Всё равно не поймёт, — остановил Лёнька и попробовал сам объясниться с часовым. — За сеном едем. Понимаешь?

Лёнька взял из саней клок сена, поднёс его ко рту, показал на лошадь и начал громко чавкать. Часовой пропустил подводы. Ребята повернули лошадей на луга.

К полудню, навалив доверху четыре воза сена, минуя Лукино, выехали на парфинскую дорогу.

Снегу выпало ещё мало, дорога была не накатана, и лошади с трудом тянули большие возы. Ребята шли следом за первым возом и поглядывали по сторонам, не появятся ли партизаны. Прошли мимо развилки, выехали на заснеженную просеку, миновали Жёлтые пески. Молодые сосенки ветвями цепляли сено, и сухая трава повисала на иглах. В лесу белым-бело, тихо, — побегать бы здесь на лыжах, да не до того. Ребята даже не обратили внимания на белку, которая бусинками проворных глаз с любопытством глядела на дорогу.

— Ну, где же они? — нетерпеливо спросил Лёнька. — Скоро уж Парфино будет.

— Сам не знаю. Сказали, на дороге встретят...

— Может, забыли, — предположил Серёга.

— Как бы не так! Им...

Передняя лошадь вдруг остановилась. Молодой парень, появившийся нивесть откуда, держал её под уздцы. Он был в ватном пиджаке, в сапогах и шапке-ушанке. За спиной партизана была винтовка.

— Приехали всё-таки! — сказал он весело. — А я за вами давно слежу. От самой развилки. Тебя как звать-то?

— Толькой.

— Ну вот, ты и будешь за старшего.

Толька зарделся от такой неожиданной чести, а Лёнька сделал безразличный вид, чтобы не подумали, будто ему завидно или досадно.

Партизан заложил в рот два пальца и пронзительно свистнул. Не успел ещё замереть свист, как ему ответили с двух сторон — из глубины леса и с дороги.

— А ну, сворачивайте в лес!

Парень сам повёл первую лошадь. За

ним ребята повели остальных. Шли целиной не меньше километра. Иногда казалось, что широченные возы нипочём не пройдут между деревьями, но парень уверенно шёл вперёд, и возы протискивались среди ветвистых елей.

Так добрались они до мелкокопья. Здесь на земле, расчищенной от снега, горел костёр, и около него сидело трое партизан. Рядом стояло несколько распряжённых лошадей. Лошади ели овёс из мешков, надетых на их морды до самых глаз. Увидя возы с сеном, партизаны встали. К ребятам подошёл человек в дублёном полушубке с маузером на поясе. У него были небольшая смолисто-чёрная бородка, усы и совершенно прямой, словно без переносицы нос. На кого походил он, Лёнька никак не мог вспомнить.

— Это вы привезли? — спросил чернобородый. — Молодцы! Сено переваливать некогда, мы вам другие сани дадим. Грейтесь пока.

Оставив ребят возле костра, он отошёл и распорядился перепрягать лошадей в порожние розвальни.

Скоро лошади были готовы. Чернобородый снова подошёл к ребятам.

— Ну, спасибо вам. А теперь домой езжайте, нам тоже пора. Дорогу-то одни найдёте?

— Найдём! Мы по следу выедем.

— Вот и хорошо. Да! — остановил ребят чернобородый. — Вот захватите с собой. Отдайте старшим, пусть прочитают. Только глядите, чтобы не пронюхали фашисты: повесят.

Он вытащил из кармана пачку листовок, взял две из них и передал Сашке.

Замирая от радости, ребята хлестнули коней. Мальчики все вместе сидели на передних розвальнях.

— Давай здесь прочитаем, — предложил Лёнька. — На большаке опасно.

Ребята остановили лошадь и принялись читать листовку.

— «Речь товарища Сталина, — начал Лёнька, — на параде Красной Армии 7 ноября 1941 года на Красной площади в Москве».

Что! Вот тебе «Москва капут, Москва капут», — передразнил кого-то Лёнька. — Слышали: «на Красной площади в Москве». Значит, Москва наша! Ура!..

Лёнька вскочил в розвальнях, лошадь, испугавшись, рванула, и он едва устоял на ногах. Конь лёгкой рысцой засеменял

по накатанному следу, потом опять перешёл на шаг, а ребята ничего не замечали. Только время от времени кто-нибудь перебивал Лёньку:

— Подожди, прочитай ещё раз. Нет, нет, где про партизан сказано...

И Лёнька снова читал:

— «...братья и сёстры в тылу нашего врага, временно попавшие под иго немецких разбойников, наши славные партизаны и партизанки, разрушающие тылы немецких захватчиков!» Это про нас сказано. Товарищ Сталин нас поздравляет! Вот здорово!

В конце речи Лёнька прочитал особенно запомнившиеся ему слова:

— «Война, которую вы ведёте, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!» Слыхали?! — воскликнул Лёнька. — Александр Невский-то первым стоит, земляк наш!..

— А другие кто?

— Предки наши. Не знаешь, что ли!

— Не всех, — признался Толька.

— А я тебе про любого расскажу, — сказал Сашка. — Вот возьми Суворова...

Разговор здесь прервался. Лошадь вышла на парфинскую дорогу и, почуяв дом, рысцой затрусила к деревне, но ребята завернули её влево, на Воронцово. Надо было ещё раз съездить на луга. Нельзя же порожняком возвращаться в деревню: гитлеровцы могут заподозрить неладное!

Затея с сеном обошлась как нельзя лучше. Никто не обратил внимания на четверых мальчуганов, возвратившихся под вечер в деревню с возами сена. Гитлеровскому часовому и в голову не пришло, что эти деревенские мальчишки, степенно идущие за своими санями, возвращались с партизанского задания.

Но удача не всегда сопутствовала ребятам. Спустя несколько дней Лёнька ворвался в избу, глянул, нет ли дома Буби, и торопливо заговорил:

— Мама, скорей, мама! Пленные там! Голодные! Загнали их в ригу. Дай я сне-су им хоть что-нибудь!..

— Что ты им снесёшь, Лёнюшка? Усамих-то ничего нет. Хлебца разве с картошечкой. Возьми, пока тёплая.

Мать положила в ведёрко несколько ломтей хлеба, выложила из чугуна картошку:

— Иди, сынушка...

Лёнька прошёл снежной тропкой через огороды, вышел к двум вёслам, где обычно собирались ребята. Как давно это было! Время переменялось, а вёсла попрежнему стоят, обнявшись, и не знают, что происходит теперь вокруг них.

Лёнька нагнулся, сделал вид, будто ищет что-то в снегу, и огляделся. Вход в ригу был с другой стороны. Там прохаживался часовой. Он появлялся из-за угла через равные промежутки времени и снова уходил. Заметил Лёнька и другое: примерно на высоте лёнькиных плеч в стене риги виднелась узкая щель, через которую легко можно просунуть то, что он принёс. Одно смущало Лёньку: щель была у того угла, где время от времени появлялся часовой. Лёнька начал считать: раз, два, три, четыре... Считал он как можно медленнее, с интервалами и досчитал до восьмидесяти трёх: значит, почти полторы минуты ходит часовой вдоль риги... можно успеть.

Как только солдат исчез за углом, Лёнька стремительно бросился к риге.

Он прильнул лицом к щели, но разглядеть что-либо внутри было невозможно.

— Эй, кто там?... Товарищи, я вам поесть принёс. Скорей берите! Часовой тут... — зашептал Лёнька.

В риге послышался шум, возня. Люди подошли к щели. Лёнька опасливо оглянулся и приставил ведёрко. К нему потянулись худые, заскорузлые, давно не мытые руки. Никогда Лёнька не видел таких страшных рук. Они жадно тянулись к нему, торопливо шарили в ведёрке. Взяв кусок хлеба или картофелину, руки исчезали, а вместо них появлялись другие. Сердце у Лёньки неистово колотилось. Секунды казались часами.

— Скорей, скорей! — торопил он шёпотом.

В щель просунулась ещё одна рука. Но она не была торопливой. Человек спокойно протянул руку, и Лёнька отдал ему последний кусок хлеба. Глаза мальчика встретились с серыми, пристальными и спокойными глазами пленного.

— Спасибо, мальчик! — сказал он. — Беги, довольно. Иначе пропадёшь с нами...

Лёнька скорее почувствовал, чем уви-

дел, подошедшего часового и сжался от крика.

— Хальт! — раздалось над самым его ухом.

Часовой схватил Лёньку за плечо и бросил на землю. Ведро с грохотом покатилося в сторону, крошки хлеба и картофелины посыпались на снег. Лёнька почувствовал резкую боль в боку и в ногах: гитлеровец пинал его носком сапога. Но этого ему показалось мало. Он решил как следует проучить русского мальчишку. Схватив Лёньку за воротник, часовой несколько раз ткнул его лицом в снег и, как ни в чём не бывало, зашагал к другому углу риги.

С разбитым в кровь лицом, едва сдерживая слёзы, Лёнька подобрал ведёрко и, не разбирая, где тропка, где целина, пошёл по снегу к дому.

Мать так и ахнула.

— Дождутся они, фашисты проклятые! — стиснув зубы, процедил Лёнька. — Только не держите вы меня, когда наши придут, — всё равно уйду в армию! А это ничего, заживёт. Дай мне, мама, умыться...

Наши пришли

С тех пор как тайный немецкий агент Вильгельм Герц, он же Виктор Николаевич Гердцев, сделался командиром карательного отряда, жизнь его стала очень беспокойной. Партизаны всё чаще нападали на немецкие гарнизоны, всё чаще подрывались на минах немецкие грузовые машины. Герц сбился с ног, гоняясь со своим карательным отрядом за партизанами, и всё без толку. На атакованную партизанами станцию Беглово он прибыл рано утром, когда на путях ещё догорали цистерны с бензином, ещё не убраны были убитые. И всё же ни одного партизана захватить не удалось: они исчезли, будто растворились в воздухе. В секретном донесении об ущербе, нанесённом германской армии, Герц доложил, что разрушена водоканка, взорваны стрелки, уничтожен эшелон с горючим, боеприпасами и пушками. В конце донесения он приписал: «Поиски виновных продолжаются, но до сего времени безрезультатно».

Так заканчивались все донесения Герца в штаб армии. Дерзость партизан дошла до того, что они как-то обстреляли даже его карательный отряд.

Чувство неосознанной тревоги охватывало и генерал-полковника фон Буша,

— Скорей, скорей! — торопил Лёнька...

командующего отдельной шестнадцатой германской армией. Каждое сообщение о партизанах вызывало у него раздражение. Эрнст фон Буш, человек уже немолодой, прослуживший в армии тридцать семь лет, признавал и уважал только организованную силу. Такой силой он считал армию, действующую по уставу, одетую по форме. А что это за сила — партизаны? Сброд какой-то!..

Генерал презрительно кривил губы. Он сидел один в своём кабинете, в глубоком блиндаже. На столе перед фон Бушем лежало очередное донесение о партизанском налёте в районе Мануйлова.

Стук в дверь прервал размышления генерала. Адъютант доложил, что прибыл начальник штаба. Являлся он точно по расписанию — минута в минуту.

Как обычно, начальник штаба начал докладывать обстановку с левого фланга армии. Но этот участок интересовал командующего меньше всего. Летом эти места были совершенно непроходимы. Болота с непонятным и странным названием — Невий мох — уходили к самому Ленинграду. На протяжении десятков километров здесь не было даже сплошной линии фронта. По одну сторону болот ходили русские патрули, по другую — немецкие. О каких серьёзных боевых дей-

ствиях можно здесь говорить? Поэтому командующий скучающим взором скользил по оперативной карте, развёрнутой на столе, — участок восточнее озера Ильмень, заштрихованный голубыми линиями, не представлял интереса.

Но генерал-полковник фон Буш был бы невероятно встревожен, если бы знал, что происходит восточнее Ильменя. Как раз в это время суровыми январскими ночами 1942 года советское командование задумало дерзкую и необычайно смелую операцию. Морозы изменили обстановку. Бездонные топи промёрзли настолько, что свободно выдерживали даже тяжесть танков.

И вот партизаны, раздражавшие генерала фон Буша и беспокоившие Вильгельма Герца, переключились на другую работу. Не раз хаживали они через болота в немецкие тылы, знали все тропки. Теперь они стали проводниками рот, батальонов и полков.

На безмолвных застывших болотах всё было совершенно белым: снег, запорошивший жидкий кустарник, люди в маскировочных халатах, бесшумно шагающие по тропам, пушки и танки, окрашенные в белый цвет. Пролетавшие иногда немецкие разведчики не могли заметить ничего подозрительного.

С помощью партизан в немецкий тыл

была переброшена целая армия. Туманным январским утром один из наших полков вышел к Старой Руссе, находившейся в десятках километров от линии фронта, и завязал бой на подступах к городу.

В тот день Лёнька проснулся от глухих и далёких артиллерийских выстрелов. Они жили теперь в Парфине, куда немцы переселили всех лукинцев. Пушки били в тылу, где-то у озера Ильменя. Он вскочил и выбежал на улицу.

— Слышишь? Из пушек бьют... — влетел он в барак, где жил Толька.

— А чего же не слышать-то! Не глухой, — солидно ответил Толька.

— Бежим на речку, может, узнаем что, — предложил Лёнька. — Бьют-то не с фронта, а вон где...

— И я с вами, — увязался за ребятами Ягодой.

Ребята пошли вдоль улицы к Ловати. Навстречу им попались два немецких солдата. Шли они торопливо, озабоченно прислушиваясь к выстрелам.

— Вон он опять, — сказал Лёнька, указывая на высокого.

Это был долговязый Альберт, ефрейтор, который отхлестал Лёньку пилоткой.

— Идём стороной, — забеспокоился Ягодой. Он тоже узнал ненавистного ребятам гитлеровца.

— Как бы не так! Боюсь я его!.. Всё равно скоро им крышка. Ишь как заёрзали!..

На Ловати ребята ничего не узнали. Но с этого дня они совсем потеряли покой. Наши войска находились где-то близко, и каждое утро Лёнька просыпался в радостном ожидании, что сегодня-то уж обязательно придут наши.

Бои шли упорные. Стрельба доносилась и от Старой Руссы, и с низовьев Ловати, и с востока — от Лукина и Мануйлова.

Фашисты стали боязливыми и ещё более злыми. По ночам ни с того, ни с сего немецкие часовые открывали пальбу из автоматов: им повсюду мерещились партизаны.

Однажды ребята ушли за село и глядели, не появятся ли наши. Вдруг они увидели клубы дыма, поднимающиеся в небо белыми мохнатыми шапками.

— Пожар! — крикнул Толька. — Около церкви горит. Бежим!..

И ребята припустились по накатанной снежной дороге в Парфино.

Мальчики выбежали на горевшую улицу. В дальнем конце её огонь полыхал вовсю, а ближние избы только занимались. Около домов суетились два гитлеровских солдата. Ребята подошли ближе.

— Да ведь это Альберт! Глядите...

— Избы палит! Глядите!..

Сухошавый ефрейтор перебежал от одного дома к другому. В руках он держал горящий факел. Факел чадил, и на снег стекали горящие капли не то масла, не то бензина.

Впереди бежал солдат с четырёхугольной зелёной канистрой. Он плескал бензин на угол дома или на ворота, а Альберт подносил факел, ждал, пока вспыхнет огонь, и бежал дальше.

Жители поспешно вытаскивали из домов всё, что попадало под руку, а там, где огонь уже охватил избы, люди толпились посредине улицы и молча глядели, как гибнет всё их добро. Вдоль улицы прохаживались патрули и не разрешали гасить пожары.

— Бараки тоже спалют! Где теперь жить будем! — всхлипнул Ягодой.

Пробираясь сквозь толпу, ребята добрались наконец до бараков. Они уже горели. Обшивка пылала ярко, с громким треском. В стороне на узлах сидели женщины и застывшими, страдальческими глазами смотрели на огонь. Хмурые мужчины стояли отдельно, негромко переговариваясь. Говорили, что всем приказано идти в Лазоревцы — деревеньку на той стороне Ловати.

— Как бы подвоху не было, — опасливо сказал кто-то.

— Теперь какой подвох — всего лишили. Голы, как соколы...

— Надо идти, всё к своим ближе.

Последний довод убедил всех. Хоть на три километра, а ближе к своим, хоть на час, а раньше придёт избавление. И бездомные люди, взвалив на плечи оставшийся скарб, побрели через Ловат.

Голиковы поселились у своих знакомых. В избе приютились ещё три семьи. Спали вповалку на полу, набросав соломы.

С самого утра Лёнька убежал в Парфино, слонялся там среди пожарищ или бродил по станции, наблюдая с любопытством и тайным злорадством, как фашисты в панике готовились к отступлению.

Однажды Лёнька прибрёл домой совсем поздно. Он тихо отворил скрипучую дверь, вошёл в избу и ощупью, перешагивая

вая через спящих, пробрался в свой угол. Стараясь не шуршать соломой, Лёнька улёгся рядом с матерью.

— Ты где это всё, полуношник, бродишь? — шёпотом спросила она. — Гляди, Лёнюшка, как бы греха не было. Немец, он сейчас злющий ходит, пальнёт — и конец. Сидел бы ты лучше дома.

— Нет, мама, теперь сидеть некогда. Завтра наши здесь будут! Помни мое слово! — зашептал Лёнька радостно.

— Дай бог! Да откуда ты взял это?

— Я, мама, разведчиков наших видел. В Парфине. Они на фанерный завод меня посылали. Я им мигом всё разузнал. Рассказал, как по писаному! Они мне ничего не сказали, а я всё равно знаю: завтра придут. Моя правда выходит, мама. Помнишь, в Быках ещё говорил? Помнишь, скажи?..

— Помню, Лёнюшка, помню. Все того ждём. Тревожно мне за тебя только. Больно уж ты горячий... Спи-ка лучше. Завтра опять, небось, ни свет, ни заря умчишься. Спи!..

Разговор оборвался, но долго ещё мать и сын не могли сомкнуть глаз. Они лежали с открытыми глазами на полу чужой избы, начинавшей выстывать под утро, и думали свои думы.

А утром, чуть свет, выскочил Лёнька на улицу и засиял от радости: через деревню проходила колонна наших лыжников в маскхалатах, с автоматами. Они шли спокойно, уверенно, будто никогда и не было здесь гитлеровцев. На улице было полно народу. Солдат обнимали, целовали, зазывали в избы хоть малость обогреться, но лыжники благодарили и шли дальше. Остановились они лишь в самом конце деревни, у крайних изб. Лёнька рванулся было к солдатам, но вдруг остановился, взбежал на крыльцо и, распахнув дверь в избу, крикнул во весь голос:

— Наши пришли! Вставайте. Ура! Наши в деревне!..

Он кричал что-то ещё, но его уже не слушали. В избе зашумели и торопливо бросились к выходу.

В добрый час, Лёнюшка!

Наши войска, внезапно ударив в тыл немцам, прорвались в район южнее озера Ильменя и с боями продолжали наступать вдоль Ловати, отрезая демянскую группировку фон Буша. Лёнька почти не бывал теперь дома. Иногда он даже

Мальчики выбежали на горевшую улицу.

не прибежал ночевать, прикорнув где-нибудь вместе с солдатами.

Однажды Лёнька трое суток не приходил домой. Явился он на четвёртый день к вечеру. Мать встретила его на пороге, а Лёнька, не дожидаясь расспросов, выпалил:

— Я, мама, теперь на кухне работаю! При госпитале. Дрова таскаю, воду ношу... Обещали обмундирование дать. Здорово как! Поэтому и ночевать не приходил. И вам хлеба принёс, старшина дал...

Лёнька вытащил из-за пазухи солдатскую буханку и протянул матери.

Глаза у Лёньки так радостно блестели, был он такой оживлённый, весёлый, что у матери не хватило духа бранить сына. А отец, сидевший на скамье в овчинном тулупе, сказал:

— Теперь другое дело, не пленные мы. Пусть бегают, может, к делу пристроится...

— Там, мама, прачки нужны. Пойдёшь, может, с Вaley. Паёк дают...

С утра Лёнька опять убежал в Парфину, где разместился военный госпиталь.

Когда Лёнька шёл по выжженной улице с торчащими из-под снега трубами и обугленными чёрными столбами, он встретил своего учителя Василия Григорьевича. Лёнька не узнал его в первую минуту. Мухарев был в полушубке, перетянута

Сухощавый ефрейтор перебегал от одного дома к другому.

солдатским ремнём, с автоматом на шее. На шапке у него наискось была пришита красная ленточка. Лёнька знал: такие ленточки носят партизаны. Он проскочил было мимо, потом остановился и, пораженный, окликнул:

— Василий Григорьевич!..

Партизан оглянулся:

— Лёня!.. Голиков!..

Василий Григорьевич схватил Лёньку за плечи, притянул к себе. Оба они обрадовались неожиданной встрече.

— Живёшь-то где? Немцы вас, говорят, выгнали...

— Выгнали... В декабре ещё... Лукино после нас сожгли. Потом здесь, в Парфине, жили, тоже сожгли. Теперь в Лазоревцах поселились.

— Это я знаю... А что ты теперь делаешь?

— В госпиталь поступил. На кухне работаю.

— Молодец! А сейчас куда идёшь? Можешь, проводишь меня.

— На кухню мне всё равно рано. А потом старшина сказал: «Когда хочешь, тогда и приходи».

— Ну вот и хорошо, пойдём!

Они прошли к избам, уцелевшим на краю села, где разместился на отдых пар-

тизанский отряд. Учитель с Лёнькой вошли в одну из них. Народу здесь было полным-полно. Одни сидели у стола и чистили автоматы, другие что-то шили, третьи, сидя на корточках, ели из алюминиевых котелков.

— Что, нового партизана завербовал? — спросили Василия Григорьевича.

— Да нет! Ученика встретил. С начала войны не виделись.

— Вот теперь и учи его партизанить. Бери в разведку, продолжай образование.

— Ну, что вы! Рано ещё ему. Есть хочешь, Лёня?

Василий Григорьевич снял автомат, повесил его на гвоздь. Потом подошёл к печке, взял с загнетки котелок, достал где-то две ложки, ковригу хлеба и всё это принёс на стол.

— Раздевайся, садись!

Василий Григорьевич снял полушубок и присел к столу.

Теперь учитель был таким же, каким он был раньше, в школе.

Только стал он как будто бы строже. А, может быть, это показалось Лёньке потому, что лицо учителя обветрилось, загрубело и приобрело бронзовый оттенок. Он немного осунулся, и от этого скулы выдавались ещё больше.

Лёнька тоже разделся и сел за стол. Он всё ещё не мог придти в себя. Сколько мечтал Лёнька о встречах с партизанами — и вот, будто по волшебству, кто-то перенёс его прямо в партизанский отряд! Мальчик с любопытством оглядывался вокруг. Вот бы ему к ним!

Лёнька взял хлеб и потянулся ложкой к котелку.

— Э! — воскликнул Василий Григорьевич, взглянув на лёнькины руки. — Да ты, я вижу, всю войну не мылся!

Лёнька смутился, положил ложку и спрятал руки под стол.

— Нет, нет! Так не выйдет. У нас этого не полагается...

Учитель отодвинул котелок и вместе с густо покрасневшим Лёнькой вышел в сени. Лёнька смутился ещё больше, когда услышал позади себя смех:

— Вот тебе и новый партизан!

Сначала он уловил в этих словах только насмешку, но потом, поливая ледяной водой намыленные руки, удивился, поче-

му же это его называли «новым партизаном». Может быть... Нет, об этом и думать нечего. Опять скажут, мал, подрасти надо. Но за столом, когда уже доедали кашу, Лёнька всё же спросил учителя:

— Василий Григорьевич, а мне в партизаны можно?..

— Тебе? — удивился Василий Григорьевич. — Вот уж не знаю!..

— Умываться будешь — возьмём, — ответил чубатый парень с насмешливым лицом; он собрал вычищенный автомат и завёртывал в промасленную тряпицу пузатую маслёнку, отвёртку и круглые металлические щёточки, похожие на мохнатых гусениц.

Лёнька узнал в нём тулитовского кинемеханика, который перед войной показывал им кинокартины.

В разговор вмешался другой партизан. Лёнька и его где-то видел, но где, не мог вспомнить. Партизан наматывал на ногу портянку, тщательно разглаживал складки. Другая нога была обута в валенок.

— Брось ты, Степан, балагурить! Может, и вправду паренёк к нам тянется. Дело серьёзное...

Он сунул ногу в валенок, потопал, примеряясь, не трёт ли где, и обернулся к Лёньке.

— Лет-то тебе сколько?

— Пятнадцать, — соврал Лёнька и снова зарделся, но этого никто не заметил.

— Ну вот, пятнадцать. Возьми ты его, Василий Григорьевич, к себе в разведку. При деле будет. Паренёк, видать, шустрый.

У Лёньки захолонуло сердце. Казалось, оно совсем перестало биться. Он с мольбой посмотрел на учителя.

— Ладно, — сказал тот, — Трофим Петров вернётся, спросим его. Он начальник штаба, пусть решает. Заходи к вечерку.

Не помня себя от радости, Лёнька натянул пиджак и, не попрощавшись, убежал из избы.

Вечером Лёнька снова зашёл к партизанам. Учителя в избе не было, неизвестный ему Трофим Петров ещё не приехал, и Лёнька, охваченный сомнением, побрёл в Лазоревцы.

Мать удивилась, что Лёнька пришёл так рано. День был субботний, в деревне топили бани, и отец, взяв берёзовый веник, собирался пойти попариться.

— Я тоже пойду, — сказал Лёнька, вспомнив сегодняшний конфуз с грязными руками. — Давно в бане не был...

Мать собрала бельишко, положила его в деревянную шайку, и Лёнька с отцом огородами пошли к крохотной баньке на берегу речки.

Распаренный и необыкновенно чистый, Лёнька после бани сразу улёгся спать. Спозаранку он снова убежал в Парфино, решив не возвращаться домой до тех пор, пока не повидает этого неуловимого начальника штаба. Как велико было огорчение Лёньки, когда, войдя в избу, он не застал там ни единой души. Видно, партизаны ушли совсем недавно: в избе ещё стоял прогорклый синеватый дым махорки. Незнакомая женщина, наверно, хозяйка избы, голиком заметала сор.

— А партизаны где? — растерянно спросил Лёнька.

— Да кто их знает! — ответила женщина и, бросив голик, принялась брызгать на пол. — Собрались и уехали, меня не спросили...

Лёнька готов был заплакать. Он вышел из избы и в сених столкнулся с насмешливым партизаном. Забыв обо всём, Лёнька бросился к нему.

— А наши где? — спросил Лёнька.

В глазах Степана мелькнула озорная усмешка:

— А кто это ваши? Отряд ушёл, а ваши где, не знаю.

Но, взглянув на Лёньку, Степан понял, что шутки здесь неуместны.

— Ты подожди, нос не вешай, — сказал он. — Идём, так и быть, провожу.

Шли довольно долго по скрипучему снегу и догнали отряд в деревне. Партизаны ещё не успели разойтись по избам и толпились на улице.

Увидев Василия Григорьевича, Лёнька бросился к нему.

— А, и ты уже здесь! С начальником штаба говорил? Чего же ты! Пойдём...

В чистой половине избы, куда пришли Лёнька с Василием Григорьевичем, было несколько партизан. Невысокий с окладистой бородой человек взволнованно ходил по комнате и кого-то отчитывал:

— Гляди, чтобы это в последний раз было! Иначе оставайся лучше здесь, в тылу. Через два дня выступать, а у нас того нет, другого нет.

— Будет сделано, Трофим Петрович! Можно идти? — упавшим голосом спросил один из присутствующих.

— Да смотри, чтобы помыть всех! — крикнул Петров ему вслед. — И чтобы баню с паром, как полагается.

В избе наступило затишье. Учитель воспользовался этим.

— Трофим Петрович, — сказал он, — паренёк вот к нам в отряд просится. Бывший ученик мой.

— Этот? — Петров указал пальцем на Лёньку. — А сколько тебе лет?

— Пятнадцать...

— А он не струсит?

— Не должен бы... В школе вожаком был.

Лёнька с благодарностью поглядел на учителя.

— Ну что ж, бери. В разведку, небось, прочишь. Только оружия у нас нет, самим добывать придётся.

— Достану. У меня есть...

— Есть уже? Где же твоё оружие?

— В лесу закопано. СВТ с пулемётом.

— Пулемёт есть? Так чего ж ты молчишь! Далеко это?

— Нет, за Быками.

— Где это Быки?

— Возле Мануйлова, Трофим Петрович, — вмешался учитель. — Помните, мы в тех местах сено в декабре промышляли.

— Я его и возил вам, — не утерпел похвастаться Лёнька.

— Да ну, старый знакомый, значит! За пулемётом езжайте сейчас же. Ты распорядись там, Василий Григорьевич...

Через полчаса, забравшись в кабину грузовика вместе с шофёром и Степаном, балагурившим всю дорогу, Лёнька подкакивал на трясках ухабах.

Вернувшись с пулемётом в отряд, Лёнька хотел доложить начальнику штаба о выполнении своего первого задания, но Трофим Петрович куда-то уехал. Учитель похвалил Лёньку и сказал:

— Теперь иди домой, попрощайся, а завтра приходи. На днях выступаем. Но чтобы никому ни слова!..

Странное чувство испытывал Лёнька в этот последний вечер, проведённый в семье. На душе было и грустно и радостно. Грустно потому, что крепко, очень крепко любил он мать. И возможно, что расставался с ней надолго. А сказать ей об этом не мог. Он никогда не лгал матери, ничего не утаивал, а сейчас должен был скрывать, отмалчиваться.

Лёнька подошёл к матери и обнял её за плечи.

— Ты чего это, сынушка, ластишься? — спросила она настороженно.

— Так что-то... Соскучился по тебе, — ответил Лёнька и щекой прижался к го-

лове матери. — Знаешь, мама, завтра у нас баня будет, бельё дадут новое. Это перед... — Лёнька замялся: чуть не проговорился.

— Да ты что, Лёнюшка! Вчера в бане был и завтра в баню? Иди, иди спать. Утром опять с петухами вскочишь.

Недоговорённые фразы встревожили Екатерину Алексеевну. Почему опять в баню, почему он запнулся на полуслове, почему стал ласкаться, обычно такой сдержанный?

Тревога за сына не оставляла Екатерину Алексеевну. Это чувство усилилось после того, как Лёнька несколько дней не приходил домой. Мать отправилась в госпиталь, где она работала теперь прачкой, но Лёньки там не нашла. На другой день утром в прачечную зашёл незнакомый сержант и спросил Голикову Екатерину Алексеевну. Он козырнул ей и сказал:

— От сына вам подарочек. Велел кланяться и сказал, чтоб не беспокоились.

— О чём не беспокоиться? — растерянно спросила Екатерина Алексеевна.

Сержант в замешательстве отвёл глаза и сказал:

— Он не велел рассказывать: мать, говорит, расстроится. Попросил только сухари передать... В партизаны он ушёл...

Екатерина Алексеевна беспомощно оперлась о корыто. Предчувствие её не обмануло.

— Может быть, ещё не уехали? — устало спросила она.

— Не могу знать, — по-военному ответил сержант. — Должны были вчера отбыть, если не задержались. Можно в военкомате узнать...

Екатерина Алексеевна заторопилась, накинула козушок, сказала санитарке, что ненадолго отлучится, и вместе с сержантом вышла из прачечной.

В тот самый час, когда Екатерина Алексеевна шла через замёрзшую Ловать, надеясь повидать сына, партизаны тронулись в путь-дорогу.

Дорога предстояла нелёгкая. Отряд, входивший в состав партизанской бригады, должен был тайно пересечь линию фронта и проникнуть в партизанский край, раскинувшийся в глубоком немецком тылу на берегах Шелони и Полисти.

Партизанский обоз растянулся по дороге. Лёнька был на седьмом небе от счастья. Он взгромоздился на груды мешков, а самозарядку положил рядом.

В этот-то момент Лёньку и заметил тот самый партизан по фамилии Тропов, которого распекал начальник штаба.

— А ты что здесь делаешь? — сердито спросил он.

— Еду... С отрядом еду, — ответил Лёнька, растерявшись от такого вопроса.

— Это куда же ты едешь? А ну слезай! Буду я детский сад здесь устраивать! Слезай!..

Тропов подошёл к саням и потянул Лёньку за рукав. Лёнька уцепился обеими руками за мешок и плачущим, срывающимся голосом взмолился:

— Не слезу!.. Начальник мне разрешил, товарищ Петров... И Василий Григорьевич. Не слезу я...

Первые подводы тронулись. Сейчас должна была тронуться лошадёнка, впряжённая в сани, на которых сидел Лёнька.

— А я говорю, слазь! Не имею права посторонних брать. Сказано, отцепись!..

Тропов с силой оторвал Лёньку от мешка и вытащил из саней.

— Пусти! Чего лезешь! — уже не сдерживая слёз и горько всхлипывая, закричал Лёнька.

Он понял, что сейчас могут рухнуть все его мечты, все планы. Лёнька забежал с другой стороны саней и снова вцепился в мешок. Ездовой дёрнул вожжи, лошадёнка понатужилась и сдвинула воз с места. Под полозьями заскрипел снег. Упрямство мальчишки взбесило Тропова. Он нагнал подводу и потянул к себе Лёньку. Мальчик упал на снег, вскочил и, не помня себя от ярости и обиды, заговорил:

— Пусти, говорю!.. Я хочу с фашистами воевать... Мало тебя Трофим Петрович

Екатерина Алексеевна поглядела туда, куда указывала женщина, и тяжело вздохнула.

ругал... Отдай винтовку! — Лёнька ухватился за винтовку, глаза его сузились, потемнели, как всегда, когда он сердился.

— Отдай, говорю. Не твоя она...

Спорившие не заметили, как на дороге остановилась грузовая машина. Отворив дверцу кабины, шофёр крикнул:

— Эй вы, чего дорогу загородили! — Узнав Тропова, он добавил шутливо: — Товарищ начальник тыла, дай проехать, чего это вы здесь воюете?!

— Да вот, нашёлся вояка, с саней не слезает. Только мне и заботы зайцев ссаживать...

В кузове грузовика сидели партизаны. Был здесь и тот пожилой дядька, который поддержал Лёньку во время первого визита мальчика к партизанам. Он узнал Лёньку и, привстав, сказал Тропову:

— Не трогай ты мальчика, Сергей Петро-

вич. Пусть едет. Ему Трофим Петров разрешил. Гляди, лица на нём нет!

Потом он позвал Лёньку:

— А ты, парень, лезь к нам в кузов. Скорее доедешь. Садись!

Лёнька не стал ждать второго приглашения. Перекинув винтовку за спину, он с помощью партизана забрался в кузов. Лёнька продолжал ещё всхлипывать, но на душе уже отлегло, и он улыбнулся сквозь слёзы.

Защитник его посмотрел на мальчугана потеплевшими глазами и сказал соседям:

— Ребята, потеснились бы маленько. Дали бы пареньку место впереди. Совсем его замотает.

И тут Лёнька вспомнил: это тот самый дядька, которого в первый день войны видел он на перевозе. Он ещё заворотил коня, как услышал про войну, и ругал Гитлера.

Держась за плечи партизан, Лёнька перебрался вперёд. Машина шла по берегу Ловати. Усаживаясь, Лёнька взглянул на речку. От фанерного завода по льду шли двое — мужчина в военной форме и женщина, повязанная платком. Но Лёнька не узнал матери. Машина переехала через железную дорогу, свернула в сторону и исчезла за перелеском.

А Екатерина Алексеевна перешла речку и поднялась на пригорок.

— Штаб у них в той вон избе был, — показал ей сержант. — Может, скажут вам что, а мне пора в госпиталь. Счастливого оставаться!..

Екатерина Алексеевна взошла на крыльцо и встретила женщину, которую видел Лёнька, разыскивая отряд.

— Сынка ищешь? — участливо спросила она. — Был тут один, про партизан спрашивал. Не твой ли? Партизаны-то нонче, сказывают, через фронт поехали. Каких-нибудь полчаса назад машины прошли. Они, знать, и будут. Одеты кто как, и всё с ружьями. Малость ты их не застала. Как переехали через переезд, так и подались в ту сторону.

Екатерина Алексеевна поглядела туда, куда указывала женщина, и тяжело вздохнула.

— Ну что поделаешь! — будто про себя сказала она. — Вырос, соколик мой. В гнезде теперь не удержишь... В добрый час, Лёнюшка, в добрый час!..

Только сейчас взглянула она на свёрток с ржаными сухарями, который держала в руках. Вспомнила о сыновнем подарке, и по щекам её потекли слёзы...

(Продолжение в следующем номере).

С Е Н О К О С

М. Н. Тимофеев-Терёшкин

Как море, луг колхозный наш,
Над ним гуденье пчёл.
Восхода красный карандаш
Вдали черту провёл.

Косить сегодня в самый раз,
Тумана тает дым.
Выходят парни, — в добрый час!
Трава по пояс им.

А тот, кто ростом невысок,
В траве, как под водой.
Шагает с нами паренёк
Из школы городской.

Там, где косилка не пройдёт,
Где пни мешают ей,
Там косы острые берёт
Бригада косарей.

Послушно падает трава,
Растёт за валом вал.
Но паренёк, начав едеа,
Запарился, устал.

Передохнуть бы полчаса:
Далёк ещё обед.
Как тяжела в руках коса,
Когда сноровки нет!

Но говорят ему вокруг:
— Эй, милый, не робей!
Лишь поначалу трудно, друг,
Потом пойдёт ровней.

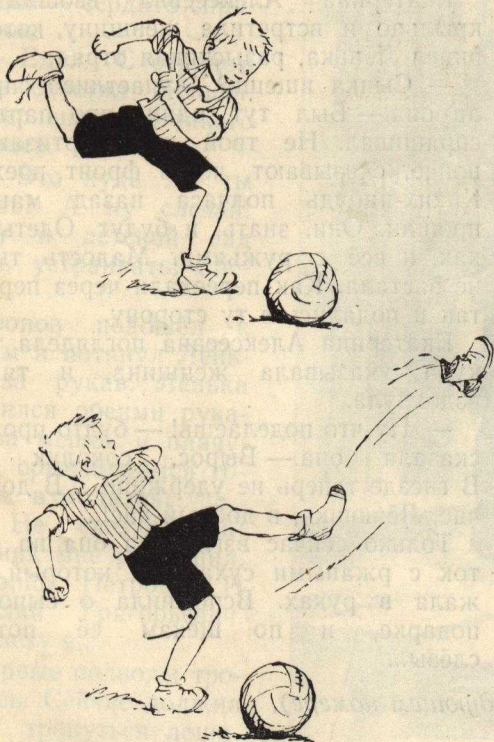
И вновь коса свистит в руках
Движеньям дружным в лад.
— А ну, ребята, шире взмах,
Держи ровнее ряд!

Наступит осень, и домой
Вернётся парень городской,
В работе закалён.
Нос облупился от жары...
Ребятам мускулы-бугры
Покажет гордо он.

Вольный перевод с якутского
Т. Стрешневой.

В ДНИ КАНИКУЛ

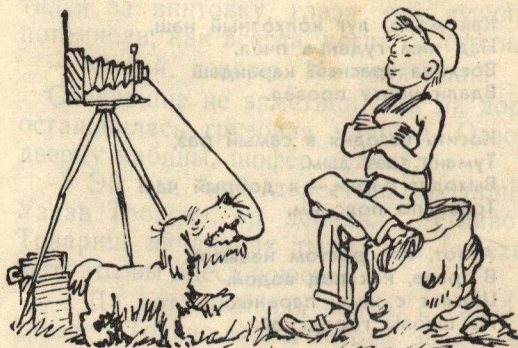
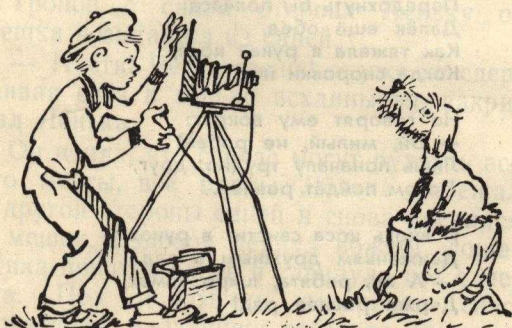
Рисунки Ю. Узбякова.

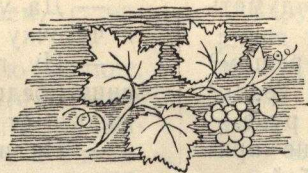
Этот мастер по футболу,
Вероятно, вам знаком.
Он забудёт любые голы
Не мячом, так башмаком.

По веткам Вовка лазит ловко...
...Но где же вовкина обновка?..

Вадим и Джим в часы досуга
Фотографируют друг друга.
Кто выйдет лучше, поглядим, —
Косматый Джим или Вадим.

АЛМАЗНАЯ ГРАНЬ

СКАЗ

Мих. Кочнев

Рисунки И. Кузнецова.

У нас в Гусе испокон веку все стеклодувы да по хрусталию гранильщики.

Вот и жил-был в здешних местах хрустальщик Евстифей. Может, приводилось половинкой ушка и тебе слыхивать? Все тонкости он умел по хрусталию: что, скажем, венецианскую нить положить, что алмазную грань или там вазу с надцветом сделать. Также в золотую и серебряную одежду был он мастер украшать хрусталь.

Тут уж лучше его ничья рука не распорядится. Только и молвит, бывало, себе в утеху, другим — на раздумье: «Ноги стареют, кудри седеют, а красу труда ничто не берёт», — да и за дело своё к абразимову¹ колесу. А умная-то пословица — всякому делу венец.

Около этого колеса он мальчишкой у своего деда обучался всем тонкостям. Перенимал больше с глазу да с толкового словца.

Был он мастером первой статьи, а жил впроголодь, не лучше других.

Особенно славился он глубокой гранью. Правда, братец, чем грань глубже, тем гранильщику жарче, труднее. Но уж зато после есть на что поглядеть! В глубокой грани луч играет на сто ладов, глазам — отрада, душе — праздник. Что люстру взять, что вазу. Только ты умеи в полноте справиться с нею. А ежели что проворонил, на один волосок ошибся, — беда. Можно и насквозь дорогое стекло прохватить колесом. И так сколь-ко хочешь бывало. Думаешь, не было?..

Раз как-то управитель вызвал Евстифея в контору и приказывает:

— Давай-ка глубокой гранью разукрась большую вазу. Да смотри у меня, чтобы весело и чисто было. По дорогом хрусталию станешь работать, стекло с золотом варено.

— Нам, господин-батюшка, не стать привыкать, только бы стеклодувы стекло дали понадежнее, формой поскладнее.

— Дадут, дадут! А ты такой расцвет подбери стеклу, чтобы вся наилучшая красота на грань пала! Понимаешь?

— Ладно, буду думать. Не впервой нам...

Сел Евстифей за абразимово колесо. Тут и сынишка его, Васютка. Тоже в мастерство метит по отцову следу. Шустренький парнишечка, плохого не скажешь, с лица румян, с глаз весел, и сообразительность в голове есть. А это дороже всего. Глядит он, как родитель колесом правит. Колёса все разные: одно — большое, другое — поменьше, а третье — и совсем невеличко. Каждому колесу отец разумеючи дело даёт.

Вот принесли из гуты² баллон — хрустальную форму. Баллон — это ещё не ваза; ни художества на нём, ни нарядности, ни украшения. Вот тут-то рука и голова гранильщика нужны, нужен верный глаз, как всякому художнику.

Взял Евстифей заготовку и так повернёт и эдак. Не торопится. Чуть пошевеливает светлыми усами, глаз не сводит с хрусталия. Ну и Васютка ворон не ловит,

¹ Абразивное колесо — шлифовальное.

² Помещение, где находятся плавильные печи.

е вместе с отцом думает. Двоим-то думать всегда легче.

— Как же мы с тобой, Васёк, решим? Примет ли это стекло глубокую грань? Сварено оно чуточку не по моей руке.

— Примет, тятка! Чего же не принять? И не такое гранили мы с тобой...

— Так-то оно так, соколок, да и то сказать: в мастерстве раз на раз не приходится. У меня есть такое пожелание — на многоцветье алмазную бороздку расшепить. Вот уж и не знаю, осилим ли мы с тобой.

— Осилим, тятка, ещё как осилим-то!

— Уж коли ты считаешь, осилим, — выходит, осилим. Помогай, а пуще всего — без толку не мешай.

У отца в глазах весёлость, и на лице тоже. Принялись за работу. Примостился Евстифей понадёжнее к колесу, на рабочий ход направил его. Всё выверил. Пробу сделал — хорошо берёт колесо. Остальное всё зависит от твоей смекалки да от терпения. Малолетнему помощнику — стой да гляди в оба, запоминай, что к чему. А больше пока никакой особой заботы.

Шумит нешибко колесо, Евстифей обеими руками хрустальную вещицу цепко держит, ровно, спокойно, то повернёт, то подставит, то отымет, где побольше нажмёт, а где и ослабит. Он уж знает... Колесо на хрустале неторопко, но точно прокладывает бороздку, рядом с ней вторую, третью... Где поглубже, где помельче, а где и вовсе не тронет стекла. Так, стало быть, надо, чтобы рисунку не наперекор.

Поставь хрусталь, прикоснись гусиным пёрышком, а он поёт, звон по нём так и ходит перекатной волной.

Вон уж лучик сверкнул по грани, будто от радуги полоска вплелась в хрусталь. Так повернёшь вещицу — вся радужность на виду, поглядеть любо-дорого. По-другому наклонишь — нет цветной полоски, как и не бывало, зато откуда ни возмись, на смену ей, узорчатость серебряная, как веточка с оконного стекла в мороз. Солнце в хрусталь заглянуло и такой многоцвет в нём засветило, что Васютка подпрыгнул. И ему нынче в диво.

— Эх, тятка, вот так ладно! Вот так красиво!

— Красиво, да пока что обманчиво. А вот поглубже-то как брать? И сам не знаю. А без глубины тут не обойдёшься.

— Да уж, знамо дело, тятка. Дай-ка я чуточку подмогну...

— Ну, где тебе... Боюсь, сынок, натворишь беды большой. Тогда не откres-тишься от управителя и хозяина.

— Не испорчу, тятка! Ты же мне в тот раз доверял «крупнину». Помнишь? Не испортил? А? И сейчас не испорчу!

— Та вещица была попроще, подешевле и без золота. Нет, уж я лучше сам!

Васютку до слёз обида жжёт. Да не столько обида, сколько охота попрочнее пристать к делу. Не так-то просто перенять со стороны. Пока само дело не побывает в твоих руках, ученику радость в полрадости. Хоть бы так поддержать вазу, и то бы неплохо. Но разве в такой горячий час отец даст? И не жди, братец. У Евстифея аж роса на лбу, клочок волос выбился из-под тесёмки на щеку.

Колесо меж тем по хрусталью идёт, снимает пылинку за пылинкой, крупницу за крупницей. Их и глазом-то не видать. Граненье большую осторожность любит. Хрустальная дорожка под колёсами мало-помалу ветвится во все стороны. Вон и светлая веточка обозначилась, а поблизости к ней вторая начало берёт.

За работой позабыл Евстифей и про лому в пояснице, и про долг в заводскую лавку, и про то, что отцу-старiku на лекарство денег нет. Не столько зимнее солнце, сколько своя мечта ему светит, как бы путь колесу метит.

Неделя пролетела, не увидели как. Подошёл старший мастер, поглядел на работу.

— Недурно, Евстифей, совсем недурно.

А в конце второй недели и сам неразговорчивый долговязый управитель похвалил:

— Старайся! Вот такую нам и надобно!

Раздобрился на словах-то, на чай посулил. Однако сейчас и гроша не бросил. А на хозяйском посуле, как на косуле, далеко не уедешь.

Дело-то не в чаевых. Их и в мыслях своих не шибко держит Евстифей. Он будто сам себе и верит и не верит, что такой дар в его руках, такая тонкость и сила.

— Тятка, эта вещица лучше той! Правда?

— Да погоди ты похвальнось!..

Вот уже совсем немного осталось им. День — два, не больше, а там можно и

прощаться с дорогим изделием, с вазой-то.

Как заглянет в мастерскую солнце, такое сиянье подымет в вазе, что не только Васютка, а все гранильщики на минутку отложат свои дела, идут к Евстифею. Любуются на сделанное.

— Ну, Евстифей, опять ты всем нам нос утёр.

— Вот так Евстифей!

— Где-нибудь во дворце красоваться твоему изделию. Не ниже, право слово!

Не усидел даже стекловар Агап, и тот пришёл порадоваться, а он на своём веку перевидал всяких диковинок — не счесть.

— Мне спасибо сказывай, — говорит Агап. — Я варил хрусталь на особый заказ, в маленькой печи. Лучшее этого, Евстифей, теперь уж ты ничего не выиграешь, хоть два века проживи в Гусе.

— А может, бог даст, чёрт не помешает, и похлеще сделаю, — улыбается Евстифей, побрякивая от ломоты в спине. Поясница от натуги одеревенела — не разогнуться, не повернуться. И глаза с устатку словно песком натёрло. И руки подрагивают слегка. Тут знай гляди в оба: чем дело ближе к концу, тем заботы больше мастеру.

Отлучился Евстифей куда-то с места. Васютка думает: «Эх, как тятка-то умаялся. Пошёл, пошатывается... А я ведь всё это время ничтошеньки не делаю, только стою да гляжу. Подсоблю-ка я ему чуточку!..» Подсел к колесу, приспособил вазу, и ну гранить, мелкие остатки подчищать... Осторожно, неторопливо делает, чтобы не напортить, боже упаси. И, видишь ты, получается у него не хуже отцовского гранение. Не отличишь ни за что. А больше-то Васютке, кажись, ничего и не надо. Сердце так и прыгает.

Отец к колесу... Так и остолбенел. Он и слово-то громко выговорить боится: не сбить, не спугнуть бы мальчика, не дай бог, на беду дрогнут молодые ручонки, сорвётся... Только видит он: бояться-то нечего. Дело мальчишку слушается. Отлегло у отца от сердца. Тихо-тихо молвил он:

— Ну, ну, сынок, молодцом... Ровнее, ровнее держи... Вот так... Хорошо... Хорошо... А теперь давай я...

У Васютки от такой неожиданной похвалы в серых глазёнках огонь. Уж так ли он старается под конец!..

Вдруг, зная от похвалы-то, и перестался малый. Погнал послушное колесо, да не туда. И погасил всё сиянье в отцовой грани. А грань та почти готова была.

— Стой! Стой! Ах ты, разиня!..

Замахнулся было Евстифей на мальчонку, да пожалел... Вырвал вазу, отпихнул неудачливого гранильщика.

— Что ты мне натворил, баловничище? Куда ты с колесом полез? Или не видишь, чёртов ты племянник, а не человек... — Шибко ругается отец, утирает лицо полкой фартука, сам бледен стал. — Как я теперь твой изъян выправлю? С нас обоих в конторе шкуру сдерут. По миру пустят, на Вышвырку нищими выгонят!

Васька ни жив, ни мёртв стоит перед отцом и ни слова. Он и сам не рад, что без спросу сел к абразимову колесу. Но теперь поздно, раскаянием горю не можешь. А горе немалое.

Евстифей сердит, сел у колеса, на сына и не глянет. А у Васьки сердце так и замирает. Видит он: по всей вазе так и гуляет многоцветье, сияет узорчатость, а грань с изъянцем погасла и всё дело губит. Может, он излишне усердно нажал, глубоко взял, может, не под тем углом срезал край.

Не решит, не придумает Евстифей, как оплошку такую сгладить. А не сгладишь её — пропадёшь.

— Возьму-ка я ещё поглубже, возможно, выдержит.

И сам-то он спокойствие потерял. А больше всего опасается управителя-распорядителя, не заметил бы он такого греха. Но раздумывать-то больно много недосуг. Глубже стал резать. И сначала, ты гляди-ка, ничего пошло. Надёжно. Вон и сиянье снова загорается по всей грани. Отлегло у Васьки от сердечка малость, да и сам Евстифей не так сердит, не так суров, как час назад.

Вдруг слышит: у крайнего окна управитель бушует, пушит Некраса-гранильщика на чём свет стоит. Как двинет со зла табуретом, такой гром поднял, хоть уши затыкай. А хрустальное художество больше всего любит тишину да покой.

Хруп под колесом... В озноб и в жар кинуло Евстифея. Неужели прорезал стекло?... Так и есть... Все труды на ветер... Сам себя разорил, обездолил... Как ледяные, сделались у Евстифея глаза. Поставил он бережно вазу, вскочил да как

— Нет, ваша честь, тут мой мальчонка не при чём. Моя вина...

швырнёт Ваську, в горячах не помня себя, не помня, что и делает...

— Из-за тебя всё, дьяволёнок непоседливый!.. Вот я тебе задам ужо, домой придём!..

А за спиной долговязый управитель-распорядитель с тростью. На нём чёрная шляпа столичной моды, серебряная цепка через грудь, нос с горбиной, ястребиный, в глазах, что у совы, желтизна.

— Что, твой сорванец работать мешает, что ли? — спрашивает управитель.

— Да нет, господин-управитель, вон за картошкой домой посылаю, а он ленится, — по-другому повернул свою речь Евстифей.

— Ну, если так, то проучи парня по-строже.

Управляющий уставился совиными глазами на вазу. Жди беды-грозы!

— Хорош надцвет. Славно, славно!

Взял он вазу со стола да как заорёт, как затопает:

— Это что мне ещё за фокусы? Обмануть вздумал? Как ты смел, олух, испортить такой хрусталь? Да он в тысячу раз дороже тебя самого и всей твоей непутёвой семьи. Ты что, забыл: кусок хозяйского золота клали в стекло! Ты это или твой щенок загубил такую вазу? Гнать его вместо чучела на огород!

Трость так и пляшет по полу перед управляющим, а глаза ещё свирепей стали.

— Не позволю! Лодыри, горшечники!

Я и раньше замечал: твой пашенок съёт везде нос!

Евстифей видит, что дело плохо.

— Нет, ваша честь, тут мой мальчонка не при чём. Моя вина... Я не рассчитал... Да ещё вы шибко табуретом грохнули... Вестимо, хотелось поглубже грань взять, побольше светлого сияния дать. Вот и стряслась беда, рука дрогнула...

— Тем для тебя хуже! А брак за твой счёт пойдёт. Ищи кусок золота, не найдёшь — без разговору за шлагбаумы вышвырну. Прохлаждайся там!

Понурил Евстифей голову, притих, а на душе так и кипит всё против этих захребетников. Васютка стоит, шелохнуться не смеет.

— Кусок золота возвратишь, отработаешь долг и убирайся на все четыре стороны за ворота! — кричит управляющий. — На вшивую Вышвырку выкину... Там много вас, таких бездельников.

Не стерпел Евстифей и выпалил:

— Чего же нашему брату от вас и ждать-то? Испекон веку весь изъян на рабочих валите!

— Ах, так? Ты от кого это слышал? Сейчас же доложу их благородию... Не место тебе у нас!

И полетел, стуча тростью, к хозяину в контору.

Гранильщики с мест глядят на Евстифея: что, дескать, за дерзость допустил молчун Евстифей перед этим заводским щёголем!

У Васьки чуть ли не слезы из глаз: вспомнил он, как голодали целую зиму, когда одно время отец без работы ходил.

Вместо радости только горе принесла алмазная грань всей семье. А семья у них не маленькая. Дома, кроме Васютки, ещё четверо нахлебников, да дед параличный, слепой на один глаз, лежнем лежит пятый год. Теперь Ваське из-за этой беды хоть и в барак не показывайся: все его винить станут... Как отца выгонят, мать опять заревёт... Ремнём Ваську отстегают — это обязательно. Ремня он не так-то страшится, ежели виноват, пусть отхлещут, вот только бы оставили отца на заводе.

Как пришёл Васютка домой, — скорее на печку. Прикорнул, лежит, как и нет его. Отец, словно воды в рот набрал, не бранится и виновника не ищет. Ужинать сели, мать кличет из-за стола:

— Васюк, а ты что не слезаешь щей похлебать?

— Он нынче и без ужина сыт... Отличие получил, — сердито говорит отец.

Так и остался малый без ужина накануне воскресенья.

Утром мать к заутрени собралась, отец к соседу покурить направился. Полуслепой дед и кличет внука:

— Васюк, а, Васюк, что ты там на заводе натворил? Подь ко мне на печь да поведай.

Сел Васютка рядом с дедом, рассказал, как вчера дело было. А дед тоже из бывалых гранильщиков, васюткина отца когда-то так же вот этому художеству учил.

— Ништо, Вася, не горюй шибко. Так-то и со мной раз случилось в мальчишках. Глубокая грань, она зачастую с капризом. Я вот с тебя был, от своего дедушки такую погудочку заводскую слышал... Живёт, стало быть, где-то поблизости от нашего завода Светлянка-девушка, добрая к людям. А уж нам, стеклодувам, так первая из первых наставница. И помощница, сказывают. Кто знает, может, и не зря толкуют. Так у неё будто этого хрусталя разного: и золотого, и серебряного, и свинцового, и всякого — горы не початы. Всех сортов, на выбор, что душе желательно. И будто она однажды всю нашу реку Гусь до самого Железного Гуса и всю Клязьму одела в хрусталь. Проще сказать, хрустальные мосты положила. Ну, тут всех, кто достоин её подарка, не обошла. С пер-

вого снега до первого жаворонка она хлопочет. Кому посчастливит, тот век не забудет её. Вот бы вам с отцом у неё хрустально-то хоть бы займы взять, а там бы уж вы навели на стекло украсу. Плохо, вот хворь-гребта окаянная приковала меня, а то бы мы с тобой наведались на реку Гусь...

— А где живёт она, дедушка?

— Вот то-то и оно: кто скажет? Тут уж всяк сам разумеет, свою сметку имей. К одним она, слышал, по лету в хрустальной лодке выплывала, а другим — лишь следок покажет, большего и не жди. Как бы намёк бросит, а уж в остальном, мол, ты сам разбирайся. Тут самому нужно держать наготове и загадку и отгадку. Давно, внучек, про неё говорят. Ходит она там, где ветер гуляет. На речку побежишь, может, её следок-то и найдёшь...

На улице не то, что в бараке, — весело. Земля чуть снегом припорошена. Морозно. А солнце, хоть и низенько, а светит веселенько, но, конечно, в такую пору от солнца тепла не спрашивай много. Крыша на заводе белая, стены кирпичные красные, трубы чёрные, как попы.

С горя, с тоски направился Васютка на реку Гусь. Колышек и камешек захватил на случай.

А на реке лёд чище зеркала. За ночь ветерком низовым весь снежок согнал к высокому берегу. Вот простор-то где! Разбежался Васютка и покатился на подшитых валенках по льду. Ничего — катят, хоть и не так ходко, как, скажем, коньки-снегурки у Тимки Пенкина. У Тимки отец в заводской лавке стоит приказчиком. У них карман-то потолще.

И стал Васютка тешиться на отливе, где по лету с братом голавлей и окуней удил. Лёд под ним прозрачен, — не отличишь от хрусталя. Лёг паренёк на локотки да и смотрит на дно. А там сумеречно, но всё ж таки видно всё. Вот рыбы табун. И крупная и мелюзга. Мелюзги больше. Одни рыбёшки гуляют, другие — ни с места, только чуть пошевеливают нарядными плавничками.

Эх, вот бы весь табун загнать в сети! Да ведь как ты его загонишь? Не лето. Самый пугливый пескаришка, и тот малого внимания не обращает на парнишку. Про крупных — и не говори...

Стукнул Васютка камешком по льду. В ледяном стекле вдруг появился голубок нарядный. Стукнул ещё — голубок стал больше, краше. В третий раз уда-

рил — и совсем красота: не лёд, а хрусталь, такие грани в нём золотом засверкали, что прямо Васька не верит своим глазам. Хоть сейчас ставь находку под абразимово колесо.

Может, и в самом деле счастье подвалило горемыке? Тут он вспомнил дедушкины слова. Пожалуй, на счастливый след напал...

— Сбегаю-ка я за топором да вырублю хрустального голубка!

Ног под собой не чуя, помчался он домой. Схватил топорышко, а на крыльце навстречу ему отец:

— Ты куда?

— Тятка, тятка, я чего нашёл... Хрустально-то сколько!

— Может, хрусталь и есть, да не про нашу честь. Хоть бы пообедал сначала.

— Не до обеда... Ты не горюй, тятка, вдруг нам посчастливилось?

Отец только строго глянул.

— Последний топорышко, смотри, не упусти.

Бежит Васютка с горушки, щёки у него жарче полымя. Тут ли голубок? Тут! И не померк. Ежели его половчее вырубить, как раз на вазу хватит, хоть и не так уж крупна получится. Но всё ж таки...

Вот и стал он рубить. Рубит, а у самого сердечко обмирает — не загубить бы всё... Ледяные осколки из-под топора брызжут — не то сталь звенит, не то это хрусталь откликается. И, смотри ты, вырубил не мал кусок льда. Голубок целёхонек. Но как теперь до него добраться? Топором корку счищать — крылышки у голубка заденешь.

— Поташу-ка я домой, там придумаю.

Входит он в камеру, в руках большой ледяной кирпич.

Отец глянул и за перегородку убрался. А в тепле лёд начал плакать.

— Что ты тут, непоседа, половодье пустил по полу? — ворчит мать. — Ступай, баловень, прочь отсюда!

Выпроводила Васютку за дверь. Попытался он обломком ножичка лёд скоблить: опасно, колется.

— Не лучше ли, чтобы он сам обтаял?

Как все спать легли, положил он ледышку в таз, а таз поставил около печки. За ночь, мол, лёд обтаёт, а хрусталь останется. А уж тут-то отец похвалит его за смекалку, а больше — за находку.

Утром Васёк вскочил ни свет, ни заря — и скорее к тазу... А в нём вода и

головка льду, вся в ноздрях. Хрустала как и не было.

— Дедушка, что же это, а? — горюет внук.

— А ты, внучек, спать ложился, дверь запирали на крючок?

— Нет, дедушка...

— То-то и оно... Могло всяко приключиться. Выходит, сумел кладёц хрустальный найти, да не сумел уберечь. Ну, не тужи, может, его взяли в обработку, может, он и найдётся.

Отец на завод собирается. И Васютка за ним.

Управитель нынче на них и не глядит.

— Ты, Евстифей, дерзко говорил третьёводни. Ты не только кусок золота загубил, но ещё про каких-то рабочих и крестьян речи повёл. Просил я за тебя хозяина, но он приказал вам обоим убираться на Вышвырку.

— Пошёл бы я на Вышвырку, да она не поит, не кормит, а у меня семья.

— Не наше дело! Такова хозяйская воля: велел нынче же вышвырнуть. И чтобы на хозяйской земле больше твоя нога не появлялась.

Помутнело в глазах у Евстифея. Ваську дрожь трясёт: знает он, как мальчишки с Вышвырки побираются по миру. Да делать нечего.

Сунулся было Евстифей с покорной просьбой к самому хозяину, а тот и к двери не допустил.

Васютка забрёл с тоски в гуту, где стекло в печах варят. Около печи стоит стекловар дядя Агап, в серой рубашке, и вся она от подола до воротничка в бурых подпалинах, и брови у дяди Агапа опалены до самых корней. Вот она, проклятая старая гута-то! Жарища несносная. На стенах копоть — хоть сохой паши.

— Ты что, Васёк, на обед, что ли? Вроде бы рано? — вынул Агап из кармана часы в золотых крышках и с золотой цепкой. Чуть не во всю ладонь часы. Тряхнул: — Ах, вы, хвалёные, заморские, опять встали! Часы для красоты, а время по солнышку.

А часы-то эти были, кстати молвить, не наградные, не покупные и не дарственные; нашёл их Агап прошлой осенью на опушке леса. В том лесу губернатор со своими гостями охотился.

— Ты что, смекалка моя, приуныл? — спрашивает Агап.

Васютка всё ему рассказал, как было.

...Живёт, стало быть, где-то поблизости от нашего завода Светлянка-девушка.

Даже и о том, как он вчера вырубал хрустального голубка на реке.

— Да, неважные у вас с отцом дела. На хозяйской земле жить горько, а на Вышвырках ещё хуже. Главное — работы не найдёшь.

— Кабы был у нас с тяткой золотой кусок, может бы и не выгнали нас. Только где нам золота взять? — тужит мальчуган, рассуждает, как большой.

— Это верно, смекалка моя, ныне золото стало сильнее человека. У кого золото в кармане, перед тем и власти служат на задних лапках, как пёс на аркане. А у кого нет золота, тому хоть живым в могилу полезай.

Так и вышвырнули Евстифея со всей семьёй из посёлка за шлагбаумы. Откупил он в долг себе под жильё избёнку-мазанку у одной вдовы. А как дальше жить? Нет у них ни денег, ни хлеба. И работы не найдёшь. Вот жизнь-то пришла... Где горе, туда и беда торопится со всех ног. Евстифей простудился, захворал. Пошли в заводской посёлок за лекарем, а он не идёт к хворому: хозяина боится. Больница-то заводская не для всех, не про всех. Заводчик строго-настрого приказал докторам, чтобы никого с нищей Вы-

швырки не лечить и никаких лекарств не давать туда.

— Там земля не моя, и забота о та-мошних хворых не моя.

Позвали бабу-знахарку. Стала она врачевать хворого травами да кореньями. Малость помогло. Полегче, получше Евстифею.

Как-то раз Васютка с матерью отправились в заводскую контору. Чуть не на коленях просят, молят управителя:

— Возьми, ради хриета, на работу, хоть одного из семьи, совсем обнаготились, изголодались...

— Когда кусок золота принесёте, тогда и проситесь. А до тех пор и разговаривать не хочу.

Люди-то на заводе не больно нужны: в торговле застой, от товаров склады трещат, а покупать некому.

Ну где же они золота возьмут? К штанам медную пуговку купить и то не на что. Наведалась мать в заводскую лавку в долг муки попросить. А ей отвечают:

— Не велено в долг отпускать тем, которые с Вышвырки.

Куда ты пойдёшь жаловаться? Терпи.

— Ежели работы нам нет, хоть бы в школу Ваську на годок взяли, хоть бы

третий-то класс прошёл,— говорит мать отцу.

— Сходи... Да не возьмут.

Пошла мать хлопотать, нельзя ли в школу сынишке.

— С Вышвырки принимать не велено! — вот и весь ответ.

Так и вернулась ни с чем.

А старый дед, как останутся вдвоём с Васюткой, не даёт ему духом падать, своё ладит:

— Кто знает, внучек, может, счастливый следок и оставлен для нас с тобой. Только бы мне ноги вернуть, уж я бы сводил тебя куда знаю.

Да так и не сводил. Умер дед. Отнесли его на погост, зарыли. С хлеба долой, одним ртом меньше в семье. Да только совсем то скливо стало внуку.

Вот он от тоски кручины снова побежал на реку. Свежий ледок опять, как зеркало, лежит под ним. Метелица, того и жди, разгуляется. Стукнул он обушком по льду, вдруг появился хрустальный голубь, оперенье всё в золотистых жилах!.. Уж и не решит паренёк: вырубать или нет? Знать, никакого счастливого следа для рабочих не оставлено никем.

А! Была не была! С обиды как хватит топором прямо по ледяному голубку. Из глаз у Васютки словно искры посыпались, голова кругом пошла, может, и с того, что вторые сутки не ел. Обернулся, ветер в лицо так и сечёт, снег стеной гонит. Вдруг словно из метелицы выросла перед ним девица-красавица на коньках-бегунках, в белой меховой шапке-боярке с малиновым донцем, в белой пуховой кофте, в меховых рукавичках с голубыми напалками и в синей юбке. Коньки под

— Хрусталья просишь? Вот он у тебя под ногами.

ней, и не скажешь, то ли стальные, то ли хрустальные.

— Ты чего мою дорожку портишь? — спрашивает она.

— Я не порчу. Я на хрустального голубка в обиде...

— За что же?

— За то, что он меня обманывает. Дедушка сказывал мне, да знать, всё неправда...

— Как тебя зовут?

— Меня-то по-простому — Васька. А тебя как?

— А меня — Светлана.

А ветер так и свищет, того гляди, свалит с ног.

— Свет-ля-я-я-на-а-а...

Обомлел паренёк.

— Гляди-ка, нос тебе выкрасил мороз,

а щёки, как у мертвеца, синие. И сапожки худые... На хоть рукавички мои, погрейся...

— На что мне рукавички-то, кабы ты кусочек золота или хрусталию на вазу дала,— посмелел Васютка.

— Богатым хочешь стать?

— Нужно мне.

— Вишь, чего захотел... Через чьё-то золото ты бос, полунаг и голоден. Хочешь, чтобы и через твоё золото кто-то бедовал?

А метель разыгралась, так и стелется над речкой, так и завывает.

— Мы с тяткой не такие жадные.

— Все вы так говорите, когда богатства добиваетесь, а разбогатеете, все свои обещания забудете. А дорогу-то ты мне всё-таки не порти. Хрусталия просишь? Вот он у тебя под ногами! Был голубок твой, да не умел ты его взять.

Сказала и была такова. Сверкнули коньки, и понеслась она быстрее ветра. Уж и не отличишь её кофту и шапочку от метели. Вот и пропала из глаз.

«Не сама ли Светлянка со мной говорила?...»

Постоял он, постоял над расколотым голубком, вынул ножичек, начертил на льду, как умел, большими буквами:

«ЕЖЕЛИ ГОЛУПЬ МОИ
ПРИНЕСИ ЕВО КО МНЕ ДОМОИ».

Взял топоришко под руку и прочь с реки. А ноги заплетаются, в глазах круги вертятся, будто в метели перед ним бежит Светлянка к дому, а следов её не видно на снегу, как по воздуху летит...

Насилу доплёлся. В избёнке сумеречно, мать с отцом куда-то ушли, сестрёнка на печке спит, а братишка, зная, у соседей.

Влез Васютка на печь, а перед глазами будто снова стоит та, которую на коньках видел.

«Нет у нас в посёлке таких... И в богатых домах таких тоже нет»,— думает Васютка, да только и сам не разберётся в своей памяти, как же она назвала себя: Светлана или Свет-ля-я-я-на-а-а? Ежели Светляна, то как раз про такую дедушка сказывал. Одно худо: доброты в ней никакой не видно, даже и не пообещала ничего... Кто знает, может, это так и надо?

Заснул он. Спросонья слышалось ему, будто кто крылечной дверью хлопнул и снег за стеной хрустнул под чьими-то ногами.

— Кто тут в избе? — крикнул он с печи.

Никто не отзывается. Повернулся Васютка на другой бок, да как-то не спится и не ложится больше. Спрыгнул на пол, а на лавке под окном таз, в котором он той зимой лёд таял, и в тазу — веришь ли? — хрустальная ваза, как есть готовая форма, хоть сейчас садись к колесу да наводи на стекло украсы.

— Ба!.. Кто это принёс нам?

Он скорее к вазе, чуть дыхнул на неё, а хрусталь звенит чище всяких струн. Пёрышком мягким, что от подушки в волосах у него застряло, дотронулся слегка — ну, не звон переливный, а музыка в стекле. Ясно, что на золоте такое варено.

Васютка на радостях босиком, в одной рубашонке, выскочил на крылечную приступку, а она вся в лёд окована. Стоит он, как-гусь на льду, с ноги на ногу перескакивает. Никого не видно поблизости.

Васютка поскорее с крыльца назад, в сенцы. Отец входит в избёнку.

— Тятя, тятя, глянь-ко, что у нас на столе!

— Ты где взял? Неси сейчас же обратно!

— Ты, думаешь, я воровал? Пока я спал, принесли. Я нынче не зря Светлянку встретил на реке... Понесём, тятка, долг на завод. Теперь уж нас, чай, примут на работу!

— Ладно тебе, чай-кофий... Ещё надо разобратся: чьё и откуда,— сердито говорит отец.

И правда, по-васюткиному сбылось. Взяли их на завод, когда они хрустальную вещьцу свою выставили перед управителем и хозяином.

— А где взяли? У кого? Не с моего ли завода? — дознаётся хозяин. У него и на грош нет веры рабочему человеку.

— Где бы ни взяли, только не крали,— отвечают в один голос Евстифей и Васюка. Зря-то лишнего не болтают.

Вскоре такую знатную вещь Евстифей с сынишкой сладили, что хозяин за неё на выставке отхватил золотую медаль на шёлковой ленте себе на грудь. Да денежную награду немалую. А Евстифею и Васютке, как уж водится, никому не пришлось и в голову хоть бы спасибо-то сказать.

Перед обедом как-то забежал Васютка в гуту к дяде Агапу.

— Ну что, смекалка моя, опять вы с отцом при деле? — подмигнул Агап.

— Насилушку взяли.

— Говорите спасибо, да знайте кому...

— А кому, дядя Агап?

Скорее всего это Светлянка раздобрилась... Я её разок встретил на реке, — говорит Васютка.

— Ну, ну, расскажи, что за помощница такая, — улыбается Агап.

Васютка рассказывает, а сам не сводит глаз со стекловара.

— Разве ты не веришь, дядя Агап?

— Верю, верю. Знаю, сказка не только потеха, но и кривде помеха, — не перечит Агап.

— Дядя Агап, который час, не знаешь?

— А я хотел у тебя спросить об этом, — отвечает тот.

— Где же твои часы с золотыми крышками?

— Да как тебе, смекалка моя, сказать?..

Не проданы, не заложены, не потеряны — и при себе нет. На вот

винтики, колёсики, хоть поиграешь. Что ты на

меня так смотришь? Твою Светлянку-заступницу я не охаиваю.

Пойдём обедать, слышь, гудок поёт?

ПОЧТАЛЬОН

Е. Стюарт

Как только почта из района

В положенный придёт срок,

Спешит заправским почтальоном

В поля колхозный паренёк.

Он невелик, мальчишка этот,

Но был отрядом дан наказ,

Чтоб по бригадам все газеты

Дежурный доставлял тотчас.

В знакомый путь с бесценным грузом

Он в блеске солнечном идёт,

Всего Советского Союза

Большую жизнь с собой несёт.

Надулась на ветру рубашка,

Летит, как парус, за спиной...

В колени тычутся ромашки

Отяжелевшей головой...

Вот наконец-то он у цели!

И, отерев солидно пот,

Как самый главный в важном деле,

Газету в руки он берёт.

Собравшись на бригадном стане,

Обед кончают косари

И слушают, полны вниманья,

Как с ними «Правда» говорит

О новых трудовых победах,

О том, что в мире нужен мир...

И на парнишку-непоседу

Любовно смотрит бригадир.

Даль в полуденной дымке тонет,

И в жиденькой тени берёз

Стоят распряженные кони,

Зелёный хрупая овёс.

А ветер шелестит страницей

Про нашу мирную страну,

И кажется газета птицей,

Что так и рвётся в вышину!

И словно Родины дыханье

Касается горячих щёк...

— Жаль, что выходит время, Ваня!

А мы б послушали ещё...

Но Ване нужно торопиться,

Газеты дальше он несёт

И чем-то сам похож на птицу,

Что поднимается в полёт.

Артист С. Я. Яковлев в роли Алёши Пешкова.

БУРЕВЕСТНИК РАСПРАВЛЯЕТ КРЫЛЬЯ

Тускло светится маленький квадрат огня, за столом плечом к плечу, как на старинной фотографии, вся семья Кашириных, все домочадцы. Никого из них, кроме бабушки, Алёша не знает — он с матерью только сегодня приехал в Нижний... Ближе других к мальчику сидит дед — сухонький, с птичьим носом, с острыми зелеными глазками. Правее — дядя: высокий, сумрачный Михаил и Яков, приземистый, кудрявый, смахивающий на кустика. Дядя — явно враги. Вон с какой злобой косятся они на мать!.. Ну, а те, кто сидит дальше, на другом конце стола? Вот тот, костлявый, похожий на образ святого, старик в темных очках? А этот плечистый белозубый парень? Какие все они? Добрые, злые?.. Алёша вглядывается в них пытливыми, зоркими глазами. Чужой, непонятный мир обступает мальчика, и только от бабушки неизменно исходит родное, ласковое тепло. А дед всё поучает:

— Человек вроде рубля: перевернулся в хорошем обороте — три целковых вышло.

И от его слов в узкой, вытянутой комнате становится ещё тесней.

— Бабаля говорила — весело было, а от твоих слов скучно! — не стерпев, выпаливает мальчик.

В этом вызове ещё много чисто ребячьего. Но есть тут уже подлинная отвага, малая крупница той силы, которая не даёт человеку согнуться, пропасть...

Так встречаемся мы с Алёшей Пешковым на сцене Московского театра имени Ленинского комсомола.

Около года работал коллектив театра над пьесой П. Груздева и О. Форш «Алёша Пешков», написанной по материалам автобиографических повестей Горького. Артистам, режиссёрам и художникам хотелось создать спектакль о юном Горьком, о росте его несокрушимого духа, спектакль о Буревестнике, расправляющем крылья...

Роль Алёши занимает в пьесе главное место. Нелегко было найти исполнителя этой роли.

Наконец, после нескольких проб и испытаний выбор остановился на совсем ещё молодом актёре Сергее Яковлеве.

Можно представить, с каким радостным волнением Яковлев впервые раскрыл тетрадку, где на первой странице рукой главного режиссёра театра Софьи Владимировны Гиацинтовой были написаны тёплые,

задушевные и ко многому обязывающие слова о том, что эта роль знаменует новый, поворотный этап в творческой жизни молодого актёра.

И в самом деле, какая это серьёзная и ответственная задача — сыграть Горького, хотя и мальчика, Горького, будущего великого писателя и одного из самых прекрасных людей на земле! Яковлев погрузился в изучение материалов. Вникая в каждое положение, прочитал он не только три повести Горького: «Детство», «В людях» и «Мои университеты», — но и воспоминания современников и ещё много, много книг, написанных об Алексее Максимовиче Горьком. Ведь чтобы сыграть роль, артист должен отчётливо представить себе всю жизнь героя, обстановку, исторические условия, в которых разыгрываются события, описанные в пьесе, и то, что было до начала пьесы, и то, что будет потом. Только тогда сможет он хорошо, то есть правдиво, искренно сыграть свою роль.

Во многом артистам и режиссёрам помогли материалы Горьковского музея: документы, зарисовки, фотографии. Портрета Горького-мальчика не сохранилось. Но в музее есть фотографии маленькой дочки Алексея Максимовича Кати, очень на него похожей. Лицо этой девочки, с большими серьёзными, не по-детски при-

Дружба с Цыганком (артист Ю. А. Лихачёв) помогала Алёше стойко переносить горести нелёгкого детства.

стальными глазами, многое подсказало и Сергею Яковлеву и художнику, работавшему над гримом Алёши Пешкова.

Так же серьёзно готовились к работе над своими ролями и другие участники спектакля. Большинство актёров побывало в городе Горьком, бывшем Нижнем-Новгороде, где происходит действие пьесы. Поездка дала знание обстановки и те живые подробности и впечатления, которые так необходимы актёру...

Разными путями идут артисты к созданию образа. Л. Н. Рюмина, играющая бабушку, рассказывает, что жизнь её героини стала особенно близка ей потому, что на сцене артистка всё время представляла себе не декорации, а тесные комнаты каширинского дома, бабушкину кровать, поставленную на кирпичи, — ведь бабушка, как известно, так «спасалась» от тараканов...

А молодому артисту Ю. Лихачёву — исполнителю роли Цыганка — запал в душу рассказ внучки Горького. Оказывается, Алексей Максимович, играя с детьми, часто рисовал какие-то чёрные мужские головки... И хотя никаких прямых доказательств того не было, Лихачёву представлялось, что Горький в эти минуты вспоминал товарища своих детских игр — Ваню Цыганка, и то, что Горький любил и помнил этого человека, как-то особенно радовало и согревало молодого артиста во время работы над ролью.

Но больше всего актёрам и режиссёру помог сам Горький. Ведь у него каждое слово — правда, за каждой строкой целый мир чувств, мыслей, надо только вдумчиво прочитать их.

Артисты всё глубже проникались настроением и мыслями героев Горького.

Горький подсказывал и внутреннее состояние героя и его поведение. Разумеется, и внешне

каждый артист стремился походить на описанный в книге образ. Но были и неожиданности.

Например, произошёл такой случай. Артистка З. А. Кузовлева, которая готовила роль няньки Евгении, заболела, и на репетиции её заменила другая артистка — Гёлова. Никто и не думал, что маленькая, хрупкая Лидия Михайловна Гёлова, обычно исполняющая роль девочек, сможет сыграть толстую няньку «с трубным голосом». Не думала об этом и сама Гёлова; она пришла просто, чтобы помочь товарищам. И вдруг все с удивлением увидели, что Лидии Михайловне удалось создать несколько иной, чем в книге, но жизненно верный, превосходный образ маленькой, забитой женщины, беззаветно преданной семье Кашириных. В искусстве правильное изображение характера бывает важнее внешнего сходства, поверхностного правдоподобия. Роль Евгении так и осталась за Гёловой, они с Кузовлевой играют её по очереди.

Песни в спектакле, как и в самой жизни Горького, занимают важное место. Интересно, что почти все песни, которые поются в пьесе, предложены самими актёрами на репетициях. Долго, например, не удавалось подобрать песню для Якова. И вот на одной из репетиций артист В. Г. Поляков, играющий Якова, трихнув волосами, внезапно затянул старую песню «Бывали дни весёлые...» И эта песня, вырвавшаяся прямо из сердца актёра, наиболее полно выразила душевное состояние Якова.

Вошли в спектакль и старинная песня о разговоре мужа с женой, предложенная Л. Н. Рюминой, и прекрасная заунывная песня, которую поёт ослепший Григорий (артист Е. А. Гуров).

Не всё, конечно, ладилось сразу, особенно у молодых актёров. Юрию Лихачёву долго не давался танец, а ведь пляска, самозабвенная, буйная, ярче всего выражает характер Цыганка. И артист терпеливо тренировался по несколько часов в день, иной раз в буквальном смысле слова «до упаду»...

Но труднее всех приходилось всё же исполнителю роли Алёши. Артиста мучили сомнения, неуверенность в себе. Как это он, взрослый человек, будет играть мальчика?.. На помощь Яковлеву приходили старшие товарищи и, конечно, прежде всего режиссёр А. А. Муатов.

Постепенно Яковлев стал уверенней, твёрже, в его игре появилась та искренность и сила убеждённости, которая заставляет нас верить актёру. И теперь, сидя в зрительном зале, мы

больше всего симпатизируем Алёше, волнуемся за него и напряжённо следим за судьбой этого удивительного мальчика...

...Вот он лежит на широкой, жаркой бабушкиной кровати, приходя в себя после жестокой порки... Дни выздоровления — важные дни в его жизни. Это период душевного перелома. Вглядываясь в лицо мальчика, в его тревожные глаза, мы невольно вспоминаем слова Горького об этом времени: «...точно мне содрали кожу с сердца, оно стало невыносимо чутким ко всякой обиде и боли, своей и чужой!». Нам делается страшно, когда в комнату входит алёшин обидчик — дед. Что теперь будет? Дед приближается к алёшиной постели — маленький, стремительный, складный... Удивительно верный и запоминающийся образ создаёт артист В. Р. Соловьёв.

— Я тебя тогда перетово, брат... — добродушно говорит дед. — Однако не беда, что ты лишнее перетерпел, — в зачёт пойдёт...

Но Алёша полон гнева и ненависти, он закрывается от деда подушкой, отталкивает его... Дед не уходит. Усевшись на край постели, заводит он рассказ о себе, о своей юности. И тут не только перед Алёшей, но и перед нами, зрителями, возникает другой облик деда. Теперь это не деспотичный, яростный старик, которого мы все так невзлюбили в начале пьесы. Перед нами сильный, талантливый русский человек, прошедший страшную школу нужды и испытаний... Вот он тащит баржу «супротив Волги»... «Идешь, идешь, да из лямки-то и вывалишься... вся сила чисто вышла, хоть отдыхай, хоть издыхай!» И дед хриплым, старческим голосом затягивает старинную бурлацкую песню:

Мы идё-ом,
босы, голодны,
каменьём
ноги порваны...

Потрясённый, смотрит Алёша на деда. Так вот он какой! Богатырь!.. Человек силы сказочной.

— Не уходи!.. Расскажи ещё! — жадно просит мальчик.

Нет, Алёша ничего не забыл и не простил. Но сейчас он увидел в деде что-то новое, и это не изгладится из его памяти никогда...

Веру в талантливость, в силу русского человека пронесёт он через всю жизнь и много поздней, став замечательным писателем, напишет незабываемые слова: «Не только тем изумительна жизнь наша, что в ней так плодо-

«Смотри всем прямо в глаза...» — учил Алёшу старый мастер Григорий (артист Е. А. Гуров).

вит и жирен пласт всякой скотской дряни, но тем, что сквозь этот пласт всё-таки победно прорастает яркое, здоровое и творческое, растёт доброе — человечье, возбуждая несокрушимую надежду на возрождение наше к жизни светлой, человеческой».

«Доброе — человечье» — то, что не даёт погибнуть Алёше, несмотря на все «свинцовые мерзости дикой русской жизни», и стремились показать режиссёр и актёры в этом спектакле. Это «доброе», конечно, прежде всего живёт в бабушке, «Хорошем-деле», Цыганке, всем своим простым сердцем полюбившем Алёшу... Но искорки этого доброго вспыхивают и в дедушке — в хорошие его минуты — и даже в диком, буйном Якове, когда Яков поёт.

Песня!.. В ней сказала вся душа, вся неосознанная тоска русского человека по иной, прекрасной жизни. Очень хороша в театре сцена, когда, тоскуя, поёт Яков, буйно пляшет Цыганок и, уступая просьбам Григория, разом помолодев и похорошев, выходит танцевать бабушка. Глядя на них, Алёша, примолкший, опечаленный разыгравшейся перед этим сценой грубой ссоры между матерью и дедом, снова оживает. «Что за люди! Что за чудесные люди!» — читаем мы на его лице... Но снова врываются в дом Кашириных «свинцовые мерзости», бушует раскалённый дикой злобой дядя Михаил, свистят камни...

Камень влетает в комнату, Алёша держит его в руках. В пьесе сказано: «Алёша берёт камень и бросает его в окно в дерущихся». Но актёр поступает иначе... Задумавшись, подбирает он камень в руке. И мы правильно понимаем, что этот жест означает: «Бороться с этим надо иначе... иным путём...»

Что это за путь, Алёша пока не знает. Одно за другим надвигаются на него страшные, тёмные впечатления: смерть Цыганка, пожар, слепота Григория... Но вот дедушка наконец «разделился». Каширины перебрались в новый дом.

Очень удалась молодому художнику В. Г. Погодину декорация этой сцены. Светлая зелень окружает новый домик Кашириных, солнце, весна. Перед нами чудесная картинка русской природы. Сидя на заборе и лада птичью клетку, прислушивается Алёша к разговору стариков. Дед неугомонен, он всё кричит, всё волнуется. И точно на малого ребёнка, смотрит на него бабушка... Бабушка для Алёши — самый близкий, самый родной человек, но мы видим, что бабушкину правду он целиком не может принять... Бабушка всех жалеет, всё оправдывает, а разве можно всё оправдать? Тенью проходит через светлый, солнечный двор ослепший Григорий. Ведь это он некогда учил Алёшу смотреть всем прямо в глаза. Всю свою силу истратил Григорий, работая в мастерской у дедушки, и теперь просит милостыню. Квартальный рассказывает, что «Хорошее дело» отправили на торгу, «а ведь добрее его не было»... И в сердце мальчика всё сильнее закипает возмущение, протест против чего-то, что он ещё не может точно назвать.

Повзрослевшим, сильным видим мы Алёшу в следующей картине — у чертёжника. Пошлая, душная обстановка мещанской семьи показана в спектакле остро и беспощадно. Горький не нахо-

дит оправданий для этих сытых, облепившихся людей — злой, крикливой старухи, её глухой, жадной снохи, для тупого, похожего на дятла Викторюшки. Сочувствие может вызвать только сам чертёжник Сергеев, но он слишком слаб, слишком безволен.

Старуха рвёт алёшины книги... Но Алёше она уже не страшна. С чувством внутреннего превосходства, зло и весело разговаривает он с ней... Перед нами юноша, много узнавший на собственном опыте и из книг, твёрдо наметивший собственный путь... Нет, он не станет таким, как Сергеев. Не будет терпеть, как просила его бабушка, он уйдёт отсюда. И он вырывается из этого душного круга на воздух, на волжский простор. Добрые люди встречают его там — крючники, повар Смурый... Медленно отплывает от берега пароход, и мы понимаем, что он увозит Алёшу Пешкова в большую жизнь...

Много ещё будет в этой жизни тёмного, тяжёлого, трудного, много лютых вражды и слепой ненависти. Но Алёша не спрячется от жизни, не будет яростно и жестоко драться за свою копейку, как дрался дед, не будет терпеть, как терпела его любимая, прекрасная, но покорная судьбе бабушка... Он вступит в борьбу с самой причиной зла, он будет сражаться с ней во имя Человека с большой буквы.

С гордостью за Человека, за его трудный, но победный путь мы покидаем театр.

Ю. Новикова

Сцена из 3-го действия спектакля Театра имени Ленинского комсомола «Алёша Пешков». Дедушка — артист В. Р. Соловьёв, Алёша — артист С. А. Яковлев, бабушка — артистка Л. Н. Рюмина.

ПУТЬ К ОТКРЫТИЮ

Как-то года три назад редакция журнала «Пионер» поручила мне написать очерк о работе знаменитого советского учёного Ольги Борисовны Лепешинской.

Когда я вошёл в кабинет, навстречу мне поднялась из-за микроскопа невысокая седая женщина в белом халате. За стёклами больших круглых очков поблескивали совсем молодые глаза.

Узнав о цели моего прихода, Ольга Борисовна улыбнулась и протянула мне толстую пачку писем, написанных крупными буквами.

— Как хорошо, что вы это затеяли! — сказала она. — А то ребята совсем меня забросали приглашениями. Вот эта пачка только за сегодняшний день. Все просят приехать к ним на сбор, рассказать о своих открытиях. Чудесные у нас нынче дети: всем интересуются, обо всём хотят знать!..

Очерк был напечатан, но поток писем не только не уменьшился, а, наоборот, возрос. Теперь уже буквально каждый пионерский отряд, каждый класс хотел узнать от самой Лепешинской и гораздо подробнее, чем в журнале, о том, как она вела революционную работу, как стала учёной, как пришла к своему замечательному открытию.

Лепешинская доказала, что существует живое белковое вещество, не состоящее из клеток, из которого и возникают клетки. Она доказала, что жизнь на земле существовала и тогда, когда не было ещё

О. Б. Лепешинская.

ни одного организма, состоящего из клеток.

И вот желание тысяч ребят исполнилось. В Детгизе вышла книга О. Б. Лепешинской «У истоков жизни» (литературная запись Владимира Елагина). В этой книге Ольга Борисовна рассказывает о своём детстве, о том, с каким трудом удалось ей завоевать право на образование, как прежде, чем сделаться учёной, ей пришлось почти половину жизни отдать борьбе за свободную науку. Эти страницы о юности революционерки читаются, как увлекательная повесть.

А затем Лепешинская так же увлекательно и живо рассказывает о своей научной работе. Оказывается, путь к открытию, прославившему её имя, был далеко не прямым. Сначала Лепешинская посвятила много лет изучению крови, вопросу о том, имеют ли мельчайшие клетки, из которых состоит кровь, оболочку или не имеют. На первый взгляд, это не имеет прямого отношения к тому, как возникает жизнь, а на самом деле, только решив его, могла Лепешинская сделать первый шаг к своему открытию.

Рассказывает Лепешинская и о том, как её работы могут помочь учёным бороться за продление человеческой жизни. Ведь сейчас пределом жизни большинства людей считается семьдесят—восемьдесят лет. А Лепешинская мечтает о том, чтобы люди старились не раньше ста пятидесяти лет, и уверена, что наука этого обязательно добьётся.

А дальше идёт подробный рассказ, как шаг за шагом подходила Ольга Борисовна к самому главному своему открытию. Как ей, первой из всех учёных, удалось увидеть под микроскопом тайну из тайн — возникновение живой клетки! Эти страницы книги читаешь, невольно волнуясь, словно сам прильнул к окуляру микроскопа и стал участником замечательного открытия.

Рассказывает Ольга Борисовна и о том, какую борьбу пришлось ей выдержать за признание своей правоты: некоторые учёные никак не могли расстаться с неверными представлениями, которые держались в науке целое столетие и считались неопровержимыми. В этой упорной борьбе Лепешинская опиралась на помощь и поддержку Коммунистической партии. Товарищ Сталин ободрил исследовательницу в одну из трудных минут. Это было в дни Великой Отечественной войны.

«Однажды вечером, — вспоминает О. Б. Лепешинская, — в моей затемнённой квартире раздался телефонный звонок. Звонил Сталин. Я сразу узнала его дорогой всем нам, спокойный голос. Он говорил о рукописи моей кни-

ги, о важности изучаемой мною проблемы, ободрял, советовал продолжать работу.

Затаив дыхание, я слушала, пытаюсь запомнить, сохранить в сердце каждое его слово».

В учебнике ботаники раздел о клеточном строении растений занимает всего полторы странички. В этих страничках заключается краткий итог того, к чему пришли сотни учёных за те триста лет, в течение которых идёт изучение живых клеток. Работа О. Б. Лепешинской прибавит к этим полотора страничкам всего несколько слов.

Но, прочтя её книгу, вы будете знать, какой большой, упорный труд, труд целой жизни, скрывается за этими немногими словами. Такой же самоотверженный труд многих поколений учёных вложен в каждую страницу любого учебника.

И поняв, как создаётся наука, сколько труда, усилий, смелости она требует, как добывается каждая крупница знания, вы с ещё большим уважением и вниманием станете относиться к тому, что день за днём даёт вам школа.

А. Дорохов

АНДРЭ СТИЛЬ — БОРЕЦ И ПИСАТЕЛЬ

Андрэ Стил — один из руководителей Коммунистической партии Франции, мужественный борец за мир, известный писатель.

Перу Андрэ Стиля принадлежат романы, повести и рассказы. Его произведения знают и любят не только во Франции, но и в других странах. Самое крупное художественное произведение Андрэ Стиля — роман-трилогия о жизни и борьбе докеров — французских портовых рабочих.

Две части трилогии, «Первый удар» и «История с пушкой», переведены на русский язык.

Отдельные главы трилогии выпущены Детгизом в виде сборника рассказов под названием «Дети французских доке-

ров». В этой книге рассказывается о докерском посёлке на западном побережье Франции, на берегу океана. Посёлок сильно разрушен войной. Люди живут в жалких лачугах, едва защищающих их от холода и жестокого морского ветра. У многих нет работы. Голод и нищета царят в жилищах.

У безработного докера Гиттона (рассказ «В доте Атлантического вала») трое детей. Раньше вся семья жила в невероятной лачуге: это был деревянный каркас, обшитый несколькими слоями просмоленного картона, без окон.

Однажды, когда родителей не было дома, налетела буря и разнесла лачугу по ветру. Вернувшиеся родители нашли испуганных ребятенков, укуренных за уцелевшими листами картона.

Перед семьёй встал грозный вопрос: где жить?

И вот тогда-то Гиттоны решили поселиться в доте. Он был заброшен со времени войны и завален землёй.

Немало потрудились семья, чтобы превратить дот в жильё. А когда всё было готово, пришли полицейские и заявили права на дот.

Единодушно встали докеры на защиту семьи товарища. Надо же человеку где-то жить! Полицейские отступили. А Гиттон, который никогда не унывал и не терял чувства юмора, крикнул полицейским: «Ладно, я буду вносить квартирную плату!»

Это было здорово сказано!

Бодрость и тонкий юмор свойственны не только Гиттону, но и другим героям Стиля. Все они верят в лучшее будущее, помогают друг другу в нужде и горе, действуют дружно и сплоченно. Душой и организатором всей общественной жизни посёлка является молодой докер коммунист Анри Леруа. Он организует жителей на поиски пропавшего мальчика Поля (рассказ «Страшная ночь»), помогает переселению докеров в пустующее помещение школы (рассказ «Гитара»), собирает подписи против перевооружения Западной Германии (рассказ «Коровы»).

Андрэ Стиль хорошо знает своих героев. Он родился и вырос в рабочем посёлке, испытал на самом себе лишения и нужду, на которые обречены рабочие в странах капитализма. Его книги, его статьи призывают французских патриотов к солидарности и организованности в борьбе за права рабочего класса. Вот почему, о чём бы ни рассказывал Андрэ Стиль, книги его всегда дышат неподдельным оптимизмом, неистребимой верой в светлое будущее своих героев, простых трудящихся людей Франции.

Во всех своих книгах Андрэ Стиль выступает убеждённым борцом за это светлое будущее своего народа. И потому враги народа — капиталисты, реакционеры всех мастей, сторонники фашизма — ненавидят писателя-коммуниста, отдающего все свои силы борьбе за счастье народа.

Е. Резникова

КНИГИ-ПОМОЩНИКИ

Ребята! У вас начались летние каникулы. Вы поедете в лагери, отправитесь в походы по родному краю. Вот книги, которые помогут вам хорошо отдохнуть, правильно организовать своё время, заполнить его полезными и весёлыми делами.

Абрамов А. Десять моделей.

Барабанов В. Как собирать минералы и горные породы.

Бианки А. Как наблюдать погоду.

Богаткова Л. В лагере и в школе.

Богаткова Л. На празднике песни и танца.

Васютин Н. Пирамиды для девочек.

Васютин Н. Пирамиды для мальчиков.

Верзилин Н. Как ухаживать за комнатными растениями.

Ветлина В. Рассказы о цветах.

Винников П. и Декало В. Как сделать улей и содержать пчёл.

В помощь юному технику. Сборник.

Иванченко Н. Как устроить ловушки для зверей.

Костенко И. и Микиртумов Э. Летающие модели.

Коршун И. и Толмачёва Е. Как научиться переплетать.

Кунилов Ф. Советы юному рыболову.

Куприянов Н. Как делать физкультурную зарядку.

Мельникова Н. Пришкольный участок.

Минин Д. Собирайте семена деревьев и кустарников.

Павлович С. Как собирать насекомых.

Плавильщиков Н. Жизнь пруда.

Поляхин Н. Как провести однодневный поход.

Самсонова Л. Два урожая с одной грядки.

Толмачёва Е. Как сделать игры и украшения из бумаги.

Третьяков Н. Как ухаживать за домашней птицей.

Фридланд Л. Как оказать первую помощь без врача.

Хршановский А. В пути (как ориентироваться в походе и как снимать план местности).

Шестаков К. Как научиться лепить.

Эпштейн И. Как научиться выпиливать.

Юным натуралистам. Сборник. Составитель В. Корчагина.

«Весёлый час»

Умеете ли вы фотографировать... без аппарата? Знаете ли, как устроить теневой театр? Как сделать китайский веер?

Этому и многому другому, полезному и интересному, научитесь вы, прочитав книжку М. Гершензона «Весёлый час», выпущенную Государственным издательством детской литературы. В ней собрано много весёлых забав, самоделок, развлечений.

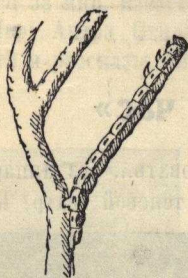
ИЮНЬ

Камнеломка

Курпаточья трава

Гусеница паденицы

Ботомол

Давайте, ребята, отправимся мысленно в путешествие с севера на юг по нашей большой стране и посмотрим, где в какое время наступает лето.

Приморская тундра... Она протянулась по всему нашему северу — от Баренцова моря до Берингова пролива. Сейчас, в июне, здесь только сошёл снеговой покров. Вскрываются устья больших сибирских рек. Оживает в тундре трава, зацветают первые растения — камнеломки, маленькие лимонно-жёлтые полярные маки, карликовые ивы и берёзы, белыми звёздочками цветёт курпаточья трава — растение, существующее с древних времён; учёные находят её в желудках ископаемых мамонтов.

Лето ли здесь, на севере? Нет, это ещё только весна! А под Москвой и в других местах средней полосы июнь — первый месяц лета. Уже реки вошли в свои берега, и уровень воды в них снизился до своей летней нормы. Уже созревают семена-летучки вяза, уже алеет среди зелёных листочков земляника на лесных полянах. Появились в лесах берёзовики, подосиновики, мухоморы. На полях зацветает озимая рожь, по лугам начался сенокос.

Идёт цветение летних трав, кустарников и деревьев. Пышными султанами розовеет по опушкам и прогалинам кипрей, называемый также иван-чаем, белые и жёлтые метёлки донника приманивают пчёл своим медовым и миндальным ароматом, покраснели цветами клеверные поля, и гудят над ними мохнатые шмели. Не было бы шмелей — не приносил бы клевер семян. Только с помощью шмелей происходит опыление его цветов.

Много лет назад в Австралии первые поселенцы начали разводить скот и засеяли поля семенами клевера, выписанными из Европы. Клевер вырос, но не дал семян, потому что в Австралии не водилось шмелей. Пришлось их привозить из-за океана.

Ребята! Когда расцветёт у вас клевер в полях, понаблюдайте, как его опыляют шмели, как шмель в поисках сладкого нектара протискивает

Ветер отрывает семена-парашюты одуванчика.

свою толстую мохнатую голову вглубь соцветия и, напудренный жёлтой пылью, перелетает на другой цветок клевера.

В июне под каждым листочком, на каждой веточке вы можете увидеть много интересного.

Вот на зелёном стебельке целая колония неповоротливых тлей. Стебелёк усыпан ими сплошь. Какая жалость, ведь погибнет растение!.. Но нет! Вы увидите, если терпеливо подождёте, как прилетит маленький жучок с круглой спинкой, с чёрными крапинками на огненно-красных надкрыльях. Да ведь это же ваша старая знакомая, божья коровка! Оказывается, она замечательный друг растений. Она уничтожает множество тлей. А тли очень плодовиты. Если бы не было божьих коровок, тли за один год размножились бы так, что покрыли бы всю землю слоем толщиной в метр.

А может быть, вы увидите, как муравей, забравшись по стебельку, «доит» тлей: прикасаясь усиками к двум отросткам на брюшке тли, он пьёт выделяющийся из них сок.

Вот в неглубокой заводи плавают пузатые головастики лягушек. У них — хвосты и жабры, но — ни намёка на лапки. Почему головастик так похож на рыбу? О чём рассказывают его превращения? Какую тайну далёкого прошлого он нам раскрывает? Подумайте об этом.

Внимательно обследуя листики, веточки, травинки, кору деревьев, вы можете обнаружить насекомых-невидимок, похожих на сухой листочек, на стебелёк, на кусочек коры и даже на веточку с листиками. Что заставляет их так маскироваться? И почему, например, хищный шершень раскрашен с такой вызывающей яркостью?

Может быть, ядовитый шершень своей яркой чёрно-жёлтой окраской предупреждает врага: «Не ешь меня, а то плохо тебе будет...» Но почему же бабочка-стекляница, совсем безвредная и вполне пригодная в пищу птицам, так похожа на шершня? О каком законе природы свидетельствует этот «маскарад», все эти букашки и гусеницы, притворяющиеся листьями и травинками, бабочки, гримирующиеся под хищников? Подумайте об этом, попробуйте сами найти таких «ряженных». У вас получится интересная коллекция.

А пока вернёмся к нашему путешествию. Итак, под Москвой и в других местах средней полосы мы увидели, что июнь — первый летний месяц. А дальше, на юге, уже разгар лета, самая его середина. Там цветут магнолия, мирт, гранат, белая лилия. Поспевают вишня, ранние груши.

В средней полосе нашей страны июньскими вечерами поздно темнеет. К девяти часам только начинают загораться звёзды. Самые слабые из тех, что зимой хорошо видны, летом совсем не приметны глазу. Но едва начинает смеркаться, раньше, чем погаснет заря, в южной стороне светлого ещё неба появляются три звезды, образуя сверкающий треугольник. Это не созвездие, это главные, самые яркие звёзды трёх различных созвездий: Вега, или альфа созвездия Лиры, Денеб, или альфа созвездия Лебедя, и Альтаир, альфа созвездия Орла.

Ближе всех из них к нам Альтаир. Свет идёт от него шестнадцать лет, всего вдвое дольше, чем от Сириуса. Альтаир в девять с лишним раз ярче нашего Солнца. От Веги свет идёт до нас двадцать шесть лет, и она в пятьдесят раз ярче Солнца. Третья звезда — Денеб — самая удивительная из трёх. Денеб так далёк, что его лучи доходят до Земли почти через шестьсот лет. И вот из этой дали он шлёт столько света, что всё равно кажется нам яркой звездой. Денеб и на самом деле очень яркий: в десять тысяч раз ярче Солнца! Он относится к классу белых гигантов, самых светлых и самых горячих звёзд. Одну такую звезду вы уже знаете: это Ригель из созвездия Ориона, о котором мы рассказывали в январе.

Но самая яркая, самая горячая звезда, открытая астрономами, — это звезда S в созвездии Золотой рыбы. S Золотой рыбы видна только тем, кто живёт в южном полушарии. Эта звезда не в десять тысяч, а в четыреста тысяч раз ярче Солнца. Мы её видим, хотя она находится за пределами нашей звёздной системы — Галактики, совсем в другой звёздной семье, называемой Большим Магеллановым облаком. Свет оттуда идёт восемьдесят шесть тысяч лет!

Звезда S Золотой рыбы казалась бы в тысячу шестьсот раз ярче Сириуса, если бы очутилась на том же расстоянии от нас. Ночью предметы на Земле отбрасывали бы тень под её лучами.

Учёные считают, что белые гиганты, как Ригель и Денеб, и белые сверхгиганты, как S Золотой рыбы, — самые молодые звёзды. Они моложе, чем Солнце и Земля. Земле больше двух миллиардов лет, а эти звёзды примерно в двести раз моложе. Им всего десять миллионов лет. Существование молодых звёзд-великанов доказывает, что в бесконечной Вселенной непрерывно зарождаются новые и новые ослепительные солнца.

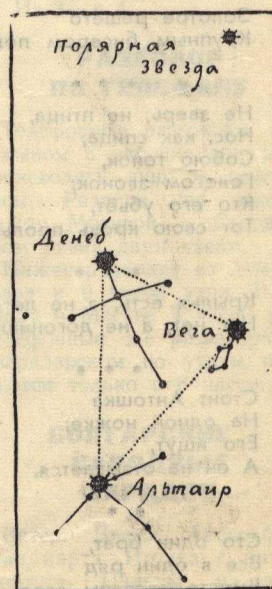
Муравей и тли.

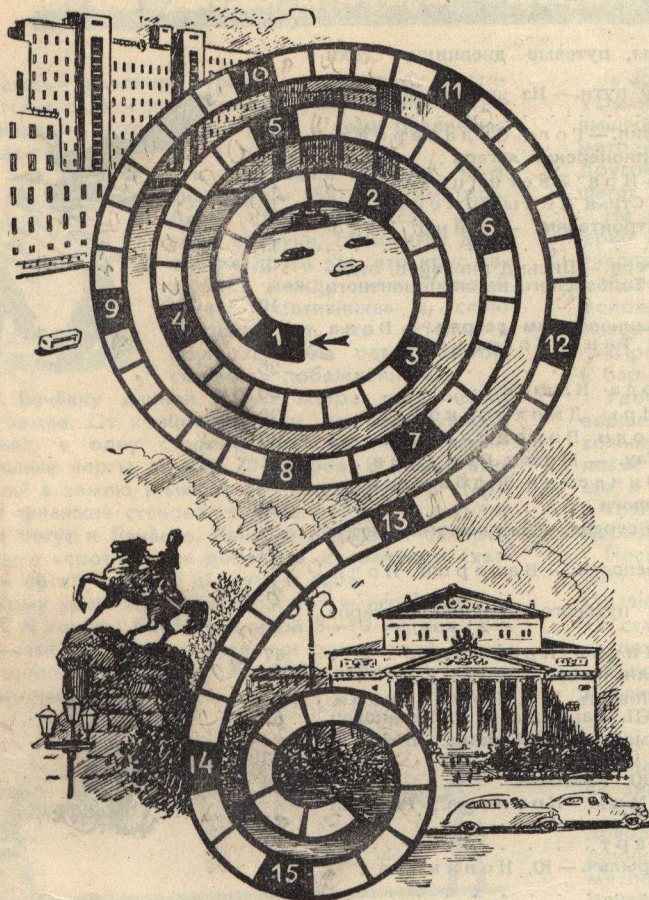
Оса-шершень

Бабочка-стекляница

ТРИ СТОЛИЦЫ

Составили А. Андреев и И. Чкаников

Впишите в клетки этого чайнворда 15 слов, которые имеют следующие значения: 1. Областной город в Белоруссии. 2. Правый приток Лены. 3. Незамерзающий порт на севере нашей страны. 4. Областной город в Грузинской ССР. 5. Крупный промышленный и культурный центр, областной город в Сибири. 6. Большой город Литовской ССР, расположенный на реке Неман. 7. Курортный город на Чёрном море. 8. Областной город, один из крупнейших центров нашей текстильной промышленности. 9. Большое озеро на северо-западе нашей страны. 10. Столица союзной республики. 11. Портный город на Чёрном море. 12. Столица союзной республики. 13. Областной город в верховьях Днепра. 14. Крупнейший приток Волги. 15. Портный город в устье Северной Двины.

Первое слово начинается в крайней клетке большой спирали и кончается в ближайшей затушёванной клетке. Последняя буква первого слова является начальной буквой второго слова. Так же связаны между собой и другие слова. Буквы, связывающие слова, должны находиться в затушёванных клетках.

Написав 15 слов, выпишите из затушёванных клеток все буквы и расположите их в таком порядке, чтобы составились названия столиц трёх союзных республик.

КАКОЕ ЧИСЛО?

Какое трёхзначное число увеличится на 303 единицы, если его записать на бумаге и затем повернуть листок «вверх ногами»?

ОТВЕТЫ

на задачи, помещённые в № 5

НЕВЕРНЫЙ РИСУНОК

1) На рисунке солнце находится на северной стороне горизонта, чего никогда не бывает.

2) Тени от предметов на рисунке должны были бы падать на юг, а они положены в другую сторону.

3) Рамы парников всегда бывают наклонены к югу, а не к западу, как изображено на рисунке.

4) Посмотрев на указатель стран света и на флюгер, вы поймёте, что ветер дует с севера. Значит, направление полёта летунки, которого запустил мальчик, показано неверно.

5) Лодка стоит на якоре, она натянула верёвку вниз по течению реки. Поплавок же от удочки отошёл в обратном направлении. Этого быть не может.

6) В доме рамы одного окна открыты внутрь, а другого — наружу. Так не бывает, потому что рамы всех окон дома навешиваются одинаково.

ПЕРЕМЕСТИТЕ ШАШКИ

Сделайте восемь ходов:

- 1) Из клетки 2 в клетку 3.
- 2) Из 4 — в 2. 3) Из 5 — в 4.
- 4) Из 3 — в 5. 5) Из 1 — в 3.
- 6) Из 2 — в 1. 7) Из 4 — в 2.
- 8) Из 3 — в 4.

РАЗГОВОР ПО ТЕЛЕФОНУ

Телефонные разговоры отца с сыном в рабочие дни могут происходить лишь в вечерние часы. Разница во времени между Москвой и Свердловском равна двум часам.

Инженер уходит из дому на завод в 9 часов утра. В это время в Москве 7 часов утра. Телефонные же разговоры со Свердловском по утрам начинаются только с 8 часов.

БОЛГАРСКИЕ НАРОДНЫЕ ЗАГАДКИ

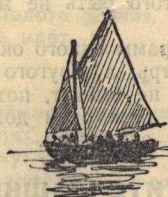
Ветер. Время. Географическая карта. Иголка с ниткой. Портрет. Пальцы на руке. Печка.

СОДЕРЖАНИЕ

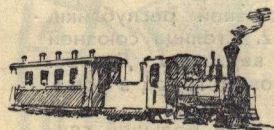
Стр.

Пионерское лето. — Рассказы, путевые дневники, стихи ребят о летнем отдыхе:	
По великому водному пути. — Из дневников пионеров Весеюгонска	3
Подпольная типография. — Гога Сулаберидзе	9
Вот он, наш весёлый пионерский лагерь	12
Мои новые друзья. — Ира Звегинцева	13
Пионерский костёр. — Стихи Лены Шенковой	16
Как мы помогли строителям. — Инна Радо-мысльская	17
Письма из одного лагеря. — Письма пионеров, отды-хавших в лагере Тамбовского вагоноремонтного завода	19
Путешествие к необыкновенным зверям. — Вова Полонский и Тania Евгеньева	23
Юные конструкторы	26
Первые яблоки. — Люда Клюева	28
В палатке. — Стихи Иры Дмоховской	30
Летом. — Стихи Володи Вороянкина	30
На пастбищах Кара-Тау. — Мами Бердыев	31
В Ясной Поляне. — Вячеслав Жабинский	33
Детские железные дороги	34
Умелые руки, весёлое сердце. — Из дневника Риты Шперх	36
У стен старинной крепости. — Валерий Паль-чук	40
По реке Лучесе. — Из путевого дневника пионеров Витебска	42
Чемпионы лагеря. — Лидия Крауклите	47
Что мы узнали, сделали, нашли	49
Партизан Лёня Голиков. — Повесть Юр. Королькова. Продолжение. Рисунки П. Баранова и Н. Евлановой	52
Сенокос. — Стихи М. Н. Тимофеева-Терёшкина. Вольный перевод с якутского Т. Стрешневой	73
В дни каникул. — Рисунки Ю. Узбякова	74
Алмазная грань. — Сказ Мих. Кочнева. Рисунки И. Кузнецова	75
Почтальон. — Стихи Е. Стюарт	84
Буревестник расправляет крылья. — Ю. Новикова	85
В мире книг и журналов	89
Календарь природы. — Е. Рубцова. Рисунки П. Рябова	92
В часы досуга	94

На обложке:
рисунок А. Ливанова
«В походе».

Редколлегия: Ильина Н. В. (редактор), Каверин В. А., Кассиль Л. А., Маркова С. Е., Орлов В. И., Печникова З. И., Прилежаева М. П., Смирнова В. В., Шмаринов Д. А., Щипачёв С. П.

Рукописи не возвращаются.

Адрес редакции: Москва, улица «Правды», 24, комната 235, тел. Д 3-30-73.

А 02823. Подп. к печати 5/VI 1953 г. Ф. б. 82 × 110 1/4. Бум. л. 3,06. Печ. л. 10,05. Тираж 140 000 экз. Изд. № 483. Зак. 1226.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

ТУРНИР ЛОВКИХ

Каждый участник турнира по очереди состязается в силе и ловкости со всеми своими «противниками», встречаясь с ними в семи различных играх-поединках.

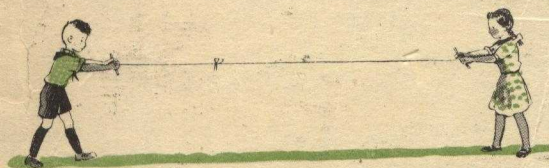
1. На земле рисуют круг диаметром 50 сантиметров. Двое соревнующихся, взявшись за руки, становятся друг против друга так, что круг находится между ними. Каждый тянет «противника» в свою сторону. Тот, кто вступит в круг хотя бы одной ногой, считается побеждённым.

2. Бечёвку длиной 2,5—3 метра растягивают на земле. От концов бечёвки, перпендикулярно к ней, в одну сторону проводят две параллельные черты длиной 20 метров. В конце этих линий в землю втыкают два флажка — это старт.

У флажков становится двое ребят. По сигналу они бегут к бечёвке. Каждый старается быстрее своего «противника» добежать до бечёвки, схватить её за конец и дернуть к себе.

Кому удастся это сделать, тот выигрывает.

3. К концам бечёвки длиной 8—10 метров привязывают небольшие палочки одинаковой длины и толщины. Середину бечёвки отмечают яркой ленточкой.

«Противники» берут палочки и отходят друг от друга настолько, насколько позволяет длина бечёвки. По сигналу они начинают быстро, обеими руками вращать палочку и, наматывая на неё бечёвку, двигаться вперёд.

Победителем будет тот, кто раньше «противника» наматает бечёвку до середины.

4. Ребята садятся друг против друга на траву, упираются ступнями ног в ступни «противника», и оба берутся за крепкую палку длиной в 40—50 сантиметров.

По сигналу каждый начинает тянуть палку к себе. Победитель тот, кто хоть немного приподнимет «противника» от земли.

5. В большой круг, начерченный на земле, входят участники поединка. Каждый из них становится в исходное положение: правую руку, согнутую в локте, прижимает к туловищу; левую ногу подгибает и берётся за неё левой рукой, обхватив щиколотку.

Раздаётся сигнал, и «противники», подпрыгивая и толкая друг друга плечом в плечо, пытаются вытеснить друг друга за линию окружности.

Побеждённым считается тот, кто выйдет из круга или, находясь в кругу, опустит на землю левую ногу.

6. Делают два барьера самого простого устройства. Крепко вбивают в землю пару колышков и между ними, на высоте 75—80 сантиметров, натягивают бечёвку. Один барьер готов. Другой, точно такой же, устанавливают в трёх шагах от первого, параллельно.

На землю между барьерами кладут фанерный ярко раскрашенный круг. К нему в двух противоположных точках диаметра приделаны небольшие петельки из тонкой бечёвки. Круг положен так, что диаметр, на концах которого находятся петельки, идёт параллельно барьерам.

«Противники» становятся к барьерам и берут удочки.

Удочки должны быть совершенно одинаковыми, похожими на те, которыми ловят рыбу, только удище и леска у них короче, а крючок сделан из мягкой проволоки.

После того как судья даст сигнал к началу состязания, участники поединка стараются быстрее подцепить круг крючком за петельку.

Выудить кружок — значит добиться победы в поединке.

7. Этот поединок происходит на буме или просто на бревне, лежащем на земле.

Бревно должно быть довольно толстым и длинным. Чтобы во время поединка оно не перекачывалось и не качалось, у его концов, по обе стороны, надо вбить в землю четыре колышка.

«Противники» становятся на бревно лицом к лицу, выставив правую ногу на шаг вперёд. Задача заключается в том, чтобы, ударяя «противника» по ладони правой руки, заставить его спрыгнуть с бревна или ступить на землю хотя бы одной ногой.

* * *

Такой турнир вы можете провести в парке, в саду, на школьной площадке или в пионерском лагере.

Число участников может быть различным: от восьми до двадцати человек. Возраст ребят должен быть примерно одинаковым.

Подготовку и проведение турнира берёт на себя судейская группа, в которую входит три—четыре человека: старшие пионеры, вожатый отряда, инструктор физкультуры.

Любой поединок каждой пары может продолжаться не более двух минут. Если за это время один из «противников» не победит в схватке, считается, что она закончилась вничью.

Результаты состязаний отмечают в особой таблице. За каждую победу участник турнира получает одно очко. При ничьей обоим «противникам» записывается в таблицу по половине очка. Поражение отмечается нулём.

По окончании турнира подсчитывают, сколько очков набрал каждый, и объявляют имена победителей турнира.

Наш художник побывал на выставках летних работ в Москворецком и Октябрьском домах пионеров Москвы и зарисовал некоторые работы ребят. А сколько ещё интересных вещей можно смастерить на досуге!

Напишите нам, ребята, какие подарки готовите вы своей школе, что привезёте с собой из лагеря.